

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Л. Н. ХЛУДОВА

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ:
НОВАЯ ОКРАИНА
ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ
(КОНЕЦ XVIII – 60-Е ГГ. XIX ВВ.)**

МОНОГРАФИЯ

Армавир
АГПУ
2017

УДК-908"18-19"
ББК-63.3(2р37)
Х 60

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 16-11-23006 «Северо-Западный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVIII – 60-е гг. XIX вв.)»

Научный редактор –

С.Л. Дударев – доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Рецензенты –

Н.Н. Великая – доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

В.А. Захаров – кандидат исторических наук, профессор,
директор Института политических и социальных исследований
Черноморо-Каспийского региона (г. Москва)

Хлудова, Л. Н.

Х 60

Северо-Западный Кавказ: новая окраина глазами российских и зарубежных художников (конец XVIII – 60-е гг. XIX вв.) : монография / Л. Н. Хлудова. – Армавир : РИО АГПУ, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-89971-587-7

В монографии на основе широко круга изобразительных источников конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. рассматриваются различные аспекты военно-политической истории, хозяйства, культуры и быта населения Прикубанья, которые нашли отражение в произведениях живописи и графики отечественных и зарубежных авторов. Изобразительное искусство способствовало снятию «чужести» с образа Кавказа. Край стал более понятен и близок России, узнавшей его географические, исторические, этнические особенности и неповторимость. Выявление и систематизация изобразительных материалов открывает большой простор для исследования и применения их в образовательно-воспитательной сфере.

Монография предназначена для историков-кавказоведов, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей Северо-Западного Кавказа.

УДК-908"18-19"
ББК-63.3(2р37)

ISBN 978-5-89971-587-7

© Хлудова Л.Н., 2017
© Оформление. ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЖИВОПИСНЫЕ СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ КУБАНИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)	28
1.1. Историко-этнографические сюжеты	28
ГЛАВА 2. СОБЫТИЯ И ЛЮДИ КУБАНСКОЙ ИСТОРИИ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ РОССИИ И ЗАПАДА (НАЧАЛО – 60-Е ГГ. XIX В.)	37
2.1. История Кубани в портретном жанре	37
2.2. События военно-политической истории в творчестве художников-баталистов	60
ГЛАВА 3. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКУБАНЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ (НАЧАЛО – 60-Е ГГ. XIX В.)	97
3.1. Историко-бытовые изобразительные сюжеты из жизни северокавказских народов (адыгов, ногайцев, абазин)	97
3.2. Кубанские казаки в изобразительном искусстве	124
3.3. Изобразительные сюжеты, посвящённые торговле закубанских народов	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	153
ПРИЛОЖЕНИЕ	173

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Западный Кавказ на протяжении всей своей многовековой истории являлся «пограничной зоной» (по терминологии ряда исследователей – «фронтиром»)¹, со всеми вытекающими отсюда процессами сосуществования, взаимопроникновения и смены одних этнических групп другими. Многие истоки сегодняшних социально-политических и национальных проблем, с которыми сталкивается Российское государство на южных своих рубежах, как, впрочем, и возможные пути их разрешения, следует искать в обозримом историческом прошлом. Объективные научные знания о нем способны сыграть немаловажную роль в достижении государственно-политической стабильности². Острые вопросы национальной истории откровенно, хотя и не всегда корректно обсуждаются историками и общественными деятелями в массовой печати и на страницах серьёзных научных изданий. Многими деятелями, как в стране, так и за рубежом, культивируется монистическая интерпретация присоединения Кавказа в состав России в результате ее завоевательной политики. Она негативно влияет на генезис самосознания многих кавказских народов³.

В формировании исторических взглядов современников на прошлое полиэтничного региона Северо-Западного Кавказа все больше участвуют ранее не используемые архивные сведения, успешно привлекаются литературно-художественные произведения, данные фольклора, результатов исследований вспомогательных исторических дисциплин⁴. Растет интерес и к визуальным источникам, в т. ч. и к изображениям, фильмам, фотографиям. Это позволяет некоторым зарубежным и отечественным историкам говорить о «визуальном повороте» в современной исторической науке⁵. Визуальные источники – это не просто иллюстрации, они – неотъемлемая часть аргументации историка, и часто стоят вровень с письменными текстами, представляя собой уникальный по своему характеру источник, являясь единственным свидетельством

---

¹ Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар : Эдви, 2015; Иванова Л. М. Кавказский фронт в современной российской историографии // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 9 / науч. ред., сост. О. В. Матвеев. Краснодар, 2016. С. 49-55.

² Матвеев В. А. Концептуальные парадигмы в контексте историографического анализа проблемы геополитического единства России и Северного Кавказа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 3. С. 26.

³ Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / под ред. С. Л. Дударева. Вып. 1. Пятигорск, 2016. С. 43-80.

⁴ Черноус В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50-х гг. XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 60.

⁵ Соколов А. Б. «Визуальный поворот» в современной историографии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igh.ru/conf/tesis2/sokolov.html>.

прошлого. В таком случае визуальные источники могут выступать и выступают в качестве основного источника. Преимущественно в визуальном источнике могут быть обнаружены такие детали, как жесты, взгляды, выражение лица, поза и т. д., позволяющие ближе приблизиться к исторической реальности⁶. Как и любой письменный текст должен рассматриваться только в контексте дискурса, в котором он возник, так и изобразительные источники – произведения живописи и графики, фотографии и т. п. становятся понятными только в соответствующей привязке к эпохе, к условиям, в которых он был создан, для чего применяются и методы лингвистики, исторической психологии, исторической демографии, культурологии, социологии, политологии и т. д. Любой изобразительный источник – это не прямое отражение реального события, а его интерпретация автором, и задача историка грамотно его «расшифровать». Хорошим примером «визуализации» истории служат работы некоторых современных исследователей творчества М.Ю. Лермонтова⁷. Искусство передавать на бумаге, холсте или иным изобразительным способом увиденное, прочувствованное, пережитое давало возможность современникам и очевидцам событий, как и позднейшим их интерпретаторам, протягивать связующую нить зрительной памяти из прошлого в настоящее и будущее. Созданные ими работы служили не только средством авторского самовыражения, но и являлись важнейшим компонентом духовной жизни общества, способом активного воздействия на сознание и чувства людей своего времени. Художником могло владеть чувство патриотизма, идеологические стереотипы, интерес этнографа, путешественника, тонко чувствующего и мыслящего наблюдателя. В любом случае, авторский субъективизм не снижает, а скорее повышает ценность этого источника.

В последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. в условиях обострения политического соперничества на Северо-западном Кавказе между Россией и Турцией, происходит расширение сферы взаимодействия и взаимовлияния модернизирующейся российской цивилизации и самобытной горской культуры⁸. В это время регион находился в поле зрения

---

⁶ Зайцева Е. В. Фотографии как исторический источник истории повседневности города Ставрополя середины XIX – начала XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/876>.

⁷ Захаров В. А. Кого нарисовал М.Ю. Лермонтов в школе юнкеров: к истории русско-турецких отношений 30-х годов XIX века. М. : Русская панорама, 2016. 100 с.; Его же. О портрете М.Ю. Лермонтова, приписываемом Ф.О. Будкину. М. : Русская панорама, 2017. 101 с.

⁸ Урушадзе А. Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // Былые годы. 2010. № 4. С. 10-12; Клычников Ю. Ю. О некоторых дискуссионных проблемах северокавказской истории глазами исследователей научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18-го семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013. С. 5-9.

российских и зарубежных художников, что подтверждается значительным количеством произведений досоветского периода, широкого сюжетного и исполнительско-жанрового спектра, отражающих различные аспекты истории региона. Потенциал использования их в исторической науке и образовательной сфере далеко не исчерпан. Эти работы широко используются в качестве иллюстраций в историко-этнографической и научно-популярной литературе, хотя при этом читатели порой сталкиваются с небрежностью в указании названий или авторов работ. Полноценный и масштабный анализ богатого изобразительного наследия российских и зарубежных художников, отражающих взгляды авторов на исторические события (и их участников) конца XVIII – 60-х гг. XIX вв. позволит лучше понять дух, времени и эпохи.

Практика привлечения произведений изобразительного искусства к воссозданию картин прошлого не нова, и использовалась как в отношении отдельных регионов (например, Чечено-Ингушетия), так и в рамках различных исторических дисциплин (оружиеведение, униформология), этнографии и т. д. Исследование на основе изобразительных материалов северокавказского региона позволит рассмотреть самые различные аспекты взаимодействия горских племен, России и европейских стран в области материально-производственных, социально-политических и духовных отношений. Изобразительные материалы освещают процессы аккультурации и интеграции, столкновение ценностей и мировоззрений, конфликт между политическими интересами участников российско-горского противостояния. Выявление новых авторов и их произведений обогатит и российское источниковедение, упрочит фундаментальные представления о цивилизующей и интегрирующей миссии русской культуры и вкладе ее носителей в формирование полноправного исторического партнерства северокавказских народов под эгидой России, как великой евразийской державы.

Предметом изучения могут являться не только запечатленные события, но и люди, как известные политические и культурные деятели, так и рядовые творцы истории, чей облик нашел отражение в изобразительном искусстве и отражен в исторической литературе. Заявленное исследование открывает широкие перспективы для применения полученных результатов в образовательно-воспитательной сфере как дополнительного способа знакомства с историко-бытовыми реалиями Кубани, фактора формирования исторического мышления, нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения.

Исследование в этом направлении имеет очевидную значимость в русле реализации программы «Основы государственной культурной политики» для поддержки усилий государственных и общественных

структур на Кубани, направленных на укрепления традиций дружбы и сотрудничества северокавказских народов.

Современная этносоциальная политика властей на Северном Кавказе проводится в русле укрепления традиций дружбы и сотрудничества народов России, интегрированных в социальной, культурной, политической и иных сферах жизни⁹. В этой связи особую актуальность приобретают поиски общих точек соприкосновения, общих взглядов на исторические события, а, значит, и на перспективы дальнейшего сосуществования в рамках федерации¹⁰. Богатое изобразительное наследие позволяет современнику в буквальном смысле охватить взглядом и оценить все многообразие этносоциальных, культурных, военно-политических связей этнических групп, на протяжении веков формирующих сложный и противоречивый образ Северо-Западного Кавказа.

Мы поставили перед собой цель мобилизовать и систематизировать изобразительные сюжеты отечественных и зарубежных авторов конца XVIII в. – 60-х гг. XIX в., прямо или косвенно характеризующие различные аспекты процесса формирования единства Россия и Северо-Западный Кавказа. Это позволит прийти к объективной оценке вклада представителей мира искусства в сложный и противоречивый процесс складывания единой культурно-цивилизационной среды, ставшей продуктом разнообразных экономических, культурных, социально-политических контактов между людьми, различными этническими группами, народами и целыми государствами.

Для достижения цели исследования поставлен ряд задач:

- мобилизовать и систематизировать известные (и выявить новые) произведения живописи и графики по хронологическому принципу, как наиболее отвечающему специфике исторического познания;
- показать возможности каждого жанра (исторического, историко-этнографического, пейзажа, портрета, батального) в реконструкции исторической действительности и формировании объективного взгляда на историческое прошлое;
- дать историко-этнографический комментарий ряду работ, используя их как исторический источник;
- осмыслить степень авторского самовыражения и проанализировать отдельные произведения в контексте реалий исторической среды

---

⁹ Виноградов В. Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества (вводная к дискуссии) // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. Армавир, 1999. С. 3; Великая Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. 2007. № 45; Посвящается 100-летию со дня рождения академика АН СССР А.Л. Нарочницкого / Отв. ред. В. В. Черноус. Ростов н/Д., 2007. С. 88-101.

¹⁰ Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру.

как социокультурного фактора, формирующего мировоззрение современников и потомков;

– обозначить направления практического использования изобразительного материала в научно-исследовательской и учебно-воспитательной работе.

Хронологические границы исследования определялись развитием региона в контексте его вхождения в состав Российского государства. Нижняя граница определена с учетом начала активных действий Российского государства на территории Северо-Западного Кавказа, верхняя установлена по 60-е гг. XIX в. – время фактического и полного завершения процесса вхождения Закубанья в состав Российской империи.

Территориальные рамки исследования предполагают, возможно, более полную мобилизацию всех произведений, сюжеты или образы которых так или иначе связаны с историческим прошлым региона Северо-Западного Кавказа, который не ограничивается территориальными рамками Краснодарского края и республики Адыгея, а включает в себя и территории, связанные с Карачаево-Черкесией (Верхняя Кубань), прилегающими районами Ставропольского края.

Непосредственными источниками для монографии явились сами произведения живописи и графики, воспроизведенные в виде репродукций в литературе, изданной в советский и постсоветский период, а также некоторые оригиналы и репродукции, представленные в экспозициях музеев городов Краснодар, Тамань, Майкоп, Новокубанск, Нальчик. Хотя очевидно, что число живописных и графических работ по интересующей нас теме, которые находятся в фондах ГИМ, ГЛМ, ГМП, ГРМ, в фондах и экспозициях городских, краевых и республиканских музеев Северного Кавказа, а также воспроизведенных на страницах научно-популярных, периодических и иных дореволюционных изданий, неизмеримо больше предложенного нами списка. При подборе источников мы руководствовались, в первую очередь, желанием обозначить актуальность и перспективность поставленной проблемы, стремились к широкому показу сюжетно-жанрового спектра, охватывающего разные стороны истории, культуры, быта народов Северо-Западного Кавказа. Мы ориентировались на максимально возможную доступность для широкой публики предлагаемого иллюстративного материала, его востребованность в современном научно-исследовательском процессе. Для жителей края именно эти работы являются одним из факторов, влияющих на формирование исторического сознания и представлений о прошлом своего региона, они же могут найти широкое применение в рамках школьного курса «Кубановедение».

Во второй половине XVIII в. интерес к «загадочному» Кавказу со стороны русского образованного общества был связан с активизацией

политики российских властей на южном направлении. Освоение Кавказа требовало реализации здесь определенной колонизационно-переселенческой, культурно-просветительской политики по отношению к проживающим здесь народам.

Каким же Россия увидела эту новую окраину, с какими народами она там столкнулась, что вызвало интерес и привлекло и поразило путешественников, исследователей, военных и чиновников, побывавших на Кавказе? Свои взгляды на проблемы Северного Кавказа и народы, его населяющие оставили как представители официальной России (военные, чиновники, ученые), так и оппозиционного лагеря (декабристы, радикальные демократы), и «кавказские пленники»¹¹. Также огромную роль в формировании образа новой окраины сыграли представители мира искусства: художники, любители или профессионалы.

Если иностранные художники начали «живописное изучение» России еще с середины 50-х гг. XVIII в., то в начале XIX в. свой взгляд на окраину формируются и у представителей российского общества. Северный Кавказ открывают для широкой русской общественности русские художники разных уровней подготовки и одаренности. Среди русских офицеров и чиновников, служивших на Кавказе, можно найти несколько десятков представителей дворянской элиты, которые в соответствии с принципами классического образования получили навыки работы карандашом и кистью в полевых условиях. Экзотика и обаяние Кавказа были настолько велики, что даже дилетанты-художники не могли отказаться от того, чтобы в меру своих способностей запечатлеть виды природы, портреты горцев и батальные сцены¹². Изобразительное искусство русских и европейских художников, конструировавших образ Кавказа, было словно «наиболее чувствительное зеркало, отражающее общество и культуру, составной частью которых является». В нем нашли отражение все «основные формы социальной, экономической и политической организации, большая часть нравов и обычаев, образа жизни и мышления (менталитета)»¹³.

---

¹¹ Дударев Д. С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века. Автореф. ... канд. ист. наук. Армавир, 2016. С. 3; Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир : Дизайн-студия Б, 2017.

¹² Ибрагимова З. Х. Художники, жившие и работавшие на Кавказе в XIX веке [Электронный ресурс]. URL: http://chechenasso.ru/?page_id=1030 (дата обращения: 12.03.2016).

¹³ Солонин Ю. Н., Каган М. С. Культурология. М. : Высшее образование, 2009. С. 332.

¹³ Абдулаева З. А. Социокультурная реальность Кавказа в творчестве русских и европейских художников XIX века [Электронный ресурс]. Автореф. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2011 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: http://www.dissercat.com/content/sotsio_kulturnaya-realnost-kavkaza-v-tvorchestve-russkikh-i-evropeiskikh-khudozhnikov-xix-vek#ixzz3fBSiyrJo (дата обращения: 12.03.2016).

На рубеже XVIII-XIX вв. усиливается вовлеченность Кавказа в орбиту влияния различных европейских держав. Об образе жизни народов России, в том числе и южных ее окраин, бытовали самые фантастические суждения, и именно иностранные художники начали «живописное изучение» России еще с середины 50-х гг. XVIII в. А.Н. Бенуа, характеризуя историю бытового жанра в России до Венецианова, наиболее плодотворными считает «этнографические и топографические с многочисленными фигурами съемки разных иностранцев»¹⁴. Характеризуя следующую группу произведений типажно-костюмного характера, надо отметить, что работы такого рода, принадлежащие Ж.-Б. Лепренсу, И.Г. Георги, граверу Х. Роту, не представляли большого интереса в художественном отношении, но пользовались популярностью и служили познавательным целям. Они выходили в 70-90-х гг. XVIII в. отдельными выпусками под общим названием «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обитающих», «Описание всех в Российском государстве обитающих народов»¹⁵.

Характеризуя эту группу источников, следует отметить, что при некоторой «пародийности» некоторых создаваемых образов, искажении ими облика людей, фантастический характер одежды, они подталкивали к живописному (и не только) изучению окраин империи.

В начале XIX века исторический реалии на рассматриваемой территории наиболее полное воплощение нашли в таких жанрах, как пейзаж или видопись, и бытовой жанр. И поскольку графика была меньше скована условностями господствующего стиля, обладала особой эмоциональной выразительностью, позволяла расширить сюжетные рамки, именно она достигает своего расцвета в первые десятилетия XIX века¹⁶.

На рубеже столетий в «российский туризм» отправлялись не только иностранцы, но и отечественные интеллектуалы. Кто-то делал это за собственный счет, а кто-то направлялся «по казенной нужде». По возвращении зарубежные и отечественные пилигримы предлагали современникам разные версии объяснения человеческого разнообразия в империи. Знакомство с ними побудило отечественных читателей настаивать на необходимости «русского взгляда» для репрезентации страны¹⁷.

Многочисленные экспедиции, вызванные нуждами отечественной науки и необходимостью хозяйственного освоения страны, требовали

---

¹⁴ Гончарова Н. Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. М., 1987. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 78-79.

¹⁶ Там же. С. 8-9.

¹⁷ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» [Электронный ресурс]. М. : Новое литературное обозрение, 2014. URL: <https://profilib.com/chtenie/145655/elena-vishlenkova-vizualnoe-narodovedenie-imperii-ili-uidet-russkogo-dano-ne-kazhdomu-36.php>.

присутствия художника «для снятия видов», в творчестве которых скрестились пути развития пейзажного и бытового жанров. Одна из первых экспедиций такого рода состоялась еще в 1768-1771 гг. под руководством И.А. Гильденштедта (Гюльденштедта) с участием рисовальщика Григория Белого. Помимо ценных сведений этнографического характера, в отчет экспедиции вошли рисунки, изображающие черкесов (или кабардинцев)¹⁸. Более или менее достоверные изображения представителей народов Северо-Западного Кавказа выполняли функцию визуализации образов народов «нерусских», являвшихся, тем не менее, частью Российской империи, а значит, нуждавшихся в описании и изучении. Особого внимания среди них заслуживает творчество Х. Гейслера: именно его рисунки казаков и горцев-черкесов, например, были использованы в Англии и Париже для визуальной ориентализации России. Гейслер с 1790 по 1798 г. странствовал с российским академиком П.С. Палласом по востоку и северу империи. Рисунки Гейслера вышли несколькими альбомами¹⁹. Но, очевидно, выполнив заказ начальника экспедиции, художник в дальнейшем не владел своими произведениями, в то время как Паллас считал себя вправе распоряжаться ими по собственному усмотрению и впоследствии на основе зарисовок Гейслера, гравюры исполняют другие художники²⁰.

Ярким примером итогов деятельности экспедиционных художников являются два альбома гравюр Е.М. Корнеева «Собрание костюмов» (1808-1809 гг.) и «Народы России, или Описание нравов, обычаев и костюмов разных народов Российской империи, иллюстрированное цветными изображениями» (Т. 1-2. Париж, 1812-1813), в которых имеются изображения представителей черноморских казаков и черкесов²¹. Образы, созданные Корнеевым, положительные, гармонично сочетающие красоту физическую и духовную, что отличает работы этого художника от произведений иностранцев. Этнографизм рисунков Е.М. Корнеева и других художников, работавших в этом жанре нельзя рассматривать как недостаток, он придает особую историческую ценность их произведениям.

---

¹⁸ Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С. 230-233; Гюльденштедт И. А. Путешествие по России и Кавказским горам // Европейские дневники XIII-XVIII веков. Вып. III / Сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. С. 228-246.

¹⁹ Geissler C. G. H. Mahlerische Darstellungen der Sitten Gebrauche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich. Leipzig, 1803. (Живописное изображение нравов, обычаев и увеселений русских, татарских, монгольских и других народов в Российской Империи); Geissler C. G. H. Sitten, gebrauch und kleidung der Russen aus den niedern Ständen. Leipzig, 1805. (Нравы, обычаи и одежда русских из низших сословий).

²⁰ Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» [Электронный ресурс]. М. : Новое литературное обозрение, 2014. URL: <https://profilib.com/chtenie/145655/elena-vishlenkova-vizualnoe-narodovedenie-imperii-ili-uvidet-russkogo-dano-ne-kazhdomu-36.php>.

²¹ Гончарова Н. Н. Указ. соч. С. 74-76.

Особенно возрастает число изобразительных сюжетов, в том числе и принадлежащих европейцам, в 30-40-е гг. XIX в., когда на Северо-Западном Кавказе обостряется противоборство между Россией, с одной стороны, и местными племенами, поддерживаемыми Великобританией, с другой. Произведения Тебу де Мариньи, английских эмиссаров Д. Белла, Э. Спенсера посвящены особенностям внешнего вида и жилища, бытовой культуры черкесов, различным проявлениям их общественно-политической, духовной и культурной жизни. На основе их анализа можно судить о типологических особенностях образа жизни горцев, которую авторы рисунков наблюдали непосредственно находясь среди враждебно настроенных к российской власти племен. Этот иллюстративный материал помещался в опубликованных дневниках этих и других авторов²². Современные историки для создания более полной картины событий того времени активно используют рисунки европейцев в монографиях, сборниках статей по истории черкесского народа и археологии Северного Кавказа²³. Репродукции произведений указанных авторов украшают экспозицию музея в г. Майкоп (Адыгея).

Многонациональный характер кубанского региона отражен (пусть и не в полной мере) в изображениях ногайцев, черкесов, абазин, принадлежащих исследователям Кавказа Д. Шлаттеру, П.С. Русселю, А. Орловскому и многим неизвестным авторам²⁴. Эти работы являются источником информации, подтверждающей изложенные в соответствующей научной литературе сведения по вопросам социальной структуры и основных занятий, одежды и вооружения, внешнего вида и внутреннего убранства жилища абазин и черкесов, организации обрядов. Анализ работ позволяет проследить общие и особенные черты культуры этих народов в сравнении с культурами других северокавказских народов.

Ранняя история черноморцев и линейцев отражена в многочисленных гравюрах, литографиях, офортах с изображениями запорожских, волгских, донских, малороссийских казаков, т. е. тех этносоциальных групп, из которых будет формироваться казачество на Кубани. На гравюрах конца XVIII в. «Казак-грабитель», «Черноморский казак»²⁵ облик казаков (хотя и неоднозначно трактуемых нами как черноморских) отражает, по мнению

---

²² Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп : Адыгея, 1994; Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. В 2 т. Нальчик : Эль-Фа, 2007; Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. Из заметок участника-иностранца. Перемышляны : Северо-Кавказский филиал традиционной культуры. М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990; Живая старина. 1992. № 2, 3.

²³ Черкесия в XIX веке : Материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа». Майкоп, 1991; Живая старина. 1992. № 2, 3.

²⁴ Калмыков И. Х. Указ. соч. С. 127; Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. История оружия. М.; Нальчик, 1995. С. 18, 58; Думанов Х. М. Вдали от родины. Нальчик, 1994. Приложение.

²⁵ Родина. 2004. № 5. С. 22, 23.

ряда историков, специфику их роли «социальных бандитов» на раннем этапе истории.

Пик интереса европейских художников к казачьей тематике приходится на эпоху наполеоновских войн и связан с участием черноморских казаков в европейском походе русской армии, когда казачья натура «сама пришла» на улицы европейских городов. Репродукции работ иностранных художников первой половины XIX в., таких как К. Верне, Опиц, Марле, Зауервейд, Гебенс посвященные, в том числе и кубанским казакам, опубликованы в современных исторических журналах, альманахах²⁶. В большинстве своем, это костюмно-типажные зарисовки, бытовые сценки, с участием казаков и европейцев.

Иллюстрации из книги А.В. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению» (СПб, 1900) активно используют в своих трудах исследователи казачества, казачьей формы и вооружения О.В. Матвеев, Б.Е. Фролов, воспроизводятся они и на страницах учебных пособий²⁷. На их основе исследователи делают выводы относительно официально-предписанных образцов обмундирования и вооружения, процессах сближения внешнего облика горца и казака.

Особенностям организации военной службы линейного казачества, которая характеризовалась постоянным наблюдением за «немирными» черкесами, тревожным ожиданием нападения, угрозой пленения, как казаков, так и членов их семей посвящены сюжеты литографий Д. Россова, А. Пржецлавского и других авторов²⁸.

В истории кубанского казачества много страниц связано не только с его боевыми заслугами по охране границ своего государства на Северном Кавказе, но и с охранно-усмирительной деятельностью казаков на просторах Российской империи, в частности, в царстве Польском, где они были представлены постоянно действующей частью. На репродукциях иллюстраций из «Альбома январского восстания», хранящегося в историческом музее г. Варшава хорошо различимы линейные казаки, разгоняющие молящихся в кафедральном варшавском соборе, осадившие дом лидера оппозиции ЗамоЙского, охранявшие наместника Польши Н. Берга в момент покушения на него²⁹. Участие казаков в этих событиях широко освещается и другими источниками.

---

²⁶ Казачий круг. Спец. вып. 2. М., 1991. Ч. 1. С. 68-73.

²⁷ Матвеев О. В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Краснодар; Армавир, 1995; Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. – 1917 г.). Краснодар, 2000.

²⁸ Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Линейцы. Очерки истории ст. Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. С. 18, 22, 34, 43, 72.

²⁹ Кеневич С. Восстание 1863 г. Варшава, 1972.

Нашла свое отражение в изобразительном искусстве и тема торговых связей закубанских народов с Россией и Турцией. Чаще всего встречаются сюжеты, связанные с работоторговлей – неотъемлемой частью жизнеобеспечения горцев на протяжении нескольких веков³⁰. Изображенные сцены торговли позволяют судить о характере вывозимого «товара» (большим спросом пользовались молодые девушки), местах совершения сделок и т. д. Но и закономерный процесс смены торговых приоритетов, налаживание экономических связей с российскими казаками, купцами, предпринимателями отображен в графических произведениях³¹.

С военно-политическими событиями на Северо-Западном Кавказе в 1-й половине XIX в., в том числе и с «Кавказской войной» связаны произведения живописи и графики батального жанра. Они отражают процесс присоединения к России Закубанья и Черноморского побережья.

Изобразительные сюжеты из истории города Анапа батального характера освидетельствуют о той важной роли, которую играла Анапа в российско-османском противостоянии в этом регионе с конца XVIII в. и в первой трети XIX в. в ходе османо-российских войн (1787-1791, 1806-1812, 1828-1829)³². Эти работы выполнены как в жанре станковой живописи, так и в рассчитанных на массовое тиражирование видах графики (гравюра, лубок), и с разной степенью точности отображения событий.

Работы известных баталистов Г.Г. Гагарина, Т.Т. Горшельта, И.К. Айвазовского, П.Н. Грузинского относятся к наиболее ценному художественному наследию, отличаются высокой степенью достоверности и художественными достоинствами. Произведения Т. Горшельта, посвященные военным событиям на Кавказе, высоко оценены современниками и потомками как реалистичные, проникнутые пониманием психологии простого российского солдата. Непосредственное отношение к нашей теме имеют изображения линейных и кубанских казаков, рисунок «Возвращение кубанских казаков с набега», «Встреча депутации адыгов с Александром II в 1861 г.». Сразу после смерти художника его работы были изданы в Мюнхене альбомом «Теодор Горшельт. Его жизнь и его произведения» с приложением биографического очерка Холанда³³.

³⁰ Живая старина. 1992. № 3. С. 71; Живая старина. 1992. № 2. С. 110; Айвазовский известный и неизвестный / авт. текста и сост. Ш. Хочатрян. Самара, 2000; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 77; Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. М., 1994. Форзац.

³¹ Данилова Е. Н. Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX века. М., 1984.

³² Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг., 1914. (Репр. воспр. СПб., 1995). Приложение.

³³ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. В 2-х т. Нальчик, 1995. Т. 2. С. 460.

Другим именитым художником-исследователем Кавказа является Г. Гагарин, чьи работы в XIX в. издавались альбомами «Живописный Кавказ», «Князь Гагарин»³⁴. Он является автором ряда известных батально-исторических произведений, освещающих события боевых походов в Чечню и Дагестан. Прикубанские реалии отражены им, главным образом, в серии жанровых рисунков. Его творчество отличалось реализмом в отражении специфики национальной одежды, традиций и обычаев разных племен Прикубанья и широко используется в современной регионоведческой литературе. Репродукции картин (и их отдельных фрагментов) имеются во многих современных изданиях, посвященных вопросам истории и этнографии.

И.К. Айвазовского считают признанным маринистом, но он является также и автором ряда батальных картин, посвященных, в том числе, высадке морских десантов на черноморском побережье Кубани, основанием Черноморской береговой линии и ее охране.

Непосредственным участником закубанских экспедиций против горцев был известный мастер видового рисунка швейцарец И.Я. Мейер. Его работы отличаются детальной и верной прорисовкой пейзажа и участников похода против горцев: регулярных частей, казаков. Особенная информативность и живость изображения присуща, на наш взгляд, рисункам, выполненным на Кубани российскими офицерами-любителями в походных альбомах, дневниках, т. е., что называется, «по горячим следам». Чаще всего они изображают реальных участников и события, о которых можно найти упоминания в письменных источниках, провести сравнительный анализ полученной информации. Это в полной мере относится к рисункам представителя лермонтовского круга на Кавказе, офицера Н.И. Поливанова. Произведения И.Я. Мейера и Н.И. Поливанова были обнаружены исследователем Я.Л. Махлевиным в Ульяновском художественном музее, Литературном музее в Москве³⁵.

Во многих современных и дореволюционных изданиях встречается картина А.А. Козлова «Подвиг рядового Архипа Осипова»³⁶. Она относится к произведениям, рассчитанным на широкую зрительскую аудиторию, которые не всегда отличаются документальной точностью в отношении запечатленных событий, но наглядно утверждают идею самоотверженного служения Отечеству и большую роль православной церкви в духовной жизни России.

---

³⁴ Доногоно-Коркмас М. (Коркмасов М.). Кавказский художник князь Г. Гагарин. Махачкала, 1993. Приложение.

³⁵ Махлевич Я. Л. «И Эльборус на юге...». М., 1991. С. 49-150.

³⁶ Служивый. Очерки покорения Кавказа. С рисунками и картами. СПб., 1901. Иллюстрации.

Проблеме мухаджирства посвящена работа П.Н. Грузинского «Оставление горцами аула»³⁷, произведения «Переселение черкесов в Турцию»³⁸, «Отправка черкесов в Османскую империю из Новороссийской бухты в 1864 г.»³⁹. Они, может быть, не равноценны по художественным достоинствам, но по содержанию весьма выразительны. Доступными художественными средствами их авторы смогли передать сложность и трагичность обстоятельств, в которые были поставлены закубанские народы с завершением «Кавказской войны», выразить свое отношение к этой проблеме.

Среди изобразительных произведений XIX в. многие выполнены в жанре портрета. В большинстве случаев мы имеем дело с портретами известных исторических лиц, военно-политических деятелей, чей вклад в историю, политическую, культурную жизнь региона общепризнан, и во многом благодаря их деятельности история Кубани воспринимается россиянами как неотъемлемая и важная составляющая общероссийской истории. К ним можно отнести А.П. Ермолова, А.А. Вельяминова, Н.Н. Раевского-младшего, Г.Х. Засса, сосланных на Кавказ декабристов, представителей казачества, деятелей культуры и многих других. Их портреты представляют ценность и как иллюстративный материал для изданий по регионоведению, и как источник дополнительных сведений о биографии этих людей. Мы несколько не претендуем на максимальный охват подобного рода работ, что, возможно, станет задачей для последующих исследований.

Помимо собственно изобразительных произведений использовались и письменные источники. Для соответствующего исторического комментария мы обращались, главным образом, к заметкам путешественников, воспоминаниям и мемуарам, обобщающим исторически сочинениям.

Выгодное географическое положение на перекрестке торговых путей из Европы на Ближний Восток, наличие выхода к морю привлекают в этот край, как торговцев, путешественников, так и общественно-политических деятелей. Их воспоминания, путевые заметки, дневники и исторические исследования носят описательный характер, охватывают различные сферы духовной и материальной жизни черкесов, кабардинцев, ногайцев, абазин. В большинстве случаев они проникнуты неподдельным интересом к непривычным для европейца формам традиционного быта и культуры, содержат оценочные суждения по разным вопросам (работоторговля, языческие обряды, внешний вид и т. д.). Основным источником для нас явился сборник документов личного происхождения «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов

---

³⁷ Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII-XIX вв. М., 1955. С. 180.

³⁸ Думанов Х. М. Нальчик, 1994. Приложение.

³⁹ Республиканский музей, г. Майкоп.

XIII-XIX вв.». Так, например, упоминания о работоторговле содержатся в описаниях путешественников XV-XIX вв. И. Шильтбергера, Д. Интериано, Д. Лукка, Д. Лонгворта, Д. Белла и других⁴⁰. Некоторые аспекты бытовой культуры, религиозных верований, запечатленные художниками, находят подтверждение в трудах европейских путешественников Ф. де Монпере, Ж. Тебу де Мариньи и др.⁴¹

Ценным источником сведений о материальной и духовной культуре черкесов, институтах власти и общественных учреждениях этого народа являются дневники Дж.А. Лонгворта, Э. Спенсера, Д. Белла, несмотря на явно пристрастное отношение к политической ситуации на Северо-Западном Кавказе этих авторов⁴².

Обширный фактический материал, позволяющий провести сравнительный анализ с данными изобразительных источников на темы боевых действий на Черноморской, Старой и Новой Линиях содержится в воспоминаниях участников этих событий И. Мирославского, Ф.Ф. Торнау, Г.И. Филипсона, М.Ф. Федорова⁴³. Непосредственно на месте событий были написаны заметки в газету Н.И. Вороновым, в которых автор делает попытку разобраться в таком сложном вопросе, как переселение горцев в Турцию в 1858-59 гг.⁴⁴ Взгляд со стороны горцев на события последних лет «Кавказской войны» содержится в записках А. Фонвилля.

Большое значение для объективной оценки личности людей, чьи портреты мы приводим в каталоге, их места и роли в событиях кубанской истории играют воспоминания современников: декабристов А.П. Беляева, Н.И. Лорера, А.А. Бестужева-Марлинского, военных деятелей, В.С. Толстого, Г. Атарщикова, мемуариста Э. Бриммера и других⁴⁵. В них описания военных будней сопровождаются характеристиками интересующих нас личностей, размышлениями о причинах и путях разрешения конфликта на Кавказе.

---

⁴⁰ АБККЕА. С. 75-77; 113; 220-226; 430.

⁴¹ Там же. С. 450; 295-319.

⁴² Спенсер Э. Путешествия в Черкесию; Лонгворт Д. А. Год среди черкесов; Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии.

⁴³ Филипсон Г. И. Кавказская война. Воспоминания. М., 1885; Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. 1869. Т. 79. № 3. Мирославский И. Взрыв Михайловского укрепления в 1840 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 5-9; Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. М.Ф. Федорова // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. III. С. 32-189; Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX в. СПб., 2000; Кавказ в сердце России. На вопросы современности ответы ищем в истории. М., 2000; Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Я. Гордин. СПб., 2000.

⁴⁴ Воронов Н. И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 2.

⁴⁵ Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931; Беляев А. П. Воспоминания о пережитом и пережитом. СПб., 1862; Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о военной и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. СПб., 1870. № 8. Август.

При отсутствии сколько-нибудь обобщающего труда по заявленной теме, в данной работе использован имеющийся опыт изучения и применения произведений изобразительного искусства с целью реконструкции исторической действительности. В какой-то степени образцом для исследования послужили те работы историков и этнографов, которые сочетали опыт систематизации изобразительных произведений, их комментарии, использования как источника историко-этнографических сведений или самостоятельного объекта исследования. Необходимую информацию можно получить, обратившись к трудам искусствоведческого характера, анализирующих художественные достоинства произведений, посвященным жизни и творчеству художников.

Первые шаги в освоении живописного наследия, связанного с Чечено-Ингушетией были сделаны Б.С. Виноградовым около полувека назад⁴⁶. Развил эту тему В.Б. Виноградов в отдельных статьях, где отмечал, что живопись, как и литература, и устное народное творчество, является «своеобразным, но весьма содержательным и практически еще не осваиваемым в должной мере источником по истории русско-северокавказских взаимоотношений XVIII-XIX вв.»⁴⁷. Он впервые в отечественном кавказоведении обратил внимание на неизученность и перспективность темы исследования «Чечено-Ингушетия в российском изобразительном искусстве», собрал произведения более чем десяти известных и неустановленных авторов, проанализировал их, сравнил полученную информацию с данными археологических и документальных источников⁴⁸. Творчество некоторых из названных В.Б. Виноградовым художников, таких как Т. Горшельт, И. Айвазовский, Л. Дмитриев-Кавказский имеют отношение и к теме данного исследования. В.Б. Виноградов отметил огромную роль живописного материала в формировании восприятия северокавказских народов как достойных уважения и симпатии, заслуживающих внимательного изучения, способных к тесным и взаимовыгодным контактам с другими народами.

Прекрасным образцом владения методом научно-исторического анализа, примером комплексного изучения изобразительных работ являются исследования историка-лермонтоведа Л.Я. Махлевича ранее не публиковавшихся рисунков российского офицера, участника закубанских экспедиций Н.И. Поливанова и швейцарского художника

---

⁴⁶ Виноградов Б. С. Пояснения к иллюстрациям // Русские писатели в нашем крае : сб. ст. Грозный, 1958.

⁴⁷ Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ: Обзор литературы за 1976-85 гг.: итоги и перспективы изучения // История СССР. 1987. № 3. С. 98-99; Он же. Поселения и жилища Чечено-Ингушетии в живописи XIX века (этнографический комментарий) // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.

⁴⁸ Виноградов В. Б. Памяти Вечная нить. Грозный, 1984.

Я. Мейера⁴⁹. Историк обратился к архивным данным, позволившим достоверно установить место и время выполнения работ, сопоставил изображенный пейзаж с реальным, провел кропотливую работу по установлению автора акварелей.

В 2011 г. в издательстве «РТСофт» вышел альбом «М.В. Ломоносов и академические экспедиции XVIII века», который стал результатом совместного проекта издательства «РТСофт» и Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН⁵⁰. Альбом посвящен 300-летию Михаила Васильевича Ломоносова и основан на материалах академических экспедиций, организованных в соответствии с программой М.В. Ломоносова по географическому изучению страны. Всего в альбоме представлено 130 гравюр, 64 акварели (натурные рисунки или оригиналы для гравюр), 2 рисунка пером, 2 карандашных наброска, 19 карт XVIII века и 14 схем экспедиционных маршрутов. Авторы отмечают, что далеко не все работы экспедиционных художников сохранились. В значительной мере об их трудах приходится судить по гравюрам, опубликованным в книгах о путешествиях, или копиям с натуральных рисунков, которые готовили для гравирования другие художники, но альбом позволяет обозначить масштаб возможного исследования деятельности русских экспедиционных художников XVIII века.

Интересным опытом исследования графических образов России и русских является труд Вишленковой Е.А. «Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому», в которой анализируются графические образы народов России, их создание и бытование в культуре (гравюры, лубки, карикатуры, роспись на посуде, медали, этнографические портреты, картуши на картах второй половины XVIII – первой трети XIX века). Каждый образ рассматривается как единица единого визуального языка, изобретенного для описания различных человеческих групп, а также как посредник в порождении новых культурных и политических общностей (например, для показа неочевидного «русского народа»). Историк исходит из того, что произведения не столько фиксировали действительность, сколько создавали воображаемую (желаемую) реальность.

Автором исследования в научных публикациях была обозначена проблема изучения отражения истории Северо-Западного Кавказа,

---

⁴⁹ Махлевич Я. Л. Указ. соч.

⁵⁰ М.В. Ломоносов и Академические экспедиции XVIII века. ИИЕТ РАН; СПФ АРАН; Сост. О. А. Александровская, В. А. Широкова, О. С. Романова, Н. А. Озерова. М. : РТСофт, 2011. 272 с., 210 илл. (альбомное издание).

рассмотрены отдельные аспекты темы и источниковая ценность некоторых изобразительных произведений⁵¹.

Нашей задачей стало применение существующего опыта работы с изобразительными источниками в рамках обозначенных территориальных и хронологических границ. Прекрасное иллюстративное приложение имеет труд Н.И. Веселовского⁵². Изобразительные сюжеты российско-османских войн конца XVIII – первой трети XIX в. автор кратко характеризует, указывает их происхождение и местонахождение.

Фундаментальный труд В.В. Садовеня⁵³ содержит творческие биографии и анализ важнейших произведений ведущих российских баталистов XIX в. Достойное освещение и анализ в его работе получило творчество таких художников, как А.И. Иванов, М.Ю. Лермонтов, Г.Г. Гагарин, Т.Т. Горшельт, П.Н. Грузинский, которые, так или иначе, затронули в своих произведениях процесс присоединения к России территории Северо-Западного Кавказа и его участников. Автор обозначил вклад представителей классицизма и реализма в развитие батального жанра и дал оценку тому громадному воздействию, которое оказывали произведения этих художников на общественное сознание народа, формирование патриотических настроений, уважительного отношения к представителям других народов.

Сведения об участии Т. Горшельта, И. Айвазовского в походах и сражениях вместе с частями регулярной армии на Кавказе и казаками, а также предыстория создания ими известных картин содержатся в работе С. Эсадзе⁵⁴. Биографические сведения о Горшельте, наблюдения непосредственного участника военных действий содержатся

---

⁵¹ Северо-Западный Кавказ в творчестве российских и зарубежных художников (в свете работ членов Кавказоведческой школы) (статья) // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути : сборник научно-исследовательских очерков и библиографических материалов / Под ред. С. Л. Дударева. Армавир-Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013; Традиционная культура абазин: по материалам изобразительных источников XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. Черноморская береговая линия в российско-горских взаимоотношениях периода «Кавказской войны» : изобразительные сюжеты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 4; К вопросу о формировании социокультурного пространства «Российского Северного Кавказа» (первая половина XIX века) Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2016; Художественные образы российских офицеров, участников событий кавказской войны на Кубани // История и обществознание : научный и учебно-методический ежегодник. Вып. 13. Армавир : РИО АГПУ, 2016. С. 18-26; Торговля невольницами на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 3. Ч. 2. Краснодар, 2016. С. 95-100.

⁵² Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы. Пг. (СПб.), 1914 (1995).

⁵³ Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII-XIX вв. М., 1955.

⁵⁴ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993.

в современном издании Т. Лапинского и сопроводительной статье М. Горлова⁵⁵.

Исследованию жизненного пути Г. Гагарина, И. Айвазовского и «кавказским» страницам в их биографиях посвящены отдельные монографии разных авторов⁵⁶. Исследователями отмечается, что произведения Г. Горшельта, Г. Гагарина проникнуты неподдельным интересом к истории и культуре горских народов и являются одними из первых реалистичных и неприкрашенных изображений войны.

На возрастающий интерес к проблеме отражения событий и героев «Кавказской войны» в живописи указывают М. Коркмасов, О.В. Матвеев⁵⁷. Они отмечают, что нельзя осмыслить это неоднозначное, полное глубокого драматизма и противоречий явление без всестороннего привлечения памятников русской культуры, частью которой и является изобразительное искусство.

Прекрасным образцом владения методом научно-исторического анализа, примером комплексного изучения изобразительных работ являются исследования историка-лермонтоведа Л.Я. Махлевича ранее не публиковавшихся рисунков российского офицера, участника закубанских экспедиций Н.И. Поливанова и швейцарского художника И.Я. Мейера⁵⁸. Историк обратился к архивным данным, позволившим достоверно установить место и время выполнения работ, провел кропотливую работу по установлению авторов акварелей.

Отдельные аспекты военной повседневности указанного периода рассматриваются в работах современных исследователей истории обмундирования и снаряжения А.С. Ивахненко, К.В. Скибы, А.И. Кругова, М.В. Нечитайлова⁵⁹.

---

⁵⁵ Горлов М. О Теодоре Горшельте. Иллюстрации // Теофил Лапинский (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских : в 2-х т. : [пер. В. К. Гарданова]. Нальчик, 1995.

⁵⁶ Доногоно-Коркмас М. Кавказский художник князь Г.Г. Гагарин. Махачкала, 1993; Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик, 2004.

⁵⁷ Матвеев О. В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе в творчестве русских художников-баталистов XIX в. // Человек в мире искусства: информационные аспекты : Тезисы докладов международной научной конференции. Краснодар, 1994. Ч. 1; Доногоно-Коркмас М. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. // Всесоюзная научная конференция : Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989.

⁵⁸ Махлевич Л. Я. Указ. соч.

⁵⁹ Ивахненко А. С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2001. Вып. 4. С. 186-196; Скиба К. В., Хлудова Л. Н. Линейные казаки в российской батальной живописи // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2002; Скиба К. В. К вопросу о тактике, наступательном и оборонительном вооружении равнинных закубанских племен в начале XIX в. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 4. С. 306-313; Нечитайлов М. В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005; Кругов А. И., Нечитайлов М. В. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829-1859. М. : Русские витязи, 2016.

В объемных исследованиях Н.Ф. Дубровина, В.А. Потто использовано большое число архивных материалов, но в них встречаются ошибки в описании событий и некоторые другие⁶⁰. Исторические изыскания таких авторов, как Х.Ш. Муфти, Т. Лапинский, достаточно субъективны и не лишены фактических неточностей, но также пополняют наши представления о прошлом адыгов⁶¹.

Изобразительные сюжеты на эту тему мухаджирства позволяют более полно раскрыть глубинное содержание этого трагического события. Проблеме мухаджирства посвящены работы дореволюционных историков Я. Абрамова, А.П. Берже, она является одной из актуальных и в современной историографии⁶².

Число изданий, опубликовавших репродукции портретов деятелей истории Кубани весьма велико, но самостоятельная ценность их почти не рассматривается. Примером практического использования такого рода работ может служить исследование ногайского историка Р.Х. Керейтова, посвященное установлению этнической принадлежности офицера российской армии и национального писателя Султана Казы-Гирея⁶³. Ногайское происхождение Казы-Гирея подтверждает В.Б. Виноградов, приводя в качестве дополнительного доказательства портрет писателя, сделанный Г. Гагариным⁶⁴. Предметом особого исследования историками, литературоведами, искусствоведами могут стать произведения живописи и графики, сюжетно или образно связанные с известными литературными произведениями, где, так или иначе, присутствует тема Кубани. К таким работам можно отнести рисунки М.Ю. Лермонтова «Тамань», Г. Гагарина «Яков Барахович», автопортрет доктора Н.В. Майера и других

---

⁶⁰ Потто В. А. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994. Т. 4; Дубровин Н. Черкесы // Военный сборник. 1870. № 4; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кавказ. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1.

⁶¹ Муфти Х. Ш. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994; Лапинский Т. Горцы Кавказа...

⁶² Абрамов Я. Кавказские горцы. Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990; Берже П. Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1; Думанов Х. М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994; Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства : Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Махачкала, 1990; Жилиев Д. В. Эмиграция горцев Северного Кавказа (1858-1866) в современной отечественной историографии // Миграционные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура. Армавир, 2003; Чекменев С. А. Из истории переселения горцев в Турцию // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2007. Вып. 7. С. 67-81; Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М. : Рубежи XXI, 2009. С. 442-449; Дударев С. Л. К вопросу о терминах «мухаджиры» и «мухаджирство» // Былые годы. 2017. Т. 44. Вып. 2. С. 525-532.

⁶³ Керейтов Р.Х. Новое о Казы-Гирее // Вопросы археологии и традиционной этнографии в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1988; Он же. Султан Казы-Гирей и его жизнь // Половецкая луна. – Черкесск. – 1991. – № 1.

⁶⁴ Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир, 1993. – С. 48-53.

прототипов героев известных литературных произведений. Современные кубановеды, исследователи творчества Лермонтова, Пушкина нередко обращаются к этим и другим рисункам⁶⁵.

Творчеству «видописца-бытописателя» Е.М. Корнеева, в основе которого лежало стремление к просветительству сограждан, возросший общенациональный интерес к разным народам России, посвящено исследование Н.Н. Гончаровой⁶⁶. Исследователям хорошо известно творчество пейзажиста Н.Г. Чернецова, побывавшего на Кавказе в 1829-31 гг. со специальным заданием от Академии художеств «на снятие тамошних видов»⁶⁷. Путешествуя, он делал множество протоколно точных, тщательно исполненных набросков и рисунков, побывал на Черноморском побережье (от Поти до Анапы), в Абхазии прошел по Военно-Грузинской дороге, посетил Ставрополь, Владикавказ.

Для исторического исследования посредством изучения памятников изобразительного искусства процесс познания начинается с рассмотрения внешнего вида представителей изучаемых народов. Национальный костюм позволяет разобраться в процессах этногенеза, освещает идеологию создавшей его социальной среды, указывает на производственные отношения⁶⁸. Высоко оценила информативность изобразительных материалов в отношении некоторых аспектов материальной культуры народов Кавказа Н.Г. Волкова⁶⁹. Е.Н. Студенецкая в работе, посвященной одежде народов Северного Кавказа, приводит немало иллюстративных материалов и ссылается на них, сопоставляя полученные данные с описанием музейных экспонатов, документальными источниками⁷⁰.

Прекрасно иллюстрированы произведениями живописи и графики XIX в. работы Э.Г. Аствацатурян⁷¹, В.П. Кобычева. Живописный материал является здесь важным дополнением к серьезному исследованию истории оружия и военного быта, поселений и жилищ северокавказских

⁶⁵ По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ. М., 1989. С. 195-196; Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 72-76; Лермонтов на Кавказе : Эссе. 2-е изд., доп. М., 1975; Захаров В. А., Лют М. И., Малахова В. Г. Дом-музей М.Ю. Лермонтова в Тамани. Темрюк, 1979.

⁶⁶ Гончарова Н. Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века. М., 1987.

⁶⁷ Хмелева Л. Т. Деятели русской культуры во Владикавказе. М., 1995; Ставропольский хронограф на 1999 г. Ставрополь, 1999. С. 42.

⁶⁸ Абдулвахабова Б.-Б. А. Одежда чеченцев и ингушей XVI – начала XIX в. (археолого-этнографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 1992; Додзе З. В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в костюме народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 129-154; Гарсаев Л. М, Гарсаев Х.-А. М., Гарсаева М. М., Шаипова Т. С. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. (история, кавказская этническая культура и наименования). Саратов : Наука, 2014.

⁶⁹ Волкова Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971.

⁷⁰ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М., 1989.

⁷¹ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Северного Кавказа. М.; Нальчик, 1995.

народов. Авторы используют произведения Г. Гагарина, П. Русселя, Х.Г. Гейслера, А. Орловского, П. Грузинского, Л. Дмитриева-Кавказского, имеющие отношение к теме данной работы.

Изображенный на рисунке Ж.Б. Тавернье «Черкесское селение круговой формы» объект некоторые историки, в частности, Л.А. Перфильева, пытаются соотнести с конкретным историческим памятником на территории Северо-Западного Кавказа⁷². В литературе проводятся параллели с подобными монументальными сооружениями в Англии, Северной Америке.

Обстоятельный и достоверный материал для комментария к имеющимся в нашем распоряжении изображениям абазин излагается в статьях и монографиях Л.И. Лаврова, Е.Н. Даниловой, Н.Г. Волковой, Е.П. Алексеевой⁷³.

О.В. Матвеев, Б.Е. Фролов в своих работах широко используют также изображения представителей казачества, и не только кубанцев, но и запорожцев, донцов, волжцев и др.⁷⁴. На примере иллюстративного материала ученые проследили процесс заимствования казаками элементов горского костюма и вооружения, отметили очевидные отступления казаков от официально-предписанных образцов формы в повседневной, походной жизни.

Роль иллюстративного материала в изучении женского костюма казачеств России и Украины освещается И.А. Баранкевич⁷⁵. Исследуя рисунки Ригельмана, И. Георги автор подчеркивает, что большинство иллюстративного материала имеет четкую хронологическую датировку и этногеографическую локализацию, но целесообразно сопоставлять полученные сведения с данными из других источников.

---

⁷² Перфильева Л. А. «Загадка Тавернье» и нижний Архыз. Ещё одна гипотеза к истолкованию памятника // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа : Сборник тезисов и докладов. Кисловодск, 1994.

⁷³ Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982; Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Она же. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Данилова Е. Н. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX в.). М., 1974; Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980.

⁷⁴ Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII – 1917 г.). Краснодар, 2000; Матвеев О. В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Краснодар; Армавир, 1995; Фролов Б. Е. Оружие и снаряжение черноморских пластунов // Вопросы отечественной истории : Сборник научных трудов. Краснодар, 1995; Он же. Одежда черноморских казаков в конце XVIII – начале XIX в. // Новые материалы по этнографии кубанских казаков. Краснодар, 1993.

⁷⁵ Баранкевич И. А. Изобразительные материалы как источник для изучения традиционного женского костюма казачеств России и Украины // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Майкоп, 2000.

По истории казачества, вопросам освоения ими Кубанского региона, несения службы в России и за рубежом основными ориентирами при анализе изобразительных произведений для нас стали труды дореволюционных историков П.П. Короленко, Ф.А. Щербины и современных исследователей, материалы конференций по истории казачества⁷⁶.

Политические и экономические связи между северокавказскими племенами, Турцией и Россией также нашли отражение в произведениях живописи и графики, большая часть из которых еще не слишком известна широкой публике. При работе с изобразительным материалом на тему торгово-экономических и культурных связей закубанских народов использовались труды М. Пейсонеля, В.К. Гарданова, Ю.Ю. Гранкина, М.В. Покровского, А.Ю. Чирга, Г.Г. Мошкович, Б.М. Джимова, и др.⁷⁷. Вопросы внешнеэкономических и политических связей черкесов с Турцией рассматриваются также в работах А.Ф. Миллера, В.И. Шеремета,

---

⁷⁶ Короленко П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896 : Исторический очерк. Екатеринодар (Минеральные воды), 1896 (1991); Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар (Екатеринодар), 1910-1913. Т. 1-2 (Репринт. изд. Краснодар, 1992); История казачества России : учеб. пособие. Ростов н/Д., 2001; История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. : учеб. пособие / под ред. А. И. Нарезного, Н. В. Самариной. Ростов н/Д., 2001; Матвеев О. В. Слово о кубанском казачестве. Краснодар, 1995; Телепень С. В., Чернова Л. Н. Линейные казаки в польских событиях 1861-63 гг. глазами художников современников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000; Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009; Цыбулькинова А. А. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография. Армавир, 2012; Из истории и культуры линейного казачества. Материалы 1-10-й международных Кубано-Терских научно-практических конференций. Армавир, 1998-2016 и др.

⁷⁷ Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах. В изложении Е. Д. Фелицина. Перемышляны : Сев.-Кав. филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990; Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967; Гранкин Ю. Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX века). Социально-экономические очерки. Пятигорск, 2002; Чирг А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991; Покровский М. В. Из истории адыгов в первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989; Мошкович Г. Г. Атаман Г.А. Рашпиль и организация меновой торговли казаков и горцев в 40-50-е гг. XIX в. на Кубани // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 116-130; Она же. Кубанские ярмарки дореформенного периода (первая половина XIX в.) // Краснодару – 200 лет: Тезисы краевой научно-практической конференции. Краснодар, 1993; Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003; Дмитриев В. А. Эволюция традиции формирования пространства жилища у западных адыгов (черноморских шапсугов) источники по ее изучению // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках : Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010. С. 211-233; Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. Сухум; Карачаевск, 2012.

А.Х. Бижева, Ю.В. Приймака⁷⁸. Большая часть исследователей отмечает (и это подтверждается изобразительными сюжетами), что работорговля была характерна для торговых связей горцев с Турцией и другими ближневосточными странами⁷⁹, а торговля закубанцев с Россией изначально имела гораздо больший потенциал для развития, к сожалению, так до конца и не реализованный.

Трудами, ставшими для нас ориентиром для толкования иллюстративного материала и источником сведений для его описания, являются коллективные монографии по истории и этнографии народов края, исследования и статьи отдельных авторов⁸⁰. Комплексным подходом, новым творческим восприятием дискуссионных моментов прошлого Северо-Западного Кавказа отличаются, на наш взгляд, исследования Ю.Ю. Клычников, О.В. Матвеева, Т.А. Колосовской⁸¹.

При работе с таким источником, как произведения изобразительного искусства, не обойтись без привлечения соответствующей искусствоведческой литературы в виде энциклопедических изданий, монографий и отдельных статей. Вопросам становления профессионального изобразительного искусства на Кубани и его развития у народов, исповедующих

---

⁷⁸ Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса (в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в.). Майкоп, 1994; Бижев А. Х. Борьба России с иностранными пройсками на Северо-Западном Кавказе в начале 30-х годов XIX века // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987; Шеремет В. И. Внешнеэкономические отношения и внешняя торговля Османской империи в конце XVIII – **первой пол.** XIX в. // Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XIX в.). М., 1989; Приймак Ю. В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX в.). Армавир, 1997; Его же. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011.

⁷⁹ См., например: Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Пятигорск, 2011. С. 75-106; Клычников Ю. Ю. Фактор работорговли в российской политике на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Slavery: Theory and Practice. 2017. No. 2(1). Pp. 42-51. URL: <http://ejournal43.com/en/archive.html?number=2017-06-01-14:29:05&journal=2> (дата обращения: 6.07.2017).

⁸⁰ История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Майкоп, 1993; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988; Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996; Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997; Бардадым В. П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993; Соловьев В. А. Суворов на Кубани. 1778-1793. Краснодар, 1992; Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1994; Меретуков М. А. Поселения у адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975; Пафова М. Ф. Изменение традиционной одежды черкесов как один из аспектов этнокультурных процессов (нач. XIX-XX вв.) // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии : Сборник статей. Черкесск, 1991; Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. История. Черкесск, 1985; Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А. Указ. соч.

⁸¹ Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002; Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру; Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII-XIX вв. М., 2015.

ислам, посвящены статьи Н.А. Нефляшевой, В.Н. Анисимовой, прекрасный альбом Е. Батирай⁸².

Значительный вклад в изучение темы настоящего исследования внесла научно-педагогическая Кавказоведческая Школа академика В.Б. Виноградова при кафедре РСИД АГПУ, члены которой продолжают ныне свою работу на кафедре всеобщей и отечественной истории АГПУ. Большинство научных статей и тезисов автора данного исследования было опубликовано и прошло апробацию в издаваемых Школой сборниках «Вопросы северокавказской истории», «Археология и краеведение Кубани», «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа», «Историческое регионоведение – вузу и школе» и др.

---

⁸² Нефляшева Н. А. Запрет на изображения в исламе: интерпретация скрытого смысла (историографический аспект) // Вопросы теории и методологии истории : Сборник научных трудов. Майкоп, 2001. Вып. 3. С. 59-63; Анисимова В. Н. Становление профессионального изобразительного искусства на Кубани (кон. XVIII – нач. XX в.) // Коваленковские чтения – 99. Художественный музей в контексте культуры. Научно-практическая конференция. Сообщения. Краснодар, 1999. Вып. 6. С. 41-48; Езбек (Едыдж) Батирай. Черкесы (адыги) в рисунках европейских художников XVII-XIX вв. Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. 144 с.

ГЛАВА 1. ЖИВОПИСНЫЕ СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ КУБАНИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.)

1.1. Историко-этнографические сюжеты

По мере политического освоения, к Северному Кавказу все больше проявляли интерес представители отечественной науки, стремясь к комплексному изучению этой территории и ее жителей. Правительство направляло на Кавказ экспедиции с целью сбора и систематизации сведений об имперской периферии, природных богатствах, перспективах экономического развития, флоре и фауне обследуемых территорий, а также с военно-разведывательными целями. Эти экспедиции нередко имели в своем составе рисовальщиков. Так, вслед за литературными, историческими и этнографическими описаниями народов Северо-Западного Кавказа, во второй половине XVIII – начале XIX вв. получают распространение выполненные в этнографическом жанре изобразительные произведения, знакомящие с обликом обитателей этого региона.

Петербургская Академия наук в 1768-1774 гг. одновременно снарядила 5 отрядов (экспедиций), каждому из которых предписывалось осуществить по специальной программе исследования малоизвестных, а то и вовсе неизвестных территорий. Экспедициям предписывалось обращать пристальное внимание на условия для разработки месторождений полезных ископаемых, для развития земледелия, а в южных районах и виноградарства, на перспективы торговли, качество воды в источниках, а также изучать целебные свойства минеральных источников и болезни местного населения. В дополнение к этому академическая инструкция предписывала углубляться в отдаленные уголки обследуемых районов и наблюдать там нравы и обычаи местных жителей, записывать «древние повести» народов.

В 1768-1774 гг. на Кавказ была осуществлена экспедиция под руководством ученого, этнографа И.А. Гильденштедта, в состав которой входил рисовальщик Григорий Белый. Время пребывания Гильденштедта на Кавказе совпало с русско-турецкой войной, и это определило повышенное внимание исследователя к вопросам военно-стратегического характера. В своих работах естествоиспытатель впервые описал фауну района Пятигорья, Кавказских Минеральных Вод. Большое наследство, оставленное академиком Гильденштедтом, составляет около 1 200 мелко исписанных листов, богато иллюстрированных и снабженных картой Кавказа. Труд И.А. Гильденштедта ценен огромным количеством фактического материала по истории, этнографии, лингвистике

народов Западного, Северного и Северо-Восточного Кавказа и содержит также рисунки, изображающие представителей черкесских племен. Художник достоверно отразил особенности национального костюма, вооружения черкесов, которые соответствуют имеющимся в современной научной литературе сведениям⁸³.

Художественная карьера Х.Г. Гейслера, уроженца Лейпцига, в России начиналась в качестве экспедиционного художника. Здесь он прожил восемь лет (с 1790 по 1798 г.) и все эти годы странствовал с академиком П.С. Палласом. Книга Палласа об этом путешествии с иллюстрациями Гейслера в двух томах была издана в Лейпциге в 1799-1801 годах. Х. Гейслер стремился к предельной точности и подробности в передаче внешнего вида и природного окружения представителей тех горских народов, с которыми ему довелось вступить в непосредственное общение – черкесов, кабардинцев, ногайцев (см. прил. рис. 1, 2). Рисунки Гейслера, как отмечают исследователи, не столь живописны, как у его предшественников, и более протокольны, что должно было побуждать зрителя занять позицию исследователя, получившего их для изучения и оценки. Вероятно, в соответствии с экспедиционными инструкциями, Гейслер создавал типаж как источник информации.

В 1802 г. крупный военный специалист, инженер, имевший большой опыт в рекогносцировке границ, Е.М. Спренгтпортен был послан Александром I «объехать с целью военно-стратегического осмотра Азиатскую и Европейскую Россию»⁸⁴. В поездке его сопровождали майор М.Ф. Ставицкий, флигель-адъютант А.Х. Бенкендорф и художник Е.М. Корнеев – для путевых зарисовок. В первый год путешествия путь экспедиции лежал через европейскую часть России до Уральских гор, затем вдоль южных рубежей империи по Сибири и Амуру, затем предполагалось обследовать южные российские губернии и Кавказ. Очевидно, перед экспедицией ставилась прежде всего инспекционная задача – обратить внимание на состояние административного управления местностей, ознакомиться с характером населяющих эти местности народов, с их бытом, промыслами, обрядами, ну и, конечно, по ходу дела заниматься изысканиями исторического характера. Рисунки Корнеева служили задаче наиболее полного визуального документирования хода экспедиции и были изданы альбомом «Народы России» 1812-1813 годах.

В частности, в альбоме помещен рисунок «Черкесский князь», выполненный Е.А. Корнеевым (см. прил. рис. 3)⁸⁵. О черкесах к этому

⁸³ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 15-28.

⁸⁴ Цит. по: Сидорова М. Экспедиция генерала Спренгтпортена по пределам Российской империи, как она описана в мемуарах графа А.Х. Бенкендорфа. **Новооткрытые мемуары графа Бенкендорфа** как исторический источник [Электронный ресурс] // Наше Наследие. 2004. № 71. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7105.php> (дата обращения: 12.05.2017).

⁸⁵ Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 91.

времени в Европе известно уже немало, и рисунок передает впечатления автора от мощи и суровой воинской доблести высокородного горца и позволяет в деталях рассмотреть его внешний вид, сравнить с имеющимися в литературе описаниями.

Высокое социальное положение наложило отпечаток на одежду, вооружение горца, что хорошо заметно на рисунке. До конца XVIII в. некоторые черкесские племена имели во главе князя, считавшегося верховным владельцем всей земли, главой своего народа, предводителем вооруженных сил. На протяжении веков занятие военной деятельностью было единственным достойным делом для предводителя правящих кругов. Еще в XV в. Д. Интериано писал о черкесах: «Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был (человек) из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря – благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военными делами»⁸⁶. Таким образом, весь внешний облик дворянина должен говорить о содержании его жизни – правление и война. Княжеский облик на рисунке складывается из нескольких деталей одежды и вооружения. Различимый на рисунке типичный черкесский костюм: черкеска, башлык, ноговицы, чуваки – подробно описан в литературе, как, впрочем, и вооружение черкесов. Академик Г.Ю. Клапрот, побывавший на Северо-Западном Кавказе в 1807-1808 гг. описывал внешность черкеса так: «Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженный, по меньшей мере он носит обычно саблю или кинжал у пояса, на плечах у него бурка... Полным вооружением считается, кроме ружья и пистолетов, кольчуга (афе), небольшой шлем (кипха) или большой (таш), железные перчатки (аштельт), нарукавники (абшумбух). Если они выезжают в поле или наносят визиты, то бывают вооружены луком и колчаном со стрелами. Щит же у них не распространен»⁸⁷. Из всего вышеперечисленного холодного оружия мы видим на рисунке подвешенную к поясу шашку – разновидность сабли, отличающаяся от нее отсутствием гарды на рукояти, т. е. поперечной перекладки (для защиты руки). Долгое время шашки и сабли у черкесов существовали одновременно. Но по мере возникновения потребности в более легком, нежели сабля оружии, шашки их вытесняют из обращения. Шашку носили на портупее таким образом, что боец одним движением вынимал ее из ножен и, не меняя положения руки, наносил удар. В собраниях оружия не сохранилось

---

⁸⁶ АБКИЕА. С. 46.

⁸⁷ Там же. С. 226.

ни одной черкесской сабли XVIII-XIX вв., видимо, они не производились⁸⁸. В защитный доспех черкеса входили шлем, кольчуга, налокотники и перчатки, причем он был преимущественно привилегией знати, в том числе и по причине высокой стоимости. У черкесов бытовало три вида шлемов: высокий, низкий и т. н. мисюрка. На рисунке мы видим таш, или танж, – высокий конический железный шлем. Обычно к ободу шлема крепилась кольчужная сетка, закрывающая половину лица и плечи, но на рисунке ее не видно. «К верхушке шлема прикреплено кольцо, в котором закреплен флажок из красного сафьяна»⁸⁹. Также хорошо различимы на князе налокотники, защищающие руки от ударов клинка и перчатки (или наручники), служащие для защиты пальцев.

Образ предводителя горцев на рисунке довершает булава, на которую опирается князь. Появление этого, а также других видов ударного оружия относится еще к бронзовой эпохе, хотя они пережили свое время и встречаются гораздо позже. Булава в XVIII в. утратила свое военное значение и скорее являлась знаком «достоинства», отличительным знаком военачальника, символом власти, так, у Шамиля была булава, отбитая при штурме Ахульго⁹⁰.

Таким образом, помещенное в книге «Народы России» изображение является достаточно объективным и близким к реальности портретом высокородного представителя черкесского народа.

А вот автор другого рисунка черкесов (XVIII – начала XIX вв.) (оригинал находится в ГИМ, Фототека, № 12379)⁹¹ создал весьма стилизованные образы сыновей гор, воспользовавшись известными ему деталями горского костюма и вооружения (см. прил. рис. 4). Вооружение двух черкесов на рисунке состоит из шашки, лука со стрелами и булав. «Лук и стрелы оставались на вооружении у черкесов в течение долгого времени, вплоть до XIX в.»⁹². Как правило, их употребление было привилегией дворянства. Как отмечают исследователи, оно использовало луки до середины XIX в. Длительное применение лука оправдывалось тяжестью ранений от них и применением стрел с зажигательным составом⁹³. В частности, лук и стрелы использовали на состязаниях, связанных, в том

---

⁸⁸ Прозрителев Г. Н. Кавказское оружие (оружие кавказских горцев) // Сабли рая. Горское оружие в кавказской войне. Грозный, 1992. С. 9-10.

⁸⁹ Там же. С. 52.

⁹⁰ Там же. С. 9-10.

⁹¹ Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII-XX вв. М. : Наука, 1989. 288 с. С. 20.

⁹² Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 38.

⁹³ Скиба К. В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир, 2005. С. 27. Любопытно, что есть современные исследователи, которые утверждают, что данные атрибуты у черкесов в XIX в. вряд ли достоверны. Эти авторы полагают, что, встречаясь у А.С. Пушкина в «Кавказском пленнике», они являются частью общей системы романтического метода (Каганович С. Л. Кавказские пленники в русской литературе. М. : Чистые пруды, 2009. С. 17) (Ред.).

числе, с ритуальными обрядами, о чем имеются соответствующие упоминания у Д. Белла, Н. Дубровина⁹⁴. Защитное вооружение изображенных на рисунке воинов включает кольчугу, которая продолжала цениться даже с распространением огнестрельного оружия.⁹⁵ Впрочем, нужно заметить и то, что представители социальных верхов адыгов использовали не только кольчуги, но и панцири. Отличить их друг от друга мог только специалист, хорошо знакомый с горским вооружением⁹⁶. Появление винтовок, особенно в середине XIX в., постепенно привело к снятию кольчуг и панцирей с вооружения, хотя и в первой половине XIX в. имелся способ поражения противника, одетого в кольчугу, – выстрел из пистолета, заряженного иголками⁹⁷. Броня приобретала роль церемониального, парадного, престижного атрибута, будучи, как и прежде, маркером элитных горских формирований⁹⁸. Низкий шлем черкесов имел кольчужную сетку, которая прикрывает плечи. Под подбородком обе половины застегиваются на крючок⁹⁹.

Таким образом, собирательные образы черкесов на рисунках конца XVIII – начала XIX вв. отражают реальный уровень представлений современников в части внешнего облика представителей этого народа и повышают степень нашей осведомленности по этому вопросу.

Один из этапов образования кубанского казачества – переселение черноморцев на Кубань в 1792 г., и среди первых изображений казаков, имеющих отношение к нашей теме, отметим многочисленные рисунки запорожцев того периода, опубликованные в соответствующей литературе¹⁰⁰. И хотя, как утверждают авторы пособий по истории Кубани, иллюстрации эти представляют «не только прикладную, но и самостоятельную ценность»¹⁰¹, время создания этих живописных работ и авторы обычно не указываются, по незнанию, либо другим причинам.

Изображения запорожцев интересуют нас как исходный, отправной пункт в процессе становления облика черноморского казака. Одежда,

⁹⁴ АБКИЕА. С. 419; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кавказ. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 191.

⁹⁵ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 53.

⁹⁶ Дударев С. Л. О судьбах горских «панцирников» в первой половине – середине XIX века (по следам одной статьи В.Б. Виноградова) // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). Армавир : Дизайн-студия Б. С. 124-129.

⁹⁷ Виноградов В. Б. «Заряд иголок вместо пули...» (кавказский прием «огневого контата») // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 181-183.

⁹⁸ Дударев С. Л. О судьбах горских «панцирников»... С. 128; Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М., 2010. С. 225.

⁹⁹ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 52.

¹⁰⁰ «Конный запорожский казак XVIII века» // Матвеев О. В. Слово о кубанском казачестве; Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С. 41; «Запорожец» // Бардадым В. П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 31; «Запорожский казак» // Щербина А. Ф. Т. 2. С. 441; «Казак Мамай на привале» // Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. За други своя или все о казачестве. М., 1993

¹⁰¹ Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. Краснодар, 1996. С. 2.

формирующая внешний облик человека, является важнейшим элементом материальной культуры и складывается под воздействием многих факторов: природно-географической среды, экономических и социальных условий жизни, этнокультуры и этнокультурных взаимодействий¹⁰². Изучая письменные описания одежды запорожцев и их изображения в книге Д.И. Эварницкого «История запорожских казаков» и Ф.А. Щербины «История кубанского казачьего войска» И.В. Гололобов установил, что в «силу особенностей традиционного уклада жизни в Запорожской Сечи отсутствовало производство одежды в широких масштабах». Документально подтверждено, что источником приобретения одежды был ее захват как добычи, а также торговля и обмен. Хорошо заметная у запорожцев тяга к инновациям в костюме привела к тому, что у их потомков в Черномории так и не сложился свой локальный комплекс одежды, который можно назвать традиционным¹⁰³. Еще Ф.А. Щербина писал, что о запорожцах можно судить по «внешним чертам их быта. Все экстравагантное, бьющее в глаза в обыденной их жизни, дерзкоотважные подвиги... естественно останавливало внимание любителей старины и истории... Какой-нибудь своеобразный кунтуш с откидными рукавами, красные и широкие как море, шаровары, высокая мерлушковая шапка с заломленным кармазинного цвета верхом, старинное ружье или тяжеловесный кремневый пистоль, громадная... люлька, старинная картина, изображающая сидящего в степи дюжего запорожца с толстым оселедцем за ухом, с бандурою на коленях, с оружием, привешенным к дереву... с пляшкою на земле у ноги и михайликом возле нее»¹⁰⁴. На многих рисунках запорожцев окружают подобные атрибуты вольной жизни: оседланная лошадь, сабля, бандура в руках, рюмка, колода карт, котелок (см. прил. рис. 5). Казак Мамай (можно сказать, любой казак, сидящий под деревом с бандурой, горилкой и атрибутами его гражданского состояния) довольно популярный герой в искусстве. «Мамаями», правда, подобные картины стали называть уже в XIX веке. Самые старшие сохранившиеся «мамаи» датируются началом XVIII века. На рисунке запорожец наигрывает на бандуре (и, судя по всему, напевает). Есть несколько теорий происхождения имени «Мамай». Одна из них даже связывает его с темником Мамаем, от которого, считается, произошел род князей Глинских. А Богдан Федорович Глинский был в конце XV века черкасским старостой – и участвовал в

---

¹⁰² Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 5-6.

¹⁰³ Гололобов И. В. К изучению традиционной одежды черноморского казачества. Первый этап. Формирование одежды запорожских казаков // Археология и краеведение Кубани : Материалы первой студенческой научно-практической конференции. Краснодар, 1993. С. 28.

¹⁰⁴ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 1. С. 433.

казачьих набегах на крымчаков и турок, в том числе и во взятии Очакова. Таким образом, потомок Мамай стал прочно ассоциироваться с украинским казачеством и передал своё имя собирательному образу казака.

Достаточно непривычно, на первый взгляд, выглядят казаки на гравюрах неизвестных авторов конца XVIII – начала XIX в. «Черноморский казак», «Казак-грабитель» (см. прил. рис. 6, 7)¹⁰⁵. Они изображают черноморцев в изрядно потрепанной одежде: узкие форменные штаны, куртка и некий полукафтан, высокий барашковый кивер на одном из них и рваная меховая шапка с суконным верхом на другом. Вооружены они одинаково – пиками и саблями. Казаки бородаты, с бандитским выражением лиц, их род занятий, в соответствии с обстановкой: на фоне сундука с добычей, горящих строений, не вызывает сомнений. Такой вид рисунков служит подтверждением выводов зарубежных исследователей истории казачества, как Э. Хобсбаум, охарактеризовавших казачество эпохи позднего Средневековья, как «социальных бандитов»¹⁰⁶. (Хотя нельзя исключить и большую вероятность того, что автор рисунка мог назвать черноморцами и представителей донского казачества. Им более присущи бороды и пики.) Переход казачества на службу государству, перемены в его социальном статусе найдут отражение в изобразительных произведениях.

В то же время пока еще не изученной остается проблема освещения начального этапа поселения линейцев на Кубани в изобразительном искусстве. В первую очередь это связано с малочисленностью живописных сюжетов рубежа XVIII-XIX вв., что объясняется отсутствием в казачьей среде как собственных живописцев, так и приезжих художников. Заполнить этот пробел в некоторой степени позволяют изображения казаков в официальных описаниях форменной одежды и вооружения российских войск, в частности, А.В. Висковатого «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению» (СПб., 1862).

Кубанская Линия заселялась казаками из разных областей России. С 1794 г. земли по верхнему и среднему течению р. Кубань были заселены представителями донского казачества с основанием шести станиц: Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской, Прочноокопской,

---

¹⁰⁵ Маркедонов С. Заколдованное слово // Родина. 2004. № 5. С. 22-23.

¹⁰⁶ Там же. С. 22. На наш взгляд, в контексте сказанного об образах казаков с «девиантными» чертами поведения, сомнительно употреблять термин «социальные бандиты». Явление, описываемое в западной историографии, которое именуется «социальный бандитизм», подразумевает тот тип персонажей экспроприаторов, которые грабили богатых и отдавали бедным (Робин Гуд и подобные ему субъекты). «Экспроприаторская» деятельность части казачества проявлялась и позднее, в период Отечественной войны 1812 г., а также гражданской войны в России (рейд ген.-л. К.К. Мангантова) (Ред.).

Темнолесской и Воровсколесской. Из донских переселенцев был образован первый линейный казачий полк, получивший наименование «Кубанского». Спустя несколько лет на промежутке от Усть-Лабы и до Григориполисской станицы бывшими казаками Екатеринославского казачьего войска, добровольно переселившимися на Кавказ, были заселены еще несколько станиц (Темижбекская, Казанская, Тифлисская, Ладожская)¹⁰⁷. В 1825-27 гг. в верховье Кубани и Лабы был переброшен Хоперский полк¹⁰⁸.

Естественно, что первые годы переселенцы служили в своей привычной форме. Авторы исследований, учебных пособий по истории казачества иллюстрируют свои труды изображениями донцов, волжцев, екатеринославских казаков, в официально предписанной форме и с соответствующим вооружением. Для донцов это верхний кафтан и полукафтан, шаровары, короткие сапоги, высокая смушковая шапка с суконным верхом. Судя по иллюстрациям, непременным оружием донцов были сабля, пика, ружье и пистолеты. Похожей (по описанию и рисункам) была форменная одежда волжских казаков (см. прил. рис. 8). Несшие службу на Кубани волжцы и донцы далеко не всегда выглядели согласно установленным предписаниям, быстро избавлялись от тяжелых саблей и неуклюжих пик, «молодежь обзаводилась одеждою и холодным оружием черкесского образца»¹⁰⁹. Что касается Екатеринославских казаков, то они «не имея прошлого, не успели еще выработать себе однообразного казачьего обмундирования и вооружения до прихода на Кубань и потому, поселившись на Кавказской линии, одевались частью по донскому казачьему образцу, а частью – по кабардинскому» (см. прил. рис. 9)¹¹⁰. Введенные в оборот новые изобразительные сюжеты должны подтвердить (или опровергнуть!) эти выводы историков.

Многие линейцы еще долго продолжали одеваться по донскому или волжскому образцу, но в целом, они гораздо быстрее черноморцев заимствовали вооружение и одежду у горских народов. О.В. Матвеев объясняет этот процесс давними контактами казаков с Кавказом, прекрасной приспособленностью горского костюма и вооружения к боевым условиям, большей эффективностью черкесского оружия в боях, необходимостью в целях маскировки походить на противника, исходя из специфики боевой службы на Линиях¹¹¹.

¹⁰⁷ Матвеев О. В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Краснодар; Армавир, 1995. С. 13.

¹⁰⁸ Колесников В. А., Матвеев О. В. Итоги, основные проблемы и перспективы изучения истории и культуры линейного казачества Кубани // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска : Материалы региональной научно-просветительской конференции. Армавир, 1996. С. 9.

¹⁰⁹ Матвеев О. В. Форменная одежда... С. 4.

¹¹⁰ Короленко П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Екатеринодар (Минеральные Воды), 1896 (1991). С. 35-36.

¹¹¹ Матвеев О. В. Форменная одежда... С. 5-8.

Анализируя рассмотренные изобразительные произведения конца XVIII – начала XIX вв. можно сделать вывод: среди них преобладают такие жанры, как историко-бытовой, этнографический, батальный. Как правило, работы служили дополнением к тексту – летописи, дневнику путешественника, материалам научных экспедиций и т. п. Объектом изображения становились лишь какие-то отдельные узловые моменты, эпизоды военно-политической истории, воспроизведение которых в изобразительном искусстве придало им большую целостность, полноту и значимость в восприятии потомками. Присущие средневековью, раннему новому времени имперсональность, универсализм в искусстве воплотились в создании собирательных образов представителей полиэтничного населения региона: черкесов, ногайцев. В этих работах проявился как интерес европейцев к населению Северо-Западного Кавказа, во многом обусловленный его географическим расположением на перекрестке торговых путей из Европы на Восток, так и ограниченный, субъективный характер известной им информации.

ГЛАВА 2. СОБЫТИЯ И ЛЮДИ КУБАНСКОЙ ИСТОРИИ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ РОССИИ И ЗАПАДА (НАЧАЛО – 60-Е ГГ. XIX В.)

2.1. История Кубани в портретном жанре

Наличие достаточного количества атрибутированных изображений людей позволяет нам выделить портретный жанр как самостоятельный, имеющий свои специфические особенности в рамках изучаемой проблемы объект рассмотрения. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с портретами известных исторических лиц, главным образом, военно-политических деятелей, чей вклад в историю, политическую, культурную жизнь региона общепризнан и отражен в исторической литературе. При воспроизведении таких работ на страницах печатных изданий, как правило, указывается имя портретируемого, несколько реже называется автор, время создания произведения и другие атрибуты. В большинстве своем портреты принадлежат перу российских художников, отдавших должное заслугам тех или иных военачальников, администраторов и запечатлевших их облик для потомков по собственной инициативе, либо по указанию властей. Но среди художников было немало и непрофессиональных: офицеры, служащие, путешественники, которых взяться за карандаш или кисть побуждали симпатия и интерес к изображаемому человеку. В единичных случаях мы имеем дело с портретами представителей местных племен и народов. Изображения черкесов, абазин, ногайцев и др. того времени, конечно, нередки, но почти никогда не содержат указаний имени позирующего, сведений о национальности, роде занятий и т. д. Эти работы мы отнесли в разряд историко-этнографических, поскольку, в основном, они несут информацию этнографического характера, касающуюся особенностей национальной одежды, вооружения, и других аспектов традиционной культуры.

Портретную галерею российских военных деятелей на Кубани в начале XIX в. можно открыть наиболее часто встречающейся в литературе работой Д. Доу «А.П. Ермолов» (масло, 1825) (см. прил. рис. 10). На ней генерал в мундире и горской бурке изображен на фоне снежных Кавказских вершин и темного, с багровыми отблесками неба – символа вечной опасности и кровопролитных сражений, жестоких с обеих сторон¹¹². В профиль мы видим лицо, отмеченное печатью благородства и мужества. Даже поза А.П. Ермолова – спиной к зрителю, с рукой, положенной

---

¹¹² Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани в отечественном и зарубежном... С. 18.

на эфес сабли, выдает в нем неутомимого и волевого покорителя Кавказа. На другом известном портрете – «Генерал от инфантерии А.П. Ермолов» (автор и год написания не указаны) генерал еще молод, но печать героя-воителя уже лежит на величественном профиле¹¹³. Многогранная военно-политическая, административная деятельность генерала достаточно подробно освещена в российской дореволюционной и современной историографии. В контексте региональной истории отметим работу Ю.Ю. Клычников¹¹⁴, которая принадлежит к числу работ, освещающих страницы кубанской биографии Ермолова. В ней автору удалось отойти от крайностей, многих устоявшихся оценочных догм, объективно и внимательно проследить эволюцию взглядов и действий генерала. Новейшим трудом, многогранно освещающим деятельность этой известной исторической личности, является книга Я.А. Гордина¹¹⁵.

На посту командующего Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом А.П. Ермолов основные свои усилия направлял на усмирение горцев на Левом фланге Кавказской Линии, территории современных Чечни, Ингушетии, Дагестана, Ставропольского края. Что же касается кубанской земли, то оценивая ситуацию на Северо-Западном Кавказе, он писал: «Вообще, можно сказать о правом фланге Кавказской линии, что по причине протяжения его и мест, повсюду открытых, нет никаких средств сделать его более твердым и оградить от нападений закубанцев, имеющих удобные через Кубань переправы во множестве¹¹⁶. Ермолов способствует организации на правом фланге Линии более активной обороны, позволявшей российским войскам преследовать черкесов в Закубанье. В период строительства на Северном Кавказе укреплений «подверглось расширению с усилением фортификации» Прочноокопское укрепление¹¹⁷. Хотя и не в таких масштабах, как в Чечне, Дагестане и Кабарде, но различные кордонные укрепления (редуты, батареи, сигнальные башни) строились и в Черномории¹¹⁸. Без радости воспринял генерал переход под его командование Черноморского войска в 1820 г., организацию военного дела и хозяйства в котором он оценивал крайне невысоко. Командование войсками на правом фланге было поручено генерал-майору Власову. Предпринятые меры по наведению порядка, установлению строжайшей дисциплины, принесли свои плоды: число успешных походов казаков против закубанцев значительно увеличивается.

---

¹¹³ Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. Иллюстрации.

¹¹⁴ Клычников Ю. Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827). Ессентуки, 1999.

¹¹⁵ Гордин Я. А. Ермолов. М., 2012.

¹¹⁶ Записки А.П. Ермолова. 1798-1826. М., 1991. С. 302.

¹¹⁷ Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 45.

¹¹⁸ Клычников Ю. Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе. С. 27.

Военная стратегия в Закубанье в эти годы имела свои особенности: территория эта юридически находилась в составе Османской Порты, что вынуждало использовать тактику репрессалий и превентивных ударов по «хищникам», а также свести к минимуму контакты с населением в приграничной зоне¹¹⁹. Заслуживает внимания административная деятельность А.П. Ермолова на Кубани, связанная с основанием новых станций, в т. ч. Барсуковской, Баталпашинской, Невинномысской и др., переселением на Кубань казаков из Малороссии.

Следует признать, что деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе в различных ее аспектах имела, в целом, положительные последствия для развития народов, в том числе и на Кубани, и требует дальнейшего изучения и осмысления.

Имя Алексея Александровича Вельяминова значило для истории Северо-Западного Кавказа, пожалуй, даже больше, чем имя его знаменитого начальника – Ермолова, чьей правой рукой он некоторое время был в качестве начальника Кавказского корпусного штаба. С 1831 г. генерал Вельяминов командует войсками Кавказской линии и Черноморья. Обоих генералов объединяли как незаурядные полководческие таланты, так и демократичность мировоззрения, независимость во взглядах и поведении. Один из известных нам портретов генерала отличается от парадных изображений других военачальников. На автолитографии И. Фридрица¹²⁰ он изображен за письменным столом, с пером в руке, опущенными на бумагу глазами (**см. прил. рис. 11**). Этот не слишком типичный для изображения военачальников ракурс выбран художником не случайно. Он скорее подчеркивает особые черты личности генерала, особенности его поведения, образа мыслей.

Многочисленные современники в своих мемуарах однозначно отзывались о Вельяминове, как о хорошо образованном, прекрасно владеющем ситуацией на Кавказе и реально оценивающим перспективы развития событий командире. Г.И. Филипсон давал ему такую оценку: «А.А. Вельяминов получил хорошее образование и от природы был одарен замечательными умственными способностями. Склад его ума был оригинальный. Воображение играло у него очень невидную роль; все его мысли и заключения носили на себе видимый характер математических выводов. Поэтому, вероятно, и в отношениях к людям ему чужды были чувствительность и сострадание, там, где он думал, что долг или польза службы требовали жертвы... Вельяминов был честный и верный слуга государя, но с властями держал себя самостоятельно»¹²¹.

¹¹⁹ Клычников Ю. Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе. С. 49; 60.

¹²⁰ Родина. 2000. № 1-2. С. 72.

¹²¹ Филипсон Г. И. Воспоминания. М., 1885. С. 110-111.

Не один мемуарист пишет, что Вельяминов в молодости и в закубанских походах «много читал», причем увлекался произведениями французских просветителей. «В походе всегда полы палатки Вельяминова были подняты для прохлады, и весь отряд видел, как он лежит на своей походной кровати, читая книгу. В закубанских походах он читал философический лексикон Вольтера»¹²². Как пишет достаточно пристрастный в своих оценках декабрист В.С. Толстой (1806-1888): «Во всех проектах Вельяминова военных действий выказываются широкие геньяльные взгляды на дело военного покорения Кавказа, дальновидность его, строгая логика и последовательность выводов»¹²³. Некоторые предложения Вельяминова были опубликованы: записка «Способ ускорить покорение горцев» (1828), «Замечания на проекты Паскевича и Бюрно» (1832). Генерал не скрывал от правительства своих решительных оценок всей сложности ситуации на Кавказе и необходимости суровой, продолжительной борьбы, жестких, непопулярных мер: «Нужно наносить горцам самый существенный вред в необходимых средствах существования... Уничтожение полей в продолжение нескольких лет сряду есть, по-моему, единственное средство достигнуть своей цели»¹²⁴.

Отношения командующего с кавказским генералитетом и подчиненными были достаточно неоднозначными. Тот же Толстой пишет: «Вельяминов владел в высшей степени искусством начальствовать, и всем подчиненным, даже состоящим в равном с ним чине, внушал глубокое уважение и почитание: солдаты не любили его, прозвав «четыреглазый» вследствие того, что в походе он носил очки консервы, но питали к нему неограниченное доверие, придающее им в боях неудержимую отвагу»¹²⁵. Доверие это во многом питалось хладнокровностью генерала, его сдержанностью и рассудительностью в принятии важных решений. Эту особенность природы не раз подчеркивали современники: «Холодный, молчаливый Вельяминов упрет свои стеклянные глаза вверх кибитки и молчит»¹²⁶. Корпусное начальство не слишком жаловало самостоятельного и нелюдимого в оценках генерала. Но по достоинству его оценили лучшие, прогрессивно мыслящие люди того времени. Грибоедов отзывался об этом «достойном человеке» так: «Вельяминов – чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, прекраснейших сведений». Весьма благоприятную роль сыграл генерал в судьбах

---

¹²² Толстой В. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать. Предисл. и коммент. В. Безотосного // Родина. 2000. № 1-2. С. 72.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Покровский Н. И. Указ. соч. С. 114.

¹²⁵ Толстой В. Указ. соч. С. 72.

¹²⁶ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 176.

многих сосланных на Кавказ декабристов. При всей строгости и взыскательности, он весьма либерально и даже гуманно относился к разжалованным после известных событий офицерам, о чем было хорошо известно не только на Кавказе, но и в Петербурге. «Он не боялся декабристов, которых много к нему в войска присылали, – замечал сослуживец. – Он обращался с ними учтиво, ласково и не делал никакого различия между ними и офицерами»¹²⁷. Ставя своей целью как можно скорее добиться освобождения сосланных, генерал старался направлять их в действующие отряды, давая возможность заслужить награды и пожалования. Каждое лето генерал разрешал декабристам поездку на Кавказские минеральные воды для поправления здоровья¹²⁸. В этом он придерживался доброй ермоловской традиции предоставления отпусков сосланным, которой позже следовал генерал Граббе.

Характеризуя деятельность Вельяминова на посту командующего Кавказской линией, отметим одно из мероприятий, осуществление которого при активном его содействии сыграло большую, если не решающую роль в освоении Закубанья. Речь идет о переносе кордонной линии с Кубани на Лабу, сопровождавшемся строительством укреплений на Лабе и переселением сюда казачьих семей. Среди обсуждавших эту идею лиц – Главнокомандующий Кавказским корпусом барон Розен, генерал Засс, военный министр Чернышев. Поддерживая, в целом, идею строительства новой Линии, осторожный Вельяминов считал необходимым как можно более неспешно, планомерно и безболезненно осуществлять переселение казаков¹²⁹. При этом генерал не упускал из виду и кровные интересы мирного черкесского населения, заботился о том, «чтобы не стеснять... горцев в занимаемых ими землях»¹³⁰. Следует признать, что суровый и беспощадный к врагам на поле боя, решительно отстаивающий интересы Российского государства на дипломатическом поприще, в принятии важнейших, касающихся судьбы мирных черкесов решений, генерал руководствовался чувством справедливости и гуманизма. Беспokoился о сохранении их права на землю и труд, выказывал должное уважение народных обычаев. «Черкесы с уважением относились к Вельяминову и верили честному слову этого справедливого человека»¹³¹.

¹²⁷ Филипсон Г. И. Указ. соч. С. 155.

¹²⁸ Махлевич Я. Л. «И Эльборус на юге...». М., 1991. С. 73.

¹²⁹ Выродов Б. Л. Декабристы и Средняя Кубань (краеведческие очерки). Армавир, 1994. С. 12.

¹³⁰ Там же. С. 11.

¹³¹ Там же. При этом было бы ошибочно считать А.А. Вельяминова сторонником только гуманистических действий – одновременно он был сторонником «наказаний» горцев в их собственных домах, рекомендуя применять и голод как средство покорения (Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества. С. 44) – *Ред.*

Весьма интересны изображения генерала, встречающиеся в альбоме полевых акварелей корнета Конно-Мингрельской дружины Н.И. Поливанова, участника закубанских экспедиций Вельяминова в 1836-37 гг. На акварели «Экспедиция на Кавказе» генерал во главе отряда едет по ущелью – как и полагается в походе без эполет, с черкесской шашкой на узком ремне через плечо¹³². Зарисовка «Привал на Кавказе» изображает генерала сидящим на барабане среди других офицеров и играющим с собакой. Один из современников генерала вспоминает: «Перед вечером отряд вышел на открытое лагерное место, стали разбивать палатки. Для Вельяминова поставили барабан... Вокруг него болтали офицеры. Кажется, он был ко всему равнодушен, однако мало слов ускользало от его слуха... Любил он собак до крайности! В минуты досады только собака могла развеселить его своими ласками... он начинал ее гладить, называть по имени, и пасмурное лицо его прояснялось»¹³³. Недавно в книге известного исследователя Н.В. Маркелова был опубликован рисунок XIX в., изображающий сидящего на барабане А.А. Вельяминова, одетого в шинель и картузом на голове¹³⁴. Барабан, полагаем, не просто выполнял утилитарную роль в походном быту генерала, он по-своему характеризовал свойства натуры этого военного деятеля, о чем, вполне возможно, было известно тому, кто выполнил данный рисунок. На наш взгляд, показательно, что Александр Полежаев в поэме «Чир-Юрт», давая высокую оценку Вельяминову, завершает свой пассаж о нем так: «Наш полководец не обманщик,/ Его ответ всегда простой:/ «Куда ведет вас барабанщик!». Н.В. Маркелов, комментируя произведение поэта, отмечает: «Барабанщик действительно шествует впереди колонны, но направление движения отряду задает, разумеется, совсем не он. Формально точный, но по сути уклончивый и, в этой неопределенности, ироничный ответ генерала передает свойство его характера»¹³⁵.

А.А. Вельяминов, несомненно, принадлежит к числу тех военно-политических деятелей, чей профессионализм составлял гордость российской армии, а высокий интеллектуальный потенциал, морально-нравственные качества вызывали уважение современников и потомков. Его деятельность на Северо-Западном Кавказе заслуживает, на наш взгляд, более глубокого и пристального изучения, что, возможно, приведет к выявлению новых живописных сюжетов.

Изобразительное искусство связало имя Н.Н. Раевского-младшего с именами А.С. Пушкина, художников И.К. Айвазовского, П.Ф. Соколова,

¹³² Махлевич Я. Л. Указ. соч. С. 73.

¹³³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Русский вестник. 1869. Т. 79. № 3. С. 129.

¹³⁴ Маркелов Н. В. Кавказские силуэты. Пятигорск, 2011. С. 74.

¹³⁵ Там же. С. 76.

декабриста И. Долгорукого. Все они в разные годы оказались под впечатлением от этого умного, порядочного, открытого и прямодушного человека, незаурядного полководца и администратора. Каждый из них в свое время написал его портрет.

Н.Н. Раевский-младший многими душевными качествами пошел в отца: полное отвращение к интригам, способность к дружбе и преданности. Но при этом обладал достоинствами и иного рода: глубоким знанием истории, литературным вкусом. Эти качества своего друга оценит великий поэт, который на равных будет обсуждать с ним проблемы истории и литературы¹³⁶. Тринадцати лет Раевский был подпоручиком и ветераном Отечественной войны, с отцом прошедший важнейшие битвы. В конце 1814 г. он получает назначение в лейб-гвардии Гусарский полк в Царское Село, где и знакомится с А.С. Пушкиным. К этой поре относится один из самых ранних портретов Раевского, сделанный И.А. Долгоруким в 1817 г. (см. прил. рис. 12). «Молоденький офицер в расстегнутом мундире раскуривает трубку. Кошка свернулась возле его руки. Лицо офицера задумчиво, глаза полуопущены. Он будто прислушивается к общей дружеской беседе, пока приятель набрасывает его портрет»¹³⁷. Именно о Долгоруком Илье, а также о «Союзе благоденствия» упоминает Пушкин в X главе «Евгения Онегина»: «Витийством резким знамениты \ Сбирались члены сей семьи \ У вдохновенного Никиты \ У осторожного Ильи».

Следующий по времени портрет сделан уже самим А.С. Пушкиным в рукописи поэмы «Кавказский пленник», сюжет которой во многом навеян впечатлениями от путешествия поэта с семьей генерала Н.Н. Раевского-старшего на Кавказ в 1820 г. Другу своему посвящает поэт строки: «Я близ тебя еще спокойство находил; \ Я сердцем отдыхал – друг друга мы любили...»¹³⁸.

Через 9 лет после путешествия рукою А.С. Пушкина в альбом Е.Н. Ушаковой сделан очередной портрет Раевского. «Военный с орденом Св. Владимира, георгиевским крестом и медалью Отечественной войны 1812 г. Усы. Очки. Длинная бровь доходит почти до виска. Нос длинноватый, немного утиный. Тяжелое нависающее веко. Волосы – ежиком. Контур очков и крупное ухо с широкой мясистой мочкой. Пушкин поверх карандаша прошел пером, акцентировал, уточняя пропорции, причем ухо рисовал дважды, добиваясь верности лицевого угла»¹³⁹. Не так давно этот портрет был идентифицирован с личностью генерала, хотя сходство, схваченное Пушкиным, роднит этот рисунок с другими изображениями.

¹³⁶ Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники : В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 81.

¹³⁷ Галушко Т. Г. «Раевские мои...». Л., 1991. С. 119.

¹³⁸ Пушкин А. С. Собрание соч. : в 10 т. М., 1981. Т. 3. С. 75-76.

¹³⁹ Галушко Т. Г. Указ. соч. С. 41.

В 1820-е гг. выполнено, по меньшей мере, еще три портрета нашего героя. В 1826 г. П.Ф. Соколов выполнил акварельный портрет Раевского-младшего в чисто акварельной манере, без применения белил. П.Ф. Соколов был одним из основоположников такого рода портрета, вытеснившего в 20-40-х гг. XIX в. портретную миниатюру¹⁴⁰. Две другие работы принадлежат неизвестным художникам и в разной степени имеют сходство с оригиналом¹⁴¹.

Судьба и личность молодого генерала (этот чин он получил в 28 лет) привлекали внимание современников, среди которых были и известные мастера живописи.

Достаточно часто встречается в литературе портрет Раевского, принадлежащий перу И.К. Айвазовского, написанный в 1840 г. На нем изображен уже зрелый человек, чья военная карьера была незаурядной, но получила неоднозначную оценку в высших военных кругах. В.А. Тропинину принадлежит работа маслом, сделанная незадолго до смерти генерала в 1842 г. (см. прил. рис. 13).¹⁴² На ней Раевский в штатском костюме (к этому времени генерал уже вышел в отставку) выглядит задумчивым и слегка усталым – пора юношеского задора и оптимизма осталась далеко позади. По описанию Г.И. Филипсона, «Н.Н. Раевский был высокого роста, смугл, крепко сложен и вообще массивен. Черты лица его были выразительны; он всегда носил очки. О наружности своей он не заботился, а о костюме еще менее... Его еще нельзя было видеть иначе, как в рубахе с открытой почерневшей от солнца грудью и в шароварах... С очками и трубкой он был неразлучен»¹⁴³.

Службу свою на Кавказе Н.Н. Раевский начинает с 1826 г. в должности командира Нижегородского драгунского полка. В 1830-е гг. Раевский принимает активное участие в создании укреплений на берегу Черного моря, в том числе и путем высадки морских десантов. В 1840 г. укрепления Святого Духа, Новотроицкое, Михайловское, Вельяминовское, Тенгинское, Головинское и форт Лазарев были объединены в Черноморскую береговую линию, начальником которой генерал был до 1841 г. В укреплениях линии Раевский видел не только защитные форты от нападений горцев, но пограничные заставы на контрабандных путях, торговые, культурные центры, где бы дружески настроенные местные жители могли найти помощь и защиту. В апреле 1839 г. Н.Н. Раевский представил в Петербург записку «Обозрение восточного берега Черного

---

¹⁴⁰ Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Декоративное искусство. М., 1986. Кн.2. С. 249.

¹⁴¹ Родина. 2000. № 1-2. С. 75.

¹⁴² Родина. 1994. № 3-4. С. 36.

¹⁴³ Филипсон Г. И. Указ. соч. С. 155.

морья», в которой изложил свои предложения по стабилизации обстановки на побережье. Первым шагом к сближению с горами он считал продажу соли¹⁴⁴.

Но в своих начинаниях Раевский встречал противодействие со стороны начальников – командующего отдельным Кавказским корпусом генерала Е.А. Головина и командующего войсками Кавказской линии и в Черномории генерала П.Х. Граббе. Они не разделяли его взглядов на первоочередное значение Черноморской береговой линии¹⁴⁵. Усилия Раевского по поддержанию укреплений на линии в должном состоянии не увенчались успехом во многом по причинам их слабости, немногочисленности гарнизонов, подверженных непривычному губительному морскому климату. Эти обстоятельства привели к падению большинства укреплений в 1840 г. в результате набегов горцев. На Раевского посыпались упреки в нерадивом командовании, и его просьба об отставке была сразу же удовлетворена. В историографии по поводу целесообразности проекта строительства Черноморской береговой линии высказываются порой прямо противоположные мнения, и этот вопрос требует, на наш взгляд, объективного рассмотрения¹⁴⁶.

О тесных дружеских отношениях генерала с А.С. Пушкиным и его братом, Львом Сергеевичем, который служил под началом Раевского, написано немало, как и о высокой оценке, данной Пушкиным своему другу. Так же уважительно отзывался о Н.Н. Раевском служивший на Кубани декабрист Н.И. Лорер в своих «Записках декабриста»: «Я и весь отряд любовались на своего нового начальника Н.Н. Раевского. Высокий, стройный, в шарфе и с шашкою через плечо, стоял он серьезно перед рядами войска, которое готовился вести к победе. Во цвете лет, с черными волосами, лежавшими на красном его воротничке, и в синих очках, Раевский на всех произвел хорошее впечатление, в фигуре его была какая-то гордость и отвага»¹⁴⁷. Декабрист В.С. Толстой, напротив, характеризует Раевского как «замечательную умную личность без веры религиозной и общественной, глубоко, но не по потрясаемому убеждению, презирающего Свет, Людей, их деяния и учреждения, над которыми он с глубочайшим цинизмом смеялся». По мнению Толстого, поданные Раевским

---

¹⁴⁴ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 250.

¹⁴⁵ Там же. С. 251.

¹⁴⁶ Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 484. Одним из критиков целесообразности Черноморской береговой линии был такой высококомпетентный офицер, как Ф.Ф. Торнау, который не постеснялся выразить свое мнение императору Николаю I в 1839 г. Время быстро показало справедливость точки зрения Торнау, когда ряд береговых укреплений был взят черкесами, которые нанесли большой урон российским гарнизонам (См.: Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2000. С. 298). – *Ред.*

¹⁴⁷ Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар, 1985. С. 239-303.

в Петербург предложения не заслуживали никакого внимания: надиктованные по-французски Л.С. Пушкину, с искусно вставленными остротами и сарказмами, они представляли собой «невозможный сумбур самого дурацкого пошиба»¹⁴⁸.

Немногие в ту пору могли открыто говорить о своей убежденности в том, что «набеги и опустошения вредят примирению края», что мало кому удастся устоять «против общего влечения к сим мнимым военным подвигам». Подобные мысли в то время встречали с большим неудовольствием при дворе, что прекрасно сознавал сам генерал. Самостоятельность в суждениях выделяла Раевского из ряда офицеров и роднила с другими выдающимися военными деятелями своего времени, о которых говорилось выше.

Изображения Н.Н. Раевского, пожалуй, наиболее часто встречаются в разного рода изданиях, посвященных истории региона, что привлекает внимание потомков к ярким и героическим страницам биографии генерала.

Среди российских военных деятелей, принимавших участие в военных действиях на Кубани, несколько особняком стоит имя генерала Г.Х. Засса – личности широко популярной в среде кавказцев, сложной и противоречивой. «Он самое интересное, оригинальное лицо, начиная с его усатой физиономии до разбитой пулями походки...» – писал о нем декабрист А.А. Бестужев-Марлинский¹⁴⁹. Два известных нам портрета генерала весьма примечательно отражают эту оригинальность. На одном генерал изображен при полном параде, в мундире со всеми орденами (см. прил. рис. 14). Из них хорошо различимы знак отличия Военного ордена, орден Св. Владимира; 4-й степени с бантом, орден Св. Анны 2-й степени, Георгиевский крест¹⁵⁰. Оригинальной особенностью образа генерала являются необычно длинные усы, но, в целом, портрет сделан в традиционном духе парадных изображений военачальников.

Гораздо интереснее литография 1836 г., на которой барон Засс одет в черкеску, из орденов – лишь Георгиевский крест (см. прил. рис. 15).левой рукой он сжимает вынутый из ножен кинжал, правую простер в указующем жесте к горным вершинам. Причем фигуру генерала частично скрывает массивный (выше пояса) горный валун, на котором лежит головной убор – невысокая баранья шапка с суконным верхом. Фоном для портрета послужили горные вершины Кавказа и затянутое тучами небо. Идейный смысл этой работы, на наш взгляд, достаточно очевиден: к покорению Закубанья призывает генерал, к новым походам на черкесские аулы. В то же время, нельзя не отметить, что такое изображение, когда

¹⁴⁸ Толстой В. Указ. соч. С. 75.

¹⁴⁹ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. в двух томах. М., 1958. Т. 2. С. 601-602.

¹⁵⁰ Г.Х. Засс // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 10. С. 485.

командующий Кубанской Линией похож, скорее, на удалого черкесского князя, нежели на российского офицера, является единственным в своем роде и отражает особость, необычность личности Засса.

Разноречивые отклики об этом историческом персонаже до последнего времени не позволяли в полной мере судить о масштабе и характере деятельности, которую генерал развернул на Кубани в 30-х – начале 40-х гг. XIX в. Слишком негативной была оценка некоторыми современниками его моральных принципов ведения войны, не говоря уже о той памяти, которую «страшилище черкесов» оставил в адыгской среде. Создание целостного образа генерала требовало не только привлечения всех известных отзывов современников, позднейших исследователей, документальных и архивных материалов. Анализ столь неординарной личности должен учитывать все нюансы тех конкретно-исторических условий, в которых жил и действовал генерал, тех задач, которые решались им в соответствии с ментальными установками.

Посвященные Г.Х. Зассу работы В.Б. Виноградова, оценки, данные в трудах Ю.Ю. Клычникова, отличаются именно таким объективным, взвешенным и рациональным подходом к личности генерала¹⁵¹. Знакомство с отзывами современников, служивших с Зассом, знавших его лично или хорошо о нем наслышанных, позволяет нам лучше оценить своеобразный характер вышеописанного портрета.

Декабрист А.П. Беляев рисует облик генерала так: «Генерал Засс был еще молодой, средних лет человек, высокий и стройный. Он носил серую черкеску с кинжалом у пояса – общий костюм черкесов и казаков; с пронизательными голубоватыми глазами, с огромнейшей длины русыми усами, орлиным носом и чрезвычайно живыми движениями...»¹⁵². Портрет этот практически не требует комментариев: он в точности воспроизведен художником на литографии. Близко к нему и описание, составленное офицером Лабинского казачьего полка Г. Атаршиковым, много лет «состоявшего при Зассе». «Генерал Засс имел семь ран, полученных в сражениях и на дуэлях, хромал от раны на одну ногу, но был крепкого телосложения, силен, подвижен; лицо его было выразительное, энергичное; глаза приятные, быстрые, пронизательные; длинные русые усы, доходившие до груди; характер живой, восприимчивый, вспыльчивый, но добрый, веселый и в высшей степени решительный: сила воли непреклонна и храбрость, не признававшая никаких

---

¹⁵¹ Виноградов В. Б. Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1999; Он же. Черты портрета генерала фон-Засса // Российский исторический журнал. 1996. № 1; Он же. «Он усмирил Закубанье» // Известия Русского исторического общества. М., 2000. № 2; Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 441-446.

¹⁵² Виноградов В. Б. Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет». Армавир, 2000. С. 10.

опасностей»¹⁵³. Не слишком жаловавший генерала декабрист Н.И. Лорер отмечает «таинственность», преобладавшую в доме генерала: «В его комнатах постоянно и во всех углах встречаешь людей с загадочными лицами. Может быть, во всем этом и крылось что-то, в самом деле, важное, а, может быть, Засс нарочно окружал себя тайной, чтобы сохранить к себе поболее уважения и страха – два чувства, сильно действующие на толпу»¹⁵⁴. Эта таинственность была далеко не лишней в условиях постоянных контактов с черкесами, среди которых было немало шпионов. Именно Зассу народная молва приписывала разного рода военные «фокусы», достаточно подробно описанные в литературе¹⁵⁵.

Особенно помогали Зассу внушать горцам уверенность в том, что ему известно все, что делается в аулах и горах, панорамы, которые рисовали ему с мельчайшими подробностями специальные художники, сопровождавшие Засса в экспедициях¹⁵⁶.

Весьма примечательными, с точки зрения характеристики деятельности генерала, являются, на наш взгляд, два рисунка крепости Прочный Окоп, в которой Засс обосновался в 1835 г., получив назначение на должность начальника Кубанской Линии. В экспозиции Национального музея Адыгеи находится фотография с рисунка XIX в. «Крепость Прочноокопская. Место пребывания Засса». Обычная, на первый взгляд, крепостная стена выглядит зловеще из-за частокола черепов на ней. В коллективной монографии «Земля адыгов» приведен рисунок «Курган генерала Г.Х. Засса»¹⁵⁷ (см. прил. рис. 16). Он относится, скорее, к XX в., но по замыслу идентичен рисунку из музея. На небольшом возвышении, на виду у генерала, двое казаков устанавливают достаточно высокие шести с отрубленными головами.

Обычай этот, перенятый у черкесов¹⁵⁸, от которых он был воспринят и казаками¹⁵⁹, Засс практиковал в первый год своего пребывания на Кубанской Линии, что в глазах современников сильно подмочило его репутацию. Для тех, кто осуждал варварские методы ведения войны, это был лишний повод упрекнуть Засса в жестокости. Вряд ли пословица: «С волками жить – по-волчьи выть» может служить оправданием подобных «устрашений». Но поведение генерала вполне можно объяснить, не впадая

¹⁵³ Виноградов В. Б. Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет». Армавир, 2000. С. 11.

¹⁵⁴ Там же. С. 10.

¹⁵⁵ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 401.

¹⁵⁶ Военная энциклопедия. Т. 10. СПб., 1912. С. 401.

¹⁵⁷ Земля Адыгов / А. Х. Шеуджен [и др.]. Майкоп, 1996.

¹⁵⁸ Данный феномен является свидетельством хорошо прослеженного в историографии «окавказивания» российский войск (*Ред.*).

¹⁵⁹ Дударев С. Л. К вопросу об особенностях менталитета и обычаев казачества в свете отношений с горцами // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Седьмой международной Кубано-Терской научно-практической конференции. Армавир, 2010. С. 170-72.

в крайность и не утрируя его жестокосердие. Притом, что мало кто из русских офицеров вызывал у черкесов такую ненависть, ввергал в такой ужас своими неожиданными экспедициями в самую глубь черкесской территории, нельзя не отметить следующее. В русле лучших традиций российских офицеров, Засс нередко по-рыцарски относился к отдельным представителям горцев на поле боя. А целая группа ссыльных декабристов делится своими впечатлениями «о доброжелательности, душевном отношении Засса, о его товарищеском, дружеском и покровительственном участии в их военно-бытовой судьбе»¹⁶⁰.

В этой связи нельзя недооценивать влияние иллюстративного материала на формирование у широкой публики объективных оценок исторических личностей (их деятельности и ее последствий). Время показало, что лучшим памятником генералу стал не частокол из отрубленных голов, а народная память о нем как об основателе Армавира и соответствующий скульптурный бюст в центре города.

К числу военных заслуг Г.Х. Засса следует отнести создание боеспособных, хорошо обученных и дисциплинированных боевых единиц из пехоты, казачьей конницы и артиллерии, с которыми он совершал превентивные набеги вглубь вражеской территории. Реализуя идею продвижения в Восточное Закубанье, Засс всячески поддерживал идею организации Лабинской Линии. Правда, следует признать, что обычная для него стремительность при решении этого вопроса была бы излишней, и даже вредной, на что Зассу справедливо указывал А.А. Вельяминов¹⁶¹.

Даже эта краткая характеристика позволяет взглянуть на портрет Засса по-новому. Не религиозным, не национальным фанатизмом блещут на рисунке глаза остзейского (по происхождению) немца в черкесском обличье. Сознание высших государственных интересов ведет во главе отрядов его, презревшего все опасности и установившего свои суровые правила игры: «Россия хочет покорить Кавказ, во что бы то ни стало... Отступления со мной нет, не было и не будет»¹⁶². При всех издержках морального облика, место в истории столь яркого и преданного охранителя России, как Г.Х. Засс, бесспорно.

Пребывание на Кубани декабристов стало еще одним звеном, связывающим провинциальную, региональную и общероссийскую историю. Их портреты чаще можно встретить на страницах столичных печатных изданий¹⁶³. Более подробную информацию о пребывании декабристов на

¹⁶⁰ Виноградов В. Б. Генерал Засс: «Отступления со мною нет...». С. 15.

¹⁶¹ Выродов Б. Л. Указ. соч. С. 10.

¹⁶² Виноградов В. Б. Генерал Засс: «Отступления со мною нет...». С. 15.

¹⁶³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 253; Махлевич Я. Л. Указ. соч.; По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ. М., 1989; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Кубани можно получить, обратившись к трудам С.И. Недумова, Б.Л. Выродова, А. Фадеева, В.Б. Виноградова и др.¹⁶⁴

На портрете К.Г. Игельстрема мы видим средних лет мужчину, в пальто гражданского покроя, с густыми бакенбардами, мягким изгибом полных губ, теплым выражением глаз (см. прил. рис. 17). Константин Густавович Игельстром был одним из руководителей «Общества военных друзей», организовавших в Литовском саперном батальоне выступление против Николая I. В 1836 г., после отбытия наказания в Сибири, он был помилован и зачислен рядовым в Кавказский саперный батальон. Являясь видным специалистом саперного дела, участвовал в строительстве Махошевского укрепления (ныне г. Лабинск), служил под началом генералов А.А. Вельяминова и Г.Х. Засса, получил признание и высокую оценку начальства, и вышел в 1843 г. в отставку уже подпоручиком¹⁶⁵.

Декабрист, по отзывам современников, не только привлекателен внешне, но и весьма симпатичен по характеру. Он был верным товарищем, веселым, добродушным, любил музыку, и игрой на флейте скрашивал тяжелые солдатские будни. А.П. Беляев в своих воспоминаниях пишет о том, что К.Г. Игельстром был «всегда веселый, беззаботный и действительно несносный, когда хотел кому-нибудь надоест...», но человек «благороднейших и честнейших правил», «добрый товарищ»¹⁶⁶. Будучи в Прочном окопе, декабрист был непременно участником дружеских посиделок в доме четы Нарышкины.

Без семьи Нарышкиных трудно представить декабристское общество, которое собиралось в крепости Прочный Окоп на рубеже 30-40-х гг. XIX в. Репродукция рисунка Н. Бестужева, на которой изображен декабрист, а также портрет его супруги (неизвестного автора) имеется в экспозиции Таманского дома-музея М.Ю. Лермонтова. Полковник Нарышкин был приговорен к 15 годам каторжных работ, а затем к ссылке на поселение. Вместе с супругой, уже разжалованный в солдаты, он прибывает в Прочный Окоп в 1837 г., и вскоре обустроенный их стараниями дом стал притягательным местом для гостей. У Нарышкиных бывали как друзья декабристы, так и лица командного состава, часто приезжали родственники из России¹⁶⁷. По вечерам в доме музицировали, знакомились с литературой из домашней библиотеки, и свежей прессой. Хозяева всегда были рады оказать моральную и, по возможности, материальную поддержку сослуживцам.

---

¹⁶⁴ Выродов Б. Л. Указ. соч.; Трудные годы. Декабристы на Кавказе. Краснодар, 1985; Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Ставрополь, 1974; Агапова Т. И., Серова М. И. Декабристы на Кубани. Краснодар, 1975.

¹⁶⁵ Выродов Б. Л. Указ. соч. С. 16.

¹⁶⁶ История Кубани в русской художественной литературе (досоветский период). Хрестоматия. Армавир, 1996. Ч. 1. С. 162-163.

¹⁶⁷ Выродов Б. Л. Указ. соч. С. 20.

С портрета М.А. Назимова на нас смотрит симпатичный молодой человек в солдатской шинели, с большими грустными глазами (**см. прил. рис. 18**). Приговоренный по самому «мягкому» разряду к ссылке в Сибирь, в крепость Прочный Окоп был переведен в 1837 г. Вместе с Игельстромом участвовал в строительстве Лабинского укрепления. Судьба свела его и сдружила с М.Ю. Лермонтовым во время ссылки последнего на Кавказ, а также с братом А.С. Пушкина – Л.С. Пушкиным. Нередко выезжал Назимов в Ставрополь, где встречался в 1840 г. со своими друзьями. Об этих встречах мемуарист А. Есаков (однополчанин Лермонтова) писал: «Несмотря на скромность свою, Михаил Александрович как-то сам собой выдвигался на почетное место и все, что ни говорилось, было выслушивается без перерывов и шалостей, в которые чаще других вдавался Михаил Юрьевич»¹⁶⁸. Весьма примечательно в свете наших изысканий, что сближению поэта и декабриста способствовали интерес к природе Кавказа и населяющим его народам, который проявлялся, в частности, в зарисовках кавказских видов, которые делали Лермонтов и Назимов¹⁶⁹.

Портрет Николая Ивановича Лорера есть в экспозиции таманского музея М.Ю. Лермонтова, в Музее-заповеднике Лермонтова в Пятигорске (работы А.И. Клюндера, 40-е гг.), есть он и в печатных изданиях. Одна из работ была выполнена художником Р.К. Шведе с натуры в 1841 г. Художник приехал в Пятигорск вместе с семьей гусара А. Арнольди на исходе мая 1841 г., чтобы учить его живописи. А заодно и нарисовал портрет дяди Арнольди – Н.И. Лорера, которого накануне произвели в офицеры. Декабрист изображен в форме прапорщика Тенгинского пехотного полка на фоне местного горного пейзажа¹⁷⁰ (**см. прил. рис. 19**).

О Лорере отзывались как о необыкновенно живом и разносторонне одаренном человеке, большом весельчаке, остроумном собеседнике, увлекательном рассказчике, музыканте и человеке большого гражданского мужества¹⁷¹. Он прибыл рядовым на Кавказ в 1837 г. Участвовал в строительстве черноморского укрепления Субаши, жил в Тамани и ст. Прочноокопской, где тесно дружил с семьей Нарышкиных и другими декабристами. В 1842 г. уехал на Украину, где начал писать «Записки декабриста», в которых оставил воспоминания о жизни кубанских казаков, сведения о быте российских крепостей, характеристику знакомых офицеров и солдат. Так, например, достаточно критично отзывался он о генерале Зассе. В круг знакомых Лорера входили и Л.С. Пушкин,

¹⁶⁸ Выродов Б. Л. Указ. соч. С. 43.

¹⁶⁹ Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. М., 1981. С. 331.

¹⁷⁰ Махлевич Я. Л. Указ. соч. С. 152-153.

¹⁷¹ Выродов Б. Л. Указ. соч. С. 41.

и М.Ю. Лермонтов. Причем, будучи в Тамани, декабрист поселился в той самой хатке на самом обрыве у моря, которую Лермонтов запечатлел на рисунке «Тамань».

Пока имя Лермонтова было не слишком известно широкому читателю, слово «Кавказ» публика ассоциировала с именем А. Бестужева-Марлинского. Он принадлежал к тем художникам слова, в чьих произведениях взгляд на противников по оружию отличается уважением и признанием свободолюбия, отчаянной храбрости и воинской доблести черкесов.

Наиболее известен портрет писателя, помещенный уже после его смерти в издании А. Смирдина «Сто русских литераторов» (СПб., 1839-1845 гг.), где поэт изображен в кавказской бурке. Для «Ста русских литераторов» Смирдин выбрал оставшуюся незавершенной «кавказскую» повесть Бестужева-Марлинского «Мулла Нур». Издатель приложил портрет автора с выгравированной под ним подписью (facsimile) «Александр Бестужев» (см. прил. рис. 20). Этот портрет, а вернее, копию с автопортрета, дала издателю старшая сестра Бестужева Елена, сама пририсовав к нему кавказскую бурку, в чем был намек на солдатчину брата. Утверждают, что портрет декабриста принес императору великий князь Михаил Павлович, которого особенно возмутило, что государственный преступник оказался удостоен изображения наравне с другим автором «Ста русских литераторов» – придворным историографом генерал-лейтенантом А.И. Михайловским-Данилевским. Как выразился великий князь, «вместе с генералом поместили и бунтовщика». Николай I высказался еще более определенно: «Его развесили везде, а он хотел нас перевешать». Следствием монаршего гнева явилось грозное предписание изъять портреты Бестужева из всех непроданных экземпляров сборника¹⁷².

На другой известной акварели Н. Бестужева писатель изображен в белой рубахе с темным шейным платком, галстук бантом, светлые кожаные помочи. Волосы зачесаны на косою пробор, усы. Портрет исполнен Н.А. Бестужевым, вероятно, в 1828 г., по памяти. В 1869 г. был подарен М.А. Бестужевым М.И. Семевскому. 16 июня 1828 г. А.А. Бестужев писал братьям в Читку из Якутска: «Видел портрет, нарисованный тобою, почтенный Николай, и толпа воспоминаний наполнила сердце. Если можно, сделай мой: усы вниз и без бакенбарт»¹⁷³.

Характеризуя образ Бестужева-Марлинского на Кавказе, отметим, что поэт разительно изменился здесь, попав из холодной северной столицы

¹⁷² Венгеров А. Из истории российских издательств и изданий. «Сто русских литераторов» (1839-1845) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=22492&iid=1031>.

¹⁷³ Семевский М. И. Александр Бестужев в Якутске. Неизданные письма его к родным 1827-1829 // Русский вестник. 1870. Т. 87, V. С. 236.

в Сибирь, а затем в пламя партизанской кавказской войны. Если петербургская жизнь гвардейца и литератора ограничивалась казармой, балами, светским волокитством и разговорами о будущем России, на Кавказе ежедневно приходилось принимать ответственные решения и нередко рисковать жизнью. Но и на Кавказе он франтил: его солдатская шинель была сшита у хорошего портного из толстого сукна (что было отражением подмеченного исследователями промежуточного положения солдат-декабристов между офицерами и нижними чинами)¹⁷⁴, Бестужев отличался от многих разжалованных гвардейской выправкой, оставался неутомимым танцором, весельчаком, дамским любезником¹⁷⁵.

Для кубанских исследователей особый интерес представляет эпистолярное наследие писателя, где ведется рассказ об особенностях военной службы в Черномории. В нескольких произведениях Бестужева действие происходит на кубанской земле, в частности, в повестях «Аммалат-бек», «Он был убит». В последней автор использует форму записок для рассказа о реальных фактах и событиях собственной жизни в период первого похода с А.А. Вельяминовым к Черноморскому побережью через Ольгинское и Абинское укрепления¹⁷⁶.

С выходом в свет произведений М.Ю. Лермонтова тема Кавказа получила новое освещение в отечественной литературе. А персонажи романа «Герой нашего времени» оказались тесно связаны с событиями кубанской истории посредством своих прототипов. Хорошо известные со школьной скамьи герои предстают перед нами в новом свете, когда рядом с литературными портретами появляются изображения тех реально существовавших людей, которые, по общепринятому мнению литературоведов, послужили их прототипами.

Как и для А.С. Пушкина, кубанская земля для Лермонтова стала этапом в его следовании к месту службы. Прямое знакомство М.Ю. Лермонтова с кубанским краем, с его привольными степями, станицами и хуторами, раскинувшимися по берегам рек, сторожевыми постами и крепостями вдоль кордонной линии, дало возможность ему создать знаменитую повесть «Тамань», вплести выразительные сцены и описания в ряд других произведений. Известно, что в «Тамани» Лермонтов изобразил реальных лиц, подлинные события. Единственный названный в ней по имени герой – контрабандист Янко – тоже имел своего прототипа.

По мнению специалистов, им вполне мог стать есаул Азовской флотилии Яков Барахович. С портрета Бараховича, сделанного художником

---

¹⁷⁴ Нечитайлов М. В. Декабристы на Кавказе: униформологический аспект // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Пятигорск, 2007. Вып. 7. С. 45.

¹⁷⁵ Сахаров В. Гвардейский Прометей, или Кавказ А.А. Бестужева-Марлинского // Родина. 1994. № 3-4. С. 104-105.

¹⁷⁶ История Кубани в русской художественной литературе. Ч. 1. С. 105.

Г. Гагариным в 1837 г. в Геленджике, на нас смотрит молодой офицер – кудрявый, с правильными чертами лица, в парадной форме с эполетами и аксельбантами (см. прил. рис. 21). На первый взгляд, фигура в отечественной истории достаточно заурядная. Как и многие из азовских казаков, некоторое время он жил за Дунаем среди турок. Вернулся после 1828 г. на родину, и как смелый и искусный моряк был назначен в конце 30-х гг. в Азовскую флотилию для борьбы с турецкими контрабандистами. Начал службу рядовым казаком, впоследствии дослужился до полковника. Но при этом сам нередко участвовал в незаконных операциях, завоевав известность на побережье. По воспоминаниям Г.И. Филипсона (офицера Генерального штаба), Барахович, «как потом оказалось... занимался между прочим морским разбоем»¹⁷⁷. Этот факт биографии вполне мог обратить на себя внимание М.Ю. Лермонтова при создании образа контрабандиста, который в романе предстает в «татарской шапке, но острижен... по-казацки». В пользу этой версии говорит и то обстоятельство, что рисунок выполнен Г. Гагариным в год поездки поэта на Тамань, а известно, что их связывало творческое содружество, и интерес обоих к личности одного и того же человека неслучаен. В то же время вопрос о Я. Бараховиче как прототипе Янко по-прежнему привлекает внимание ученых¹⁷⁸.

О прототипе другого героя – доктора Вернера – можно говорить наверняка. Портрет доктора дан в романе исключительно подробно, с исчерпывающей характеристикой внешности и душевных качеств, так, что современники просто не могли не узнать в нем знакомца поэта – доктора И.В. Майера. В романе дана не слишком лестная характеристика внешности этого героя, но описаны его примечательные душевные качества: известный скептицизм, довольно «злой язык», в сочетании с глубокой порядочностью, благородством, преданностью друзьям. Портрет И.В. Майера (по некоторым предположениям, автопортрет) помещен в нескольких посвященных М.Ю. Лермонтову изданиях¹⁷⁹. Г.И. Филипсон описывал внешность своего хорошего приятеля, доктора Майера так: «Небольшого роста, с огромной угловатой головой, на которой волосы стриг под гребенку, с чертами лица неправильными, худощавый и хромым...»¹⁸⁰. Конечно, портрет молодого, не слишком красивого, человека в сюртуке, серьезного и несколько печального, с умными и добрыми глазами, ничего не скажет (а, скорее, подчеркнута контрастирует) о тех замечательных

¹⁷⁷ Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани в отечественном и зарубежном... С. 19-20.

¹⁷⁸ О.В. Матвеев в недавней монографии приводит ряд серьезных доказательств того, что Барахович вряд ли был прототипом Янко. «По-видимому, в образе Янко были задействованы какие-то иные, скорее всего, художественные решения», – полагает исследователь (Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. С. 247-249).

¹⁷⁹ По лермонтовским местам... С. 196.

¹⁸⁰ Филипсон Г. И. Указ. соч. С. 107.

человеческих качествах, профессиональных достоинствах, которыми обладал Н.В. Майер. Тот же Филипсон отмечает его ум, преданность друзьям, и в то же время несколько неровный и вспыльчивый характер¹⁸¹. Достаточно высоко отзывался о нем обычно сдержанный в оценках генерал А.А. Вельяминов: «Лекарь Майер во все время нахождения его на службе никогда не был замечен невнимательным к исполнению врачебного долга... Мне лично известно, что лекарь Майер, исполняя с отличным усердием обязанности медика, отличался при сем совершенным бескорыстием»¹⁸². Основная деятельность Н.В. Майера в качестве статского врача при Вельяминове протекала в Ставрополе и на КавМинводах, где с ним и познакомился М.Ю. Лермонтов. Но имеется и кубанский след в биографии доктора. С 1838 г. он «перешел на службу к генералу Н.Н. Раевскому-младшему, командующему войсками черноморского побережья»¹⁸³. Выполнял он и обязанности главного кордонного врача, «отвечающего, в частности, и за санитарно-гигиеническое состояние пограничных основных госпиталей Кубанской линии, которых тогда было три – в казачьей станице Прочноокопской, в городах Екатеринодаре и Тамани – Фанагории»¹⁸⁴. Нередки были визиты доктора в крепость Прочный Окоп и соседнюю станицу, где Майер заводит дружбу с декабристами. Известно и о взаимном расположении доктора и генерала Г.Х. Засса, располагавшегося в той же крепости.

Очевидно, что душевная красота и благородство, увиденные и оцененные современниками и отраженные Лермонтовым в образе литературного героя, стали лучшей характеристикой человека, нежели его портрет. Но справедливости ради надо отметить, что сам Майер был далеко не в восторге от «своего» персонажа, и неодобрительно отзывался о поэте и его таланте.

Нередко установление истины в истории происходит после длительного периода ошибок и заблуждений, с появлением новых сведений из ранее не привлекавшихся источников. Так, например, произошло в случае с установлением национальности известного северокавказского писателя-просветителя Султана Казы-Гирея. И не последнюю роль в этом процессе сыграл известный портрет Казы-Гирея работы Г.Г. Гагарина (см. прил. рис. 22).

Автор опубликованных в журнале «Современник» повести «Долина Ажитугай» и очерка «Персидский анекдот» «черкес» Казы-Гирей с подачи Пушкина долгое время именовался в литературе адыгским

¹⁸¹ Филипсон Г. И. Указ. соч. С. 107.

¹⁸² Недумов С. И. Указ. соч. С. 101.

¹⁸³ Там же. С. 96-107.

¹⁸⁴ Виноградов В. Б. Страницы истории Средней... С. 74.

писателем¹⁸⁵. Более точно установить его этнические корни, место в историко-культурных реалиях Кубани 20-40-х гг. XIX в. позволили работы Р.Х. Керейтова, В.Б. Виноградова¹⁸⁶. Р.Х. Керейтов приводит многочисленные примеры принадлежности султана к ногайской верхушке и его прямой включенности во взаимоотношения закубанских ногайцев с российской администрацией. Источник 1824 г. сообщает, что «прибыли ногайские султаны и мурзы, во главе которых стояли Саламат-Гирей и Казы-Гирей, они изъявили покорность без всяких условий и Коцарев поселил их на Кубани от впадения Малого Зеленчука до Урупа, замыкая, таким образом, весь промежуток между поселениями Эдиге Мансурова и Измаила Алиева»¹⁸⁷. Другой приводимый Керейтовым документ прямо связывает название повести «Ажитугай» с аулом ногайцев в урочище Ажи-Тогай, принадлежавшим Казы-Гирею. Подтверждает эту версию и обилие ногайских (тюркских) топонимов в произведениях писателя, легко переводимых им на русский язык и толкуемых¹⁸⁸. Позднее Р.Х. Керейтов и Д.С. Кидырниязов вновь обратились к толкованию этнической идентичности Султана Казы-Гирея, доказывая ее ногайскую принадлежность¹⁸⁹.

Выводы этих ученых, на наш взгляд, убедительно дополняет анализ рисунка Г.Г. Гагарина, изображающий Султана Казы-Гирея в форме российского офицера. С В.Б. Виноградовым мы обратили внимание на характерные монголоидные черты лица позирующего кавказца: плосковатое скуластое лицо с заметно приплюснутым носом, небольшую припухлость век и раскосость глаз. Т. е. на портрете Султан Казы-Гирей выглядит скорее как ногаец, нежели как адыг¹⁹⁰. Таким образом, изображение человека стало для нас дополнительным источником ценной информации, позволившей установить истину.

Для кубанской истории личность писателя примечательна в нескольких отношениях. Он принадлежал к плеяде тех северокавказских просветителей, чья деятельность была направлена на сближение с Россией, ее культурой, и в этом видели они продвижение своего народа на пути

---

¹⁸⁵ Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. Избранные произведения. Краснодар, 1986.

¹⁸⁶ Керейтов Р. Х. Из истории общественной мысли Северного Кавказа в XIX в. // Археология и краеведение – вузу и школе : Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции. Грозный, 1985; Он же. Султан Казы-Гирей и его жизнь // Половецкая луна. Черкесск, 1991. № 1; Он же. Новое о Казы-Гирее // Вопросы археологии и традиционной этнографии в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988; Виноградов В. Б. Страницы истории Средней... С. 50-51.

¹⁸⁷ Керейтов Р. Х. Из истории... С. 67.

¹⁸⁸ Виноградов В. Б. Страницы истории... С. 50.

¹⁸⁹ См.: Кипкеева З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII-XIX вв. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017. С. 239.

¹⁹⁰ Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани... С. 20.

к прогрессу. Автор монографии, посвященной писателю, Т.Х. Кумыков, писал о предложениях, которые сделал Казы-Гирей, будучи офицером российской армии, в «Записках», представленных заместителю Кавказа М.С. Воронцову. По мнению Кумыкова, его «предложения и идеи были направлены на подъем общего уровня соотечественников, на дальнейшее развитие края по пути прогресса...»¹⁹¹.

Среди них – идея разработки местных природных богатств с целью вовлечения народного хозяйства в общероссийскую экономическую жизнь, «развитие торговли на Кубани при основании на левом берегу Лабы особого аула, игравшего роль экономического, политического и культурного центра»¹⁹². Как отмечает историк-кавказовед З.Б. Кипкеева, в стремлении Казы-Гирея образовать на Лабе особый аул В.Б. Виноградов видел мечту об экономическом и культурном центре, который выполнял бы функции города, написав: «В сущности, это предвидение города Майкопа!»¹⁹³. Прочный Окоп и Казы-Гирей – особая тема для исследования, связанная с контактами писателя с представителями российской интеллигенции, общественными деятелями, армейскими и казачьими офицерами. Поднималась она на страницах сборника «Прочноокопский историко-культурный многоугольник»¹⁹⁴. Традиционные границы владений Казы-Гирея, с учетом открытия Керейтова, устанавливаются по р. Уруп, в непосредственной близости от крепости. Именно в ней могла состояться встреча писателя и художника Г.Г. Гагарина, итогом которой стал вышеописанный портрет. Вполне объясним интерес художника к личности человека, в ком так причудливо сплелись национальность и подданство, литературный талант и воинская доблесть. Султан Казы-Гирей более 37 лет прослужил в российской армии, в том числе и на Кавказе, удостоен орденов и именного оружия. Одно время командовал созданной для несения кордонной службы на Северном Кавказе Ногайской милицией. А в середине 1840-х гг. командовал 2-м Кубанским полком линейного казачества, чей штаб размещался в ст. Прочноокопской¹⁹⁵.

Судьба писателя – настоящий пример содружества двух наций, двух культур, который складывался в непростых и порою трагических условиях.

---

¹⁹¹ Керейтов Р. Х. Новое о Казы-Гирее... С. 76.

¹⁹² Кумыков Т. Х. Казы-Гирей. Нальчик, 1978. С. 16-19.

¹⁹³ Кипкеева З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII-XIX вв. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017. С. 242; Виноградов В. Б. Средняя Кубань – земляки и соседи. Армавир, 1995. С. 105-106.

¹⁹⁴ Чернова Л. Н. Ногайский просветитель Султан Казы-Гирей и прочный Окоп // Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Материалы конференции. Армавир, 1994.

¹⁹⁵ Телепень С. В., Виноградов В. Б. Заметки о казаках-линейцах. К 200-летию Старой Станицы – Прочноокопской. Армавир, 1994. С. 10-11.

В ней выразительно проявились те противоречивые черты, которые были свойственны и для судеб других горских просветителей¹⁹⁶.

Преобладание в 20-40-х гг. XIX в. среди портретов изображений российских подданных вполне понятно: живописцами (а среди них преобладали российские) в эти годы представители северокавказских народов расценивались как потенциальные или реальные противники. Естественно, такое отношение сужало возможности выбора объекта для изображения. Собственных, национальных живописцев у черкесов просто не было: исламские традиции запрещали изображения людей. Но все же лица закубанских горцев появляются на полотнах живописцев, причем не только российских.

Хорошо известен широкому зрителю часто воспроизводимый в литературе портрет известного предводителя черкесов Шеретлуко Кизбеча, принадлежащий перу английского эмиссара Д. Белла, побывавшего на Кавказе в 1837-39 гг. и лично знакомого с предводителем адыгов (см. прил. рис. 23). Вопреки запрету, знатный черкес позволил англичанину нарисовать себя рядом со своим боевым конем. На рисунке мы видим высокого, осанистого, богато одетого старика в белой чалме «хаджи», держащего под уздцы лошадь. На этом коне он, по преданиям, появлялся в особо жарких схватках с царскими гарнизонами, вдохновляя воинов на борьбу¹⁹⁷. Английский журналист Д. Лонгворт так описывает его в своем дневнике: «Его свободная и воинская манера поведения, сопровождаемая ленивой и не лишенной изящества походкой вразвалку... Его оружием были лук, колчан со стрелами, дамасская сабля и стальная кольчуга, поблескивавшая на его груди под кафтаном. Его одежда была не богатой, но тщательно пригнанной по фигуре и совершенной. Его сафьяновые башмаки в особенности были очень хорошо пригнаны к его маленьким и изящным ступням. Однако в его облике, в зловещем спокойствии его рта и в диком блеске его пронзительных серых глаз было нечто такое, что без предварительного объяснения со стороны его соплеменников я бы мог принять его за льва»¹⁹⁸. Николай I, предлагал большие деньги за портрет работы Белла, но так его и не получил. Да и самому Кизбечу неоднократно предлагали на весьма выгодных условиях перейти к русским, поступить на службу в Каире, но он предпочел вернуться «к пирушкам с друзьями на лоне любимых гор и сражениям с гяурами на берегах Кубани». На страницах современных

---

¹⁹⁶ Ктиторова О. В. Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева. Армавир, 2015.

¹⁹⁷ Черкесия в XIX в. Материалы 1 Кошехабльского форума «История – достояние народа». Майкоп, 1991. С. 251.

¹⁹⁸ Лонгворт Д. Год среди черкесов. Нальчик, 2001. С. 316-317.

изданий этот рисунок встречается довольно часто, что служит своеобразным показателем признания государством права народа чтить память своих героев, воевавших за свободу и независимость.

Имя Шеретлуко снова возвращает нас к роману М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Достаточно долго в лермонтоведении была распространена версия о том, что этот предводитель шапсугов послужил прототипом образа Казбича в повести «Бела». Но при ближайшем рассмотрении, связь между этим историческим деятелем и литературным героем ограничивается лишь именем. Проведя сравнительный анализ, А.В. Виноградов и Е.А. Утко подчеркнули, что герой Лермонтова хотя и известен среди русских, как и некий удалец из шапсугов, «храбрый, выносливый, хитрый», «но он отнюдь не богат». Домогаясь Белы, он, по суждению Максим Максимыча, «если б надеялся собрать порядочный калым, то, верно бы, посватался». Наконец, Казбич далеко не стар, и, по всему, одинок. Словом, это образ типичного горского наездника – абрека¹⁹⁹. Между тем, жизненный путь реального Кизбеча незауряден, и позволяет говорить о личности яркой, выдающейся, оставившей заметный след в истории своего народа.

Шеретлук Тугужоко Кизбеч (1777-1839) происходил из известного адыго-шапсугского рода Шеретлуковых. Его предводительская военная деятельность падает на 1810-1839 гг. Народная молва широко разносила славу о победах и индивидуальных подвигах «льва черкесов», как его называли современники. Одна из таких впечатляющих побед – операция, проведенная в 1834 г. в районе Абина (Абинский район) с целью не допустить соединения русских армий, наступавших с востока и юга. Во главе 1 700 всадников Кизбеч сумел устоять против 14-тысячной русской армии²⁰⁰. Правдивый историко-психологический портрет героя дан на страницах романа адыгского просветителя Хан-Гирея «Бесльный Аббат»: «удивительно влиятельный среди шапсугов Кзильбич из Шеретлуковой фамилии», «стоило только разослать гонцов от имени Кзильбича, и тысячи стекались под его предводительство»²⁰¹. Портрет героя будет неполным без упоминания особых черт Кизбеча, о которых писал Хан-Гирей. Его своеобразная натура проявлялась в чувстве юмора, любви к музыке, танцам. «Я до гроба не откажусь от пляски. И в рай не хочу, если там не пляшут», – отвечает Кизбеч в ответ на замечания, что в его преклонных годах не пристало принимать участие в плясках²⁰².

¹⁹⁹ Виноградов А. В., Утко Е. В. Шеретлук и Лермонтовский Казбич // Археология и краеведение Кубани : Материалы Первой студенческой научно-практической конференции. Армавир, 1993. С. 44.

²⁰⁰ Черкесия в XIX в. ... С. 251; Муфти Х. Ш. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик, 1994. С. 175.

²⁰¹ Адыгейские писатели-просветители XIX века. Краснодар, 1986. С. 148-151.

²⁰² Черкесия в XIX в. ... С. 259.

Такая приверженность к традиционной народной культуре резко контрастирует с насаждением аскетизма горскими имамами в период т.н. Кавказской войны, в том числе, запретом на танцы²⁰³.

Портретная галерея деятелей истории Кубани XIX в., предложенная нами, является далеко не полной. Активно публикуются в литературе многочисленные портреты кубанских атаманов, деятелей казачьей общественной и культурной жизни, а также сыгравших известную роль в борьбе горцев с российской армией наибов Шамиля: Мухаммед-Амина, Сефер-бей-Зана и др. Мы лишь показали возможные пути применения произведений портретного жанра в научно-исследовательской работе: источником дополнительной информации в определении этнической принадлежности, социального статуса, общественно-культурных связей, которые объединили на Кубани военных деятелей, поэтов, художников. В начале XIX в. интерес к личности человека и его роли в истории выходит на новый уровень, что находит свое отражение в изобразительном искусстве. Без иллюстраций такого рода трудно представить себе современное, рассчитанное на широкую читательскую аудиторию издание.

2.2. События военно-политической истории в творчестве художников-баталистов

По определению, батальная живопись посвящена изображению военно-исторических событий недавнего или отдаленного прошлого, и, прежде всего, сражений²⁰⁴. Но сводить ее исключительно к изображению батальных было бы неверно, тем более что в русской светской живописи в XIX в. происходит очень тесное переплетение этого жанра с другими, при сохранении специфики батального жанра как отображения войны во всей ее сложности²⁰⁵. Северо-Западный Кавказ вплоть до середины XIX в. был вовлечен в разного рода локальные и межгосударственные конфликты с применением военной силы, что способствовало появлению значительного количества произведений батального жанра. Большая часть их принадлежит перу российских художников, как следствие несомненного военно-политического преобладания России на этой территории.

---

²⁰³ О весьма похожей на образ Кизбеча личности горского предводителя, хотя и не столь известной, см.: Дударев Д. С. Российский офицер о горском предводителе (Дударев Д. С. Ф.Ф. Торнау и хаджи Джансеид // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). Армавир : Дизайн-студия Б., 2015. С. 130-133).

²⁰⁴ Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. М., 1986. С. 66.

²⁰⁵ Садовень В. В. Указ. соч. С. 4.

При зачаточном состоянии развития художественной культуры среди местного населения²⁰⁶, заметный вклад в этот процесс внесли известные мастера российской батальной живописи XIX века, в чьем творчестве отразились прикубанские мотивы. Значительную историческую ценность представляют собой графические и акварельные работы российских путешественников, армейских офицеров, чиновников, научных работников, иностранных художников, посетивших Северо-Западный Кавказ в этот период. Большинство из них остаются малоизвестными, но судя, по отдельным приведенным примерам, весьма перспективными в плане изучения.

Батальный жанр, как и другие виды живописи, на практике не может быть четко ограничен от других, часто сближаясь и переплетаясь с историческим, бытовым, портретом и пейзажем, что нашло отражение в разнообразии иллюстративного материала для настоящего параграфа. Батальные сюжеты из истории Северо-Западного Кавказа можно условно разделить на две группы. В одну войдут изображения военно-исторических событий, связанных с Черноморским побережьем Кубани, в другую – все остальные. Большинство работ имеет четкую хронологическую и географическую атрибуцию.

Особое место среди батальных картин начала XIX века занимает полотно А.И. Иванова «Единоборство князя Мстислава Владимировича Удалого с косожским князем Редедю», в котором автор обращается к событиям из истории Тмутараканского княжества (см. **прил. рис. 24**). Обращение к библейско-мифологической тематике было характерно для исторической академической батальной живописи, примечательно, что автор использовал сюжет из древнерусской, а не античной истории.

На картине мы видим центральную группу борющихся Редеди и Мстислава, вписанных в условный традиционный треугольник. Обнаженный до пояса Редедя полулежит на земле. Мстислав, придавив врага коленом, готовится нанести последний удар. Над победителем в воздухе крылатая фигура Славы, с лавровым венком в одной руке, пальмовой ветвью и знаменем в другой. В глубине картины видны фигуры воинов из дружины Мстислава и его противника²⁰⁷. Картина не претендует на историческую достоверность. Сюжетно связанная с русской историей она выполнена по канонам античного искусства.

Это полотно написано в 1812 г. и по замыслу связано с борьбой русского народа с наполеоновским нашествием. Поэтому вполне понятна

---

²⁰⁶ В горской среде это имело и ментальные подосновы в виде исламских традиций (См.: Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества. С. 294-295).

²⁰⁷ Садовень В. В. Указ. соч. С. 46-48.

символичность образов Мстислава и Редеди. Война еще не закончена, но художник передает зрителям свою уверенность в победе над сильным врагом²⁰⁸.

Наше внимание привлеч, прежде всего, сам факт обращения живописца к реальному эпизоду из истории ранних славяно-адыгских взаимоотношений. Естественным будет предположить, что А. Иванова заинтересовал не столько сам поединок в свете политических событий на Кубани в XI в., а тот идеологический смысл, который он приобрел впоследствии в народных преданиях, трудах летописцев. Выход в 1800 г. «Слова о полку Игореве» стимулировал развитие в обществе интереса к родной истории. На фоне военно-политических событий первой четверти XIX века образ Мстислава, претерпев определенные изменения, становится символом русского народа – защитника своей земли. Так у художника рождается замысел картины, которая должна «возбуждать доблести сограждан подвигами предков»²⁰⁹.

Если такой подход к историческому событию, отмеченный «односторонней героикой», и правомерен в художественном произведении, то его нельзя назвать объективным в работах историков. С.М. Соловьев в сочинении «История России с древнейших времен» пишет: «...Русский князь побеждает азиата, побеждает духовною силою, верою»²¹⁰. К сожалению, и в краеведческих пособиях советского периода в оценках этого и других сюжетов из истории русско-адыгских взаимоотношений доминировал «синдром добрососедства», что справедливо отмечено В.Б. Виноградовым, как результат недостаточно полного и объективного рассмотрения²¹¹. Поединок двух вождей сохранился в исторической памяти русского и адыгского народов, передовое российское общество откликнулось на эту тему «Думой» К.Ф. Рылеева «Мстислав Удалый», соответствующими поэтическими замыслами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова.

Подробное иллюстративное приложение содержит работа Н.И. Веселовского «Военно-исторический очерк города Анапа» (СПб. (Петроград), 1995 [1914]). В нашем исследовании уже упоминались живописные сюжеты из нее, относящиеся к концу XVIII в. В 1807 г. Анапа была взята русскими войсками в ходе османо-российской войны силами черноморской эскадры под началом контр-адмирала С.А. Пустошкина, чему посвящена опубликованная акварель «Атака крепости и города Анапа

²⁰⁸ Садовень В. В. Указ. соч. С. 46-48.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен : Соч. в 18 кн. М., 1988. Кн. I. Т. 1-2. С. 236.

²¹¹ Виноградов В. Б. Критический обзор дореволюционных разделов краеведческих пособий для учителей и школьников Краснодарского края : метод. указания к практическим занятиям. Армавир, 1992. С. 5-6.

под командой контр-адмирала Пустошкина». На переднем плане изображены выстроившиеся в несколько рядов российские корабли, участвовавшие в сражении (под буквенными обозначениями) (см. прил. рис. 25). Названия судов перечислены на подписи к акварели и полностью совпадают с известными из других источников сведениями. В состав входили: линейные корабли «Ратный», «Ягудил», «Правый», «Исидор», «Победа», «Варахаил», фрегаты «Крепкий», «Назарет», «Поспешный», «Воин», «Иоанн Златоуст», бриг «Диана», брандер «Рождество Христово». Корабль «Победа» из этой эскадры не участвовал в сражении, а для подкрепления в Николаеве были взяты пять канонерских лодок²¹². На заднем плане акварели виден холмистый берег, стены крепости, крыши домов, различимы и мусульманские минареты.

Письменные источники о ходе сражения сообщают, что 29 апреля 1807 г. было решено атаковать крепость с берега и суши. После предложения о сдаче крепости, баркасы и канонерки стали перевозить десант на берег, а корабль «Варахаил» обстрелял город брандскугелями²¹³. Десант, высадившийся в течение двух часов, занял крепость.

Об исторической достоверности картины и ее ценности говорит тот факт, что она была приобретена Морским музеем имени Императора Петра Великого²¹⁴.

Следующие батальные сюжеты связаны с захватом Анапы в 1828 г. в ходе осmano-российской войны 1828-29 гг. На эту тему Н.И. Веселовский приводит три иллюстрации, разные по стилю и характеру исполнения. Лубочная гравюра появляется в том же 1828 г., к ней прилагается краткое вольное изложение хода осады, включая такую подробность, что «в числе убитых найден Черкесский Князь Телемак»²¹⁵. Трудно судить, насколько достоверно изображены укрепления крепости, но тот же Веселовский отмечает, что в целом изображение военной обстановки осады соответствует действительности²¹⁶.

С началом осmano-российской войны 1828-29 гг. военные действия на территории Северо-Западного Кавказа начинаются осадой Анапы русской эскадрой вице-адмирала Грейга²¹⁷. Начальство над сухопутными войсками поручено генерал-адъютанту, контр-адмиралу князю Меншикову. Начальником штаба при нем назначен полковник Перовский²¹⁸.

---

²¹² Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 46-47.

²¹³ Там же. С. 48.

²¹⁴ Там же. С. 50.

²¹⁵ Там же. С. 72.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Ляхов В. А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828-29 гг. Ярославль, 1972. С. 127.

²¹⁸ Веселовский Н. И. С. 58.

Серьезное стратегическое значение Анапы обуславливалось ее географическим положением у моря. Она служила опорным пунктом для сношений горских народов с Турцией, и оставить ее в руках турок во время войны означало иметь за своими плечами постоянную военную угрозу²¹⁹.

2 мая 1828 г. эскадра Грейга подошла к крепости и после отказа сдать ее, начала осаду. 3 мая подошел отряд Перовского, казачьи полки. С 7 мая командование над высадившимся десантом и отрядом Перовского принимает князь Меншиков²²⁰.

Несмотря на активное противодействие турок и сложности с высадкой десанта, вызванные бурным морем, русские войска плотно блокировали крепость и не допустили появления подкрепления с моря²²¹.

Судьба крепости фактически была решена в ходе боя 28 мая 1828 г., когда 1,5 тысячный отряд турок неожиданно атаковал русские позиции и до 5-ти тысяч горцев напали в это же время на осаждавших с тыла. Однако эта атака была отбита, а большая часть турок из нападавшего отряда отеснена к краю утеса и уничтожена²²².

Именно этому бою посвящена лубочная гравюра «Осада крепости Анапа под командой генерал-адъютанта С.А. Меншикова» (см. **прил. рис. 26**). Ей присущи характерные черты печатного произведения, предназначенного для массового распространения²²³. По замыслу работа имеет повествовательный характер, информируя население о победе русского оружия. Этой же цели служит пояснительная надпись. На гравюре отражено присутствие эскадры военных кораблей у крепости, с которых был высажен десант, обозначено участие в осаде артиллерии, залпами которой фактически разгромлено было большинство строений в северной, обращенной к морю части крепости. Очень схематично изображены фигуры русских солдат, казаков, турок, и черкесов – они практически неразличимы между собой.

Расстановка русских войск на гравюре, соответственно реальному положению их на момент боя, должна выглядеть следующим образом. «На правом фланге стоял первый батальон тринадцатого егерского полка в двухротных кареях, имея при каждом из них по одному орудию; в центре – две роты таманцев, а на левом фланге – батальон егерей четырнадцатого полка, также при двух легких орудиях»²²⁴.

²¹⁹ Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 4. С. 62.

²²⁰ Там же. С. 66-67.

²²¹ Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 461.

²²² Потто В. А. Указ. соч. С. 71-74.

²²³ Популярная художественная энциклопедия. М., 1986. Кн. 2. С. 413.

²²⁴ Потто В. А. Указ. соч. С. 71.

В том же лубочном стиле выполнена гравюра «Победа Донского Казака близ крепости Анапы» (Москва, 1829 г.) (см. прил. рис. 27). Не совсем ясно, почему казак назван «донским». В литературе содержатся сведения, что в осаде Анапы участвовали из Екатеринославской губернии егерская бригада седьмой пехотной дивизии, назначавшаяся для десанта, Таманский гарнизонный полк и четыре полка черноморских казаков: два конные, восьмой и девятый, и два пешие, пятый и восьмой с конной батареей, под предводительством войскового атамана Бескровного²²⁵. Черноморские казаки достойно проявили себя в боях. 14 мая Бескровный с группой казаков без единого выстрела напал на шанцы противника и переколол находившихся там турок, а 18 мая, после успешной стычки, отбил у янычаров полевое орудие. 28 мая казачий отряд ловко отрезал от крепости турецкий отряд численностью до 16,5 тыс. человек. Черноморские полки за взятие Анапы были удостоены боевых знамен с надписью «За отличие при взятии крепости Анапы 12 июня 1828 г.» А.Д. Бескровному за умелое командование и личную доблесть присвоили чин генерал-майора и наградили орденом Св. Георгия 4-й ст.²²⁶.

Облик изображенного на лубочной картинке «донского» казака в целом, соответствует внешнему виду черноморцев: высокий барашковый кивер, тесная куцая куртка с откидными рукавами, узкие немецкие штаны²²⁷. Так же выглядит казак на рисунке из книги А.В. Висковатого (воспроизведенный в работе О.В. Матвеева, Б.Е. Фролова «Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. – 1917 г.) и в учебном пособии «История казачества России») «Казак Черноморского войска» (1822-1825 гг.). Из различного оружия казака можно назвать кавалерийскую саблю, весьма популярную у казаков в ее облегченном варианте, и пику, второе по значимости после ружья оружие черноморцев²²⁸. В 1833 г. И. Бларамберг писал: «Черноморские казаки приспособились приподнимать кончиком копья край кольчуги и протыкать черкесов пикой на полном скаку»²²⁹. Именно такой прием изображен на лубке: казак на полном скаку поражает противника, турка, судя по кривой турецкой сабле и головному убору, напоминающему чалму.

---

²²⁵ История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. : учебное пособие под ред. А. И. Нарезного и Н. В. Самариной. Ростов н/Д, 2001. С. 272; Матвеев О. В. Слово о кубанском казачестве; Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С. 98; Бардадым В. П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 57; Потто В. А. Указ. соч. С. 65.

²²⁶ Матвеев О. В. Слово о кубанском... С. 98-99.

²²⁷ Там же. С. 214.

²²⁸ Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Очерки истории... С. 24-25.

²²⁹ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. с фр., предисл. и коммент. И. М. Назаровой [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения: 20.05.2017).

За собой на аркане казак тащит горца, который от турка отличается лишь головным убором, похожим на горскую папаху.

Рядом с вышеописанным лубком помещен снимок с картины маслом «Эскадра адмирала А.С. Грейга перед Анапой» (автор не указан), которая во время написания Веселовским своего труда находилась у внучки адмирала А.С. Грейга, графини А.С. Стенбок (см. прил. рис. 28). В этой же книге автор приводит портрет адмирала, без указания художника и времени написания, но, очевидно, относящийся к XIX в. и сделанный при жизни Грейга²³⁰. Вклад адмирала в развитие российского флота, укрепление российского военного присутствия на Северо-Западном Кавказе был отмечен властью и оценен потомками. За участие в кампании 1828-29 гг. он был произведен в адмиралы, получил орден Св. Владимира 1-й степени, Св. Георгия 2-й степени, вензель Николая I. На портрете он изображен с этими и другими наградами (орденом Св. Анны 2-й и 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени). В статье из «Энциклопедического словаря по истории Кубани» высоко оценена его деятельность на посту главнокомандующего Черноморским флотом с 1816 по 1830 гг.²³¹

Эскадра А.С. Грейга состояла из 20-ти судов (4 линейных корабля, 2 фрегата, 1 шлюп, 1 корвет, 2 брига, 2 бригантины, 1 шхуна, 3 люгера, 1 катер, 1 пароход, 2 бомбардирских судна). С кораблей высадился на берег десант, морские орудия обстреливали крепостные укрепления, уничтожили часть турецкого флота, стоящего под стенами крепости, блокировали крепость с моря²³².

Картина изображает российские корабли, осадившие крепость. Сам берег слабо различим в пороховом дыму от залпов корабельной артиллерии.

С окончательным взятием Анапы к России навсегда переходило господство над Восточным побережьем Черного моря, и значение этого события, на наш взгляд, в должной мере подчеркивается неоднократным его отображении силами изобразительного искусства.

После Адрианопольского мира одним из главных направлений в деятельности российского командования на Северо-Западном Кавказе было обеспечение безопасности своих морских рубежей. Одной из основных проблем, которые предстояло решить в этой связи, была борьба с контрабандой и всякого рода нежелательными связями черкесских племен с Турцией и другими иностранными державами, чьи агенты

---

²³⁰ Веселовский Н. И. Указ. соч. С. 58.

²³¹ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 127-128.

²³² Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном средиземноморье. М., 1988. С. 168.

проводили среди горцев антирусскую агитацию и оказывали им военную помощь²³³.

Этот период истории Черноморского побережья нашел свое отражение в творчестве известного российского художника-мариниста И.К. Айвазовского. В книге И. Хачатряна «Айвазовский известный и неизвестный» (Самара, 2000). Приведены репродукции двух редко публикуемых картин художника: «Взятие русскими матросами турецкой лодки и освобождение пленных кавказских женщин» (1880 г.) и «Ночь. Контрабандисты» (1836 г.) (см. прил. рис. 29, 30). И хотя автор написал их более чем с 40-летним перерывом, взятые в основу обеих картин реалии относятся к 30-м гг. XIX в.

Проблема контрабандной торговли, в т. ч. и работорговли, на Черноморском побережье Кубани особенно актуальной стала после заключения Адрианопольского мира. Официальный запрет работорговли на этой территории требовал от российского правительства конкретных шагов по установлению контроля над ситуацией на побережье. Первоначально блокада, т. е. изоляция горцев от несанкционированных контактов, проводилась силами Черноморского флота. В апреле 1830 г. решено было проводить крейсерское патрулирование побережья Кавказа, для чего создана специальная эскадра, т. н. Абхазская экспедиция. Специальный отряд военных судов должен был осматривать все направлявшиеся к восточному берегу Черного моря суда и пропускать их лишь в те места побережья, где имелись карантинные и таможенные учреждения²³⁴. В крейсерских операциях этой эскадры участвовали небольшие, но хорошо вооруженные парусные корабли. После того, как был накоплен достаточный опыт борьбы с контрабандистами, русское командование в августе 1832 г. сформировало в составе Черноморского флота два отряда кораблей общей численностью 10 единиц. Они несли крейсерскую службу у Кавказского побережья²³⁵.

На картине «Взятие русскими матросами...» мы видим, как к турецкой лодке (каику) с двух сторон приближаются шлюпки с российскими матросами. Турки оказывают сопротивление: отстреливаются, используют сабли в ближнем бою. Трудности и выгоды турецкой работорговли, иногда заканчивающейся и так, как показал на своей картине Айвазовский, описывает А. Фонвиль в работе «Последний год войны Черкесии за независимость». Турецкое судно на картине невысоко, парус на нем спущен, что и подтверждает Фонвиль: «Единственное,

²³³ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 459.

²³⁴ Сохт А. Черноморская береговая линия: сущность и функции // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.). Майкоп, 1995. С. 144.

²³⁵ Золотарев В. А., Козлов И. А. Указ. соч. С. 53.

что нас спасло (от корветов – Авт.) – это мелкость нашего судна: наш каик, едва поднимавшийся над уровнем моря, совершенно терялся в пространстве, и чтобы его заметить, в особенности, когда парус спущен, нужно было очень близко подойти к нему»²³⁶. Фонвиль перечисляет те товары, которые составляли основные статьи контрабанды: «боевые припасы и пушки», т. е. оружие, также процветала торговля «тканями, табаком, ножами, солью, маисом, хлебом». Настоящим же источником обогащения турецких купцов была торговля невольниками²³⁷. Помимо турок, на картине Айвазовского изображены сбившиеся в кучу, испуганные черкешенки, традиционно пользовавшиеся наибольшим спросом на рынках Ближнего Востока. Но на корабле могла быть и другая категория невольников. Ф.А. Щербина утверждает, что в 30-40-х гг. контрабандисты возили с берегов Черного моря русских пленных для продажи в Турцию, но когда русские военные крейсера настигали контрабандистов, турки топили в море пленников, «чтобы скрыть следы преступной торговли»²³⁸. Освобождая черкешенок и конфисковывая разные товары, русские моряки «никогда не находили в них (лодках – Авт.) русских пленных»²³⁹. О подобных действиях в отношении русских пленников сообщали и современники событий²⁴⁰.

Картина «Ночь. Контрабандисты» (1836 г.) хотя и не изображает сцену битвы, но тематически неразрывно связана с вышеописанным сюжетом. На ней, на фоне темного ночного неба, на котором сквозь тучи еле пробивается луна, различимы лишь силуэты турецких судов у черкесского берега. Груда темных валунов на переднем плане и фигуры черкесов среди них довершают этот мрачноватый пейзаж. Турки использовали темные, по возможности, безлунные ночи, чтобы незаметно пройти мимо патрульных крейсеров и пристать к берегу. В таких условиях попасть к пункту назначения было непросто, всегда существовала опасность выйти к русским укреплениям. «Ночью, при благоприятном ветре, контрабандные суда совершали путь вдоль берега по огням, которые зажигали и поддерживали в горах черкесы»²⁴¹. Пристав к берегу, контрабандисты давали о себе знать выстрелами, на которые съезжались окрестные горцы. Когда корабли разгружали, их обычно вытаскивали на берег и маскировали ветвями, либо, сделав несколько пробоин, затапливали в устье рек до следующего рейса²⁴². Изображенная на картине

²³⁶ Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863-1864 г. Из записок участника-иностранца. Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990. С. 7.

²³⁷ Там же. С. 9.

²³⁸ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 322.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ См.: Клычников Ю. Ю., Цыбулькинова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...». С. 26.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

сцена говорит, на наш взгляд, о хорошем знакомстве художника с особенностями этого разбойного промысла.

Действия русских кораблей против англо-турецкой контрабанды были достаточно эффективны. За время крейсерства были захвачены десятки судов, чаще всего турецких²⁴³. Однако полного прекращения действий контрабандистов до окончания «Кавказской войны» добиться не удавалось: их небольшие маневренные суда часто ускользали от российских крейсеров и затем ловко укрывались на берегу (см. выше). Обращение к этой теме художника лишний раз подтверждало очевидную для многих российских политиков насущность проблемы контрабандизма, необходимость скорейшего ее разрешения в рамках обеспечения безопасности восточного побережья Черного моря. Для молодого Айвазовского участие в боевых действиях Черноморского флота стало толчком для развития морской батальной живописи.

Но одного патрулирования для пресечения нежелательных связей черкесских племен с Турцией было недостаточно. Еще А.А. Вельяминов в 1833 г. предлагал «построить укрепления при устьях всех рек, впадающих в Черное море между Кубанью и Рионом», чтобы таким образом не допустить контактов горцев с иностранными купцами²⁴⁴. Строительство укреплений начинается в 1834 г., а в 1837 г. Вельяминов предлагает строить их, перевозя войска морем. В совместной операции наследующий год должен был выступить флот под командованием М.П. Лазарева и сухопутные войска Н.Н. Раевского. «Раевский пригласил с собою молодого живописца Айвазовского, который тогда только начинал входить в славу» принять участие в высадке десанта под Туапсе 12 мая 1838 г.²⁴⁵. В этот день эскадра кораблей развернулась перед берегом широкой дугой. На суше еще накануне видели собравшихся горцев и пламя их костров²⁴⁶. Ранним утром началась высадка десанта, после того, как 250 орудий четверть часа палили по берегу. «По новому сигналу матросы всего флота взбежали на ванты с криком «ура!», а гребные суда дружно двинулись к берегу, стреляя из коронад, находившихся на носу большей части гребных судов; фланговые фрегаты и пароходы продолжали артиллерийский огонь, пока не были совсем заслонены десантом»²⁴⁷. Под впечатлением от увиденного, Айвазовский написал картину «Десант Н.Н. Раевского у Субаши» (см. прил. рис. 31).

²⁴³ Золотарев В. А., Козлов И. А. Указ. соч. С. 53-54.

²⁴⁴ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 322.

²⁴⁵ Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Я. Гордин. СПб., 2000. С. 131.

²⁴⁶ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 473.

²⁴⁷ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Я. Гордин. СПб., 2000. С. 131.

На картине эскадра линейных кораблей и фрегатов протянулась от линии горизонта и словно надвигается на зрителя, олицетворяя мощь военного присутствия России на Черноморском побережье. Десятки полных гребцами шлюпок, отделившись от кораблей, устремились к берегу²⁴⁸. Чтобы ускорить высадку, М.П. Лазарев приказал разместить десант на вдвое большем числе гребных судов, чем предполагалось. Первым на берег выскочил сам Н.Н. Раевский, затем были развернуты войска с четырьмя пушками. Ошеломленные обстрелом и натиском горцы почти не сопротивлялись. Впоследствии на занятом месте построили форт Вельяминовский²⁴⁹.

На картине того же автора «Высадка десанта у р. Шахе» запечатлена гораздо более ожесточенная схватка с горцами, нежели на вышеописанной (см. прил. рис. 32). Десант у р. Шахе начал высадку 3 мая 1839 г. и сразу же столкнулся с сильным сопротивлением горцев. Все пространство между устьями рек Субаши и Шахе горцы укрепили рвами и двойными плетнями, между которыми была насыпана и утрамбована земля²⁵⁰. И хотя артиллерия в течение четверти часа обстреливала берег, горцы встречали высаживающихся уже в сотне метров от берега. Бой был чрезвычайно трудным, горцы яростно бросались на неприятеля и потеснили передовой отряд. Лишь благодаря упорству тенгинцев и навагинцев они были отброшены назад²⁵¹.

И.К. Айвазовский прибыл в Субаши с Н.Н. Раевским на пароходе «Колхида», а затем пересел к М.П. Лазареву на линейный корабль «Силистрия», командиром которого был П.С. Нахимов. На берег художник высадился с отрядом атакующих, а когда его приятель, барон Н.П. Фридрикс, был ранен, проводил его на корабль, а потом вернулся на берег²⁵². О своем участии в сражении художник писал позднее: «Все мое вооружение состояло из пистолета и портфеля с бумагою и рисовальными принадлежностями»²⁵³. В этом десанте участвовали также декабристы М. Нарышкин, Н. Лорер, А. Одоевский (его портрет Айвазовский написал после боя)²⁵⁴.

На картине «Высадка десанта в Субаши» художнику удалось передать всю ожесточенность боя, более сложный, нежели при высадке у Субаши, характер военной операции. На переднем плане картины силуэты

²⁴⁸ Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани в изобразительном... С. 21.

²⁴⁹ Скрицкий Н. Штурм с моря. Как создавались русские укрепления на Кавказском побережье // Родина. 1994. № 3-4. С. 38.

²⁵⁰ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 476.

²⁵¹ Там же. С. 477.

²⁵² Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С. 11.

²⁵³ Иван Айвазовский. М., 2000. С. 30.

²⁵⁴ Горлова И., Манаенков А., Лях В. Культура кубанских станиц. 1794-1917 : Исторический очерк. Краснодар, 1993. С. 42.

горцев и российских солдат трудноразличимы, схватка происходит на фоне российских кораблей на заднем плане полотна. При некотором стремлении живописца к романтическим эффектам освещения, эмоциональной приподнятости и героике, творчество художника внесло свою лепту в прославление подвигов русских моряков, отечественного флота.

В том же ряду героико-патриотических произведений, по замыслу призванных воспеть мужество и патриотизм русских солдат в служении Отечеству, стоит картина художника А.А. Козлова «Подвиг рядового Архипа Осипова 23 марта 1840 г.», неоднократно опубликованная в литературе (см. прил. рис. 33). Поскольку в дореволюционной России очень велика была роль православной церкви в общественно-политической и духовно-нравственной жизни общества, это обстоятельство также нашло свое отражение в картине.

На полотне Архип Осипов изображен открывающим двери порохового погреба с зажженным фитилем в руке. Его благословляет священник, осеняя православным крестом и крестным знаменем. Рядом сражаются с горцами защитники российской крепости, многие уже ранены, есть убитые. Горцы, в черкесках и мохнатых бараньих шапках, размахивают кривыми саблями, их лица пугающе безобразны, что вполне соответствует дискурсу, т. е. «ориентализма», проявления которого имели место в российской литературе XIX в., в том числе при описании горцев глазами пленных российских военнослужащих²⁵⁵. Один из участников сражения так описывал противника: «В полном вооружении, в своих национальных костюмах, с изображением полумесяца и звезды на красных знаменах, они, как саранча, покрывали горы»²⁵⁶.

История подвига Архипа Осипова, неоднократно изложенная в военно-исторической и научно-популярной литературе, обросла различными подробностями и домыслами. В основу сюжета для картины художник взял одну из распространенных версий. Сопоставив ее и некоторые другие версии, можно попытаться приблизиться к исторической правде.

С 1834 г. Вельяминов начал строить на побережье Черного моря укрепления, составившие Черноморскую береговую линию. Одним из них было укрепление Михайловское. Заложенное 14 июня 1837 г., оно было возведено на возвышенном месте, на последнем уступе Черного хребта, ниспадавшего к морю²⁵⁷. В соответствии с реальным, пейзаж на картине – гористая местность с огромными валунами, практически

---

²⁵⁵ Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества. С. 244-248.

²⁵⁶ Мирославский И. Взрыв Михайловского укрепления в 1840 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 6.

²⁵⁷ Бардадым В. П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 62.

безлесный. Комендантом укрепления был штабс-капитан Лико, способный и строгий офицер, умевший внушить к себе доверие и пользовавшийся большим уважением²⁵⁸. Контр-адмирал Л.М. Серебряков, посетивший укрепление 14 марта, т. е. за неделю до описываемых событий, писал в донесении генералу Раевскому, что «вид всех четырех рот был самый бодрый и воинственный: дух отличен и офицеры прекрасно расположены». Далее он сообщал, «что приказал из бревен, бочек и т. п. устроить поперек всего укрепления траверз немного вправо от гауптвахты; при усиливающемся натиске отступить за этот траверз со всем гарнизоном, заклепав орудия, остающиеся при этом в руках неприятеля, и здесь уже держаться до последней крайности, а при невозможности дальнейшего сопротивления взорвать пороховой погреб»²⁵⁹.

Описание подвига Осипова современниками, в т. ч. и участниками того боя, и позднейшими интерпретаторами разнятся между собой более или менее существенными деталями. Какое из них легло в основу картины и насколько изображение соответствует действительности?

Одной из причин, толкнувших горцев на попытку захвата ряда наиболее слабых укреплений Черноморской линии весной 1840 г. был неурожай и развившийся вследствие этого страшный голод. 7 февраля был взят форт Лазаревский, а 29 февраля – Вельяминовское укрепление. Каждый день комендант Лико готовился к нападению, отделил внутренним бруствером северную часть укрепления, лежавшую дальше от моря, где находились казармы, гауптвахта, провиантский магазин, вещевого склад и пороховой погреб²⁶⁰. По воспоминаниям Иосифа Мирославского, одного из побывавших в плену участников сражения, за несколько дней до нападения горцев – 18 марта – Осипов в кругу товарищей обронил фразу: «Я хочу сделать память России», и далее: «В минуту неустойки наших я подожгу погреб»²⁶¹. Надо отметить, что обещание взорвать погреб в критический момент дано было еще комендантом Лико после получения известия о взрыве форта Лазарев, о чем пишут в своих воспоминаниях М.Ф. Федоров и Г.И. Филипсон²⁶². Но однажды на расчете Осипов одним из первых вызвался воплотить это решение командира и «был призван и, в присутствии офицеров... дал торжественную клятву, утвердив ее целованием креста, что тогда только подожжет погреб, когда черкесы будут отбивать замки у погреба». И далее Мирославский пишет: «С 18 марта Осипова ежедневно, с 12 часов ночи, с ружьем, фитилем и водою,

²⁵⁸ Бардадым В. П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 65.

²⁵⁹ Штутман С. Зачислить навечно // Родина. 1994. № 3-4. С. 79.

²⁶⁰ Бардадым В. П. Указ. соч. С. 65.

²⁶¹ Мирославский И. Указ. соч. С. 5.

²⁶² Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. М.Ф. Федорова // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. III. С. 187-188; Осада Кавказа. Воспоминания... С. 156.

со спиртом, для подкрепления сил, запирали в пороховой погреб, и только к десяти часам утра, когда гарнизон сходил с бастионов, его выпускали. Затворничество Осипова длилось до 22 марта»²⁶³. Таким образом, логично предположить, что к началу штурма, ранним утром 22 марта, и вплоть до взрыва Осипов находился в погребе. «Между тем, черкесы бросились к пороховому погребу и начали ломать замки. Тут Осипов в точности исполнил данную им клятву: вслед за стуком отбиваемых замков последовал страшный взрыв», – сообщает очевидец²⁶⁴.

Становится очевидным, что для сюжета своей картины художник Козлов воспользовался сообщениями других авторов. Например, в изложении участника «Кавказской войны» М.Ф. Федорова, событие в Михайловском выглядит так: «...Гарнизон защищался, отступая к погребу, двери которого были отворены; горцы бросились грабить порох; из погреба повалила пыль... Архип Осипов закричал: «Пора, братцы! Кто останется в живых – помните Осипова», – и с этой речью вбежал в погреб, сделал выстрел»²⁶⁵. Это описание подвига ближе к изображенной на картине сцене, но и в нем нет упоминания о священнослужителе.

Г.И. Филипсон в своих «Воспоминаниях» приводит показания трех солдат, участников обороны укрепления: «Когда они (горцы – авт.) уже ворвались в редюит, Лико был ранен, но сказал Осипову твердым голосом: «Делай свое дело», – а тот отвечал: «Будет исполнено», и что бывший тут иеромонах Маркел, в эпитрахии и с крестом, благословил Осипова и дал приложиться к кресту». Далее, как показал под присягой очевидец, Осипов «взял гранату, сорвал пластырь и, взяв в другую руку зажженный фитиль, вошел в пороховой погреб»²⁶⁶. Очевидно, именно эта версия получила наибольшее распространение, и на ее основе художник Козлов выстроил сюжет и композицию своей картины.

Картина Козлова достаточно часто приводится в современной литературе и ее патриотический лейтмотив остается неизменно актуальным, особенно в наше время, когда авторитет российской армии, подорванный «реформами» 1990-х гг., в обществе не слишком велик. С подвига Архипа Осипова берет начало традиция навечного зачисления в списки личного состава частей, кораблей, военно-учебных заведений²⁶⁷. Существовал

---

²⁶³ Мирославский И. Указ. соч. С. 5.

²⁶⁴ Там же. С. 9.

²⁶⁵ Походные записки на Кавказе... С. 189.

²⁶⁶ Осада Кавказа... С. 157.

²⁶⁷ При этом следует заметить, что Архип Осипов (1802-1840), будучи еще совсем молодым солдатом, наказывался шпицрутенами за побег (т. е. за дезертирство), не являясь, таким образом, изначально образцом дисциплинированности и благонамеренности. Но, пройдя «огни и воды» службы, этот простой русский солдат закалился в них и, преисполнившись чувства воинского долга, в трагическую минуту выполнил его до конца (Ред.).

и проект памятника скульптора Ф.И. Ходоровича, где скульптурная композиция окружалась барельефами со сценами из жизни Осипова²⁶⁸. По рисунку с модели памятника художника Брожа академиком живописи Л.А. Серяковым была выполнена гравюра, которая вошла во многие иллюстрированные издания того времени²⁶⁹. Такого рода художественные напоминания зримо подчеркивают, что именно благодаря мужеству и героизму российских солдат и офицеров, чьи имена мы порой незаслуженно забываем, удалось, в конечном итоге, переломить ход «Кавказской войны» в пользу русской армии²⁷⁰.

Взятие горцами укреплений на Черноморском побережье дало сюжет и для литографии неизвестного художника 40-х гг. XIX в. «Падение Вельяминовского форта», помещенной в книге «Линейцы». На фоне поваленного плетня ожесточенно сражаются солдаты и горцы. Солдаты используют штыки ружей в ближнем бою, их противники – кинжалы и сабли, что соответствует воинским реалиям того времени. Задний план скрыт в тумане, среди группы сражающихся на переднем плане много убитых и раненых. Центральное место в композиции занимает фигура раненого солдата, с мольбой и отчаянием смотрит он на товарищей. По степени приближенности к горькой правде о войне эта работа созвучна творчеству Горшельта, Лермонтова, Гагарина.

Особенно информативны и содержательны, на наш взгляд, рисунки, сделанные непосредственными свидетелями или участниками боевых действий на Кубани. Для известного лермонтоведа Я.Л. Махлевича несколько подобных работ стали отправной точкой для серьезного научного исследования. В нем он максимально использовал приемы и методы исследования источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, искусствоведческие и литературоведческие. Они позволили автору красочно осветить многослойные культурно-исторические контакты, связавшие историю Прикубанья с национальной историей и европейской культурой. В книге «И Эльборус на юге...» широкой общественности были представлены не опубликованные ранее рисунки и акварели лермонтовского знакомого Н.И. Поливанова, проходившего службу на Кавказе в год, предшествовавший ссылке туда опального поэта.

Корнет Н.И. Поливанов покидает Петербург в конце марта 1836 г. и в составе Конно-Мингрельской дружины участвует в закубанской

²⁶⁸ Штутман С. Указ. соч. С. 81.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Марущенко В. В. Северный Кавказ: трудный путь к миру : учебное пособие для военнослужащих ВС РФ. М., 2001. С. 36. Тому же делу должно служить и увековечение памяти российских военачальников, таких как А.П. Ермолов, Г.Х. Засс, М.М. Лазарев и др., в виде соответствующих произведений монументальной скульптуры и т. п.

экспедиции против горцев²⁷¹. Карандашные рисунки на листах его походного альбома с максимальной достоверностью передают мельчайшие подробности военных будней Закубанья. На них мы встречаем не только изображения людей лермонтовского круга, но и многих других, оставивших свой след в истории Кубани и России.

Второй период экспедиции начался 24 сентября. Дружина в составе действующего отряда выступила из Ольгинского укрепления к Черному морю и возвратилась на Кубань 10 ноября. Затем лейб-улан Поливанов был прикомандирован к Хоперскому казачьему полку по 1 апреля будущего года²⁷². Эти сухие архивные данные зрительно окрашены рисунками из офицерского альбома: в Суджукской бухте сделаны рисунки «Казак пластун и калмык» (Суджук-Кале, 8 июля 1836 г.) (см. прил. рис. 34), «Крепость Александрийская в бухте Суджук-Кале». В походном журнале того времени встречаются описания многочисленных эпизодов захвата горских аулов, сражений, которые запечатлела рука Поливанова. На рисунке «Набег на аул под Николаевским. 1837 г.» отряд российских воинов, судя по черкескам, это, видимо, казаки, преследует отступающих горцев (см. прил. рис. 35). Стороны обмениваются ружейными выстрелами, казаки безжалостно рубят саблями потерявшего лошадь врага. Вся эта сцена погони изображена на фоне черкесской мазанки, крытой камышом, с небольшим квадратным отверстием вместо окна. Если жители аула ожидали нападения со стороны русских, то обычно старики, женщины и дети с имуществом, отправлялись в безопасное место, а в селении оставались лишь воины, выставлявшие круглосуточную охрану. В случае неожиданного нападения, первый удар принимала на себя стража, в то время как на ее боевой клич собиралось остальное мужское население, а женщины и дети с пожитками и домашней живностью покидали дома²⁷³.

Весьма близко к изображенному сюжету описание художником Горшельтом набега на аул: «Нагнувшись вперед и высоко держа над головой винтовки, катила наша ватага вперед... Мы вскочили в аул и, к общей досаде, сразу наткнулись на заборы. Казаки спешили, разметали их и неслись по улицам все дальше и дальше»²⁷⁴. У племен, живших на равнине, поселения были укреплены – аулы защищались стоящими крест-накрест толстыми жердями, нижний просвет был заполнен землей, а верхний заложен терновником. Если обороне внешних границ аулов

---

²⁷¹ Махлевич Я. Л. Указ. соч. С. 74.

²⁷² Там же.

²⁷³ Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 163-164.

²⁷⁴ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С. 73-74.

уделялось внимание, то защитой домов почти не интересовались²⁷⁵. На рисунке хорошо различимы эти заборы.

На рисунке «Взятие аула – Ставрополь, 16 января 1837 г.» изображен эпизод «забрания фуража». Известно, что горцы стремились уничтожить его запасы при угрозе захвата русскими войсками. Обычно кто-то из оставшихся в ауле стариков или детей поджигал крыши домов и амбаров²⁷⁶. На заднем плане рисунка – клубы дыма от зажженного сена, горит и крыша сарая, из которого солдаты выносят провизию. Захваченная добыча, в основном, хлеб и скот, служила хорошим приварком к небогатому казачьему пайку. Вся отбитая у горцев баранта (добыча) обыкновенно поступала в распоряжение особой комиссии. Баранту продавали, а деньги выдавали казакам и их семействам, которые потерпели от набегов горцев²⁷⁷. В то же время захват имущества горцев в бою, например скота, был для военных (как солдат, так и офицеров) желанным призом, поскольку они заимствовали у горцев элементы психологии и «романтики» набеговой войны, что является отражением феномена «окавказивания» российских войск.

На переднем плане рисунка «Взятие аула...» двое казаков ведут под руки раненого бойца. Все работы Поливанова лишены героического пафоса, а ранения и гибель товарищей были делом достаточно обыденным, и поэтому изображались художником неоднократно. Автор, в присущей ему реалистичной манере, хочет сказать зрителю, что война – это, прежде всего гибель и страдания людей. Его зафиксированные наблюдения в этой области настолько точны, что могут многое сказать профессиональному медику. Так, например, анализируя рисунок «Перестрелка с горцами» (см. прил. рис. 36) травматолог Г.П. Елисеева и канд. мед. наук П.Б. Виноградов сделали свои выводы. На рисунке фигура раненого солдата, падающего на руки товарища, позволяет говорить о ранении недавнем (только что), так как падает он, раскинув руки, но, не выпуская еще из руки ружья. Скорее всего, это прямое попадание в грудь или в голову, так как голова откинута назад, как при сильном ударе. Если бы ранение было в живот, то раненый согнулся вперед, это обычная поза при подобного рода ранениях, по мнению травматолога Елисеевой.

На рисунке «Николаевский лагерь. 16 июня 1836 г.» (см. прил. рис. 37) видимо, изображено ранение солдата в предплечье. Судя по

---

²⁷⁵ Скиба К. В. К вопросу о тактике, наступательном и оборонительном вооружении равнинных и закубанских племен в начале XIX в. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 307.

²⁷⁶ Лапинский Т. Указ. соч. С. 164.

²⁷⁷ Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. Указ. соч. С. 66-67.

положению раненой руки, это ранение с переломом костей предплечья, и раненый испытывает при перевязке (наложении тугой повязки) сильную боль и находится в полуобморочном состоянии. Перевязывающий солдата офицер, судя по мундиру – медик. Возможно, врач, но, скорее всего, фельдшер, т. к. врач находился обычно в местах скопления раненых, оказывая им посильную врачебную помощь.

Если на первом рисунке экспрессия боя подчеркнута художником, то на втором изображена довольно мирная картина, нет никакой напряженности в позах. Либо это случайное ранение от «слепой» пули, либо дело происходит после краткосрочной стычки с горцами, когда атака отбита.

На рисунке «Перестрелка с горцами» изображен один из способов ведения боя, т. н. парная стрелковая цепь. Ею используют егеря: пока один заряжает свой штуцер, другой прикрывает его и ведет огонь по засевшим за завалами горцам. Егеря – легкая пехота, выполнявшая различные задачи. Они вели военные действия в лесах, откуда выбивали черкесов, прятавшихся за стволами, в ямах, влезаящих на деревья и бивших в спину сверху; прикрывали горные пушки и «единороги», во время переходов охраняли колонну войск, двигаясь вдоль нее боковой цепью. Интересные сведения о кавказских егерях сообщает Н. Зряхов: «Наших егерей называют «солдаты пьянь ямань» (сохранена транскрипция оригинала), потому что при выстрелах в наших застрельщиков они, притворяясь убитыми или ранеными, падают на землю, перекатываются с одного места на другое, заряжают свои ружья и штуцера, лежа на спине или на боку... выжидают, когда к ним подскочит черкесский всадник-панцирник за своей «добычей»... Тогда они своим выстрелом повергают его с коня мертвым на землю»²⁷⁸.

Солдаты регулярной армии на рисунках Поливанова одеты в повседневную форму, приспособленную для походной жизни, военных действий, но, как правило, далекую от предписанной официальными распоряжениями. По этим изображениям можно получить наглядное представление о том комплексе вещей, необходимых солдату на Кавказе, который сложился уже к 20-м гг. XIX в. В первую очередь, это хорошо различимые на рисунках «кавказские сапоги» – сделанные из мягкой кожи, с высокими голенищами, подвязывавшиеся под коленом ремешком²⁷⁹. Солдатские шинели сложены и перекинуты через плечо. На головах у солдат

---

²⁷⁸ Скиба К. В., Чернова Л. Н. Некоторые сюжеты кавказской батальной живописи 1830-1840-х гг. // Кубань в истории России. Археология и краеведение Кубани : Тезисы докладов V Краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Краснодар, 1997. Ч. I. С. 20.

²⁷⁹ Ивахненко А. С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 188.

фуражки, к которым для защиты глаз от прямых солнечных лучей прикреплены козырьки²⁸⁰. Это обстоятельство служит подтверждением не только проявления здравого смысла в отношении обмундирования, но и царившей в кавказских войсках демократической атмосферы, поскольку фуражки полагались исключительно офицерам²⁸¹. На акварелях «Экспедиция на Кавказе. Стрельна, 8 декабря 1837 г.» и «Привал на Кавказе. 1837 г.» (см. прил. рис. 38, 39) мы видим офицеров с надетыми на тулью белыми чехлами от солнца. Все офицеры, как водилось в походах, без эполет, с черкесскими шашками на узких ремнях через плечо²⁸². Самим автором названы некоторые из изображенных участников экспедиции: адъютант князь Шаховский – подполковник по особым поручениям, давний знакомый декабриста А.А. Бестужева; командир Конно-горской сотни П. Вревский, младший брат которого был дружен с М.Ю. Лермонтовым и Поливановым. Барон Д. Розен – близкий приятель Лермонтова. Махлевич убедительно показал, что в закубанских экспедициях вместе с Поливановым участвовали и прототипы героев будущего романа М.Ю. Лермонтова – Н.П. Коллюбакин (Грушницкий) и А.П. Шувалов (один из прообразов Печорина)²⁸³.

Поливановские рисунки важны и интересны именно типичностью изображенного, неподдельностью, живостью и разнообразием картин реального Кавказа, куда вот-вот должен был приехать М.Ю. Лермонтов. Автор исследования убежден, что кавказские зарисовки «отозвались затем чутким и гулким эхом в лермонтовском творчестве»²⁸⁴.

Закубанским экспедициям против горцев посвящены также акварели швейцарского пейзажиста И.Я. Мейера. Я.Л. Махлевич установил, что он был участником закубанской экспедиции 1843 г., отдельные эпизоды которой запечатлел на акварелях «Лагерь» и «Сражение» (см. прил. рис. 40, 41). Выполненные известным мастером видового рисунка, эти акварели отличаются детально и верно прорисованными пейзажем, элементами военной формы и вооружения участников отряда.

На акварели «Сражение» у вóрота генерала мы видим четыре белые точки – георгиевский крест. По мнению автора, это мог быть лишь командующий войсками кавказской линии генерал-лейтенант В.О. Гурко. Военная энциклопедия сообщает, что Гурко Владимир Иосифович (Осипович) в чине подполковника отправляется на Кавказ. За отличие при взятии Эривани награжден орденом Св. Георгия и получает чин генерала.

²⁸⁰ Ивахненко А. С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 188-189.

²⁸¹ Там же. С. 189.

²⁸² Махлевич Я. Л. Указ. соч. С. 79.

²⁸³ Там же. С. 76-80.

²⁸⁴ Там же. С. 83.

В 1842 г. назначен командующим войсками Кавказской линии. Его не раз рисовал Орест Кипренский, возможно, репродукция одного из таких портретов и помещена в энциклопедии²⁸⁵.

Яркая одежда всадников на акварели «Лагерь» – темно-синие черкески с алыми газырями, алые бешметы и верхи мохнатых шапок – форма, присвоенная Кавказскому линейному казачьему полку. На каждом из рисунков – 5 орудий из горной третьей батареи 20-й пешей артиллерийской бригады. Поскольку для перевозки орудий впрягалось по 4 лошади, можно утверждать, что батарея была вооружена шестифунтовыми пушками и четвертьпудовыми «единорогами», а для перевозки зарядных ящиков впрягалось по три лошади. Пешая артиллерия выдвигалась в цепь пехоты, поддерживала ее, поражая противника ядрами, гранатами и картечью²⁸⁶.

Архивные материалы сообщают, что с таким количеством артиллерии в этом году велось лишь одно сражение – на перевале Шпили 15 июня 1843 г., а акварель «Лагерь» изображает отряд генерал-лейтенанта О.В. Гурко, расположившийся в районе станицы Преградной, недалеко от Урупа²⁸⁷. На акварелях заметна и разница в форме пехотинцев: воротники, погоны и околыши у одних солдат темно-зеленые с красными выпушками, у других – чисто красные. Архивный журнал сообщает, что в колонне на Урупе находились Житомирский егерский и Тенгинский пехотный полки, что лишнее раз убеждает в безукоризненной документальности швейцарского художника²⁸⁸.

Вице-президента академии художеств, исследователя искусства и архитектуры, мастера монументальной живописи и книжного иллюстратора князя Г.Г. Гагарина можно считать одним из самых видных представителей российской батальной живописи XIX в., чьи работы открывали для российской публики Кавказ в середине XIX в. Его работы можно увидеть практически во всех музеях Кавказа, Третьяковской галерее, Русском музее. Григорий Григорьевич Гагарин родился 29 апреля 1810 г. в Петербурге, в семье дипломата. Детство, прошедшее в Италии, общение и дружба со многими художниками, в том числе с Карлом Брюлловым, повлияли на формирование его творческой манеры. Судьба сводила художника с двумя великими современниками – А.С. Пушкиным, чьи произведения он иллюстрировал, и М.Ю. Лермонтовым, с которым вместе состоял в «кружке шестнадцати», оппозиционном царскому режиму. С Лермонтовым художника связывало и творческое содружество.

²⁸⁵ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. VIII. С. 542.

²⁸⁶ Скиба К. В., Чернова Л. Н. Некоторые сюжеты... С. 20.

²⁸⁷ Махлевич Я. Л. Указ. соч. С. 139.

²⁸⁸ Там же. С. 145.

Большая часть художественного наследия Гагарина остается неизданной. Только в фонде ГРМ хранится более шести тысяч акварелей, рисунков, живописных и графических работ художника. Введение их в научный оборот позволило бы существенно дополнить биографию художника ценными сведениями о разных периодах его творчества, в том числе и кавказском²⁸⁹. Не слишком известным широкому читателю представляется нам тот факт, что кавказский период в творчестве художника начинается с посещения Северо-Западного Кавказа, а точнее, его Черноморского побережья. В апреле 1837 г. Г. Гагарин был включен в число свиты, сопровождающей Николая I в его путешествии на Кавказ на корабле «Минерва». Морское путешествие давало ограниченные возможности для создания серии видов Кавказа. Города Новороссийск, Геленджик и другие просматривались с борта корабля как панорама. К числу пейзажных зарисовок можно отнести такие, как «Вид Новороссийска (26 апреля)», «Вид со стороны моря на Геленджик». В Геленджике делали остановку, здесь художник сделал несколько портретных зарисовок, в число которых, видимо, можно включить уже известные нам рисунки «Черкесские женщины из Геленджика», «Яков Барахович»²⁹⁰.

Когда М.Ю. Лермонтова ссылают на Кавказ в 1840 г., Гагарин последовал за ним, в знак солидарности, поступив на военную службу в армию. При фактическом отсутствии фотографии, распространенной была практика прикомандирования официальными властями к действующим армиям художников в качестве летописцев. Почти до 50-х гг. с некоторыми перерывами Гагарин жил и активно работал на Кавказе. Художник нашел здесь интересный материал и получил «благодарную возможность сочетать в реалистических композициях романтическую приподнятость и жизненную правду»²⁹¹.

Художник внимательно изучал историю, быт, искусство кавказских народов. Годы, проведенные Гагариным на Кавказе, были временем расцвета его художественного дарования, что может подтвердить огромное количество прекрасных акварелей, рисунков, картин. Сюжетами зарисовок чаще всего были сцены военной, походной жизни: солдаты у плетня, горцы у костра, черкесские сакли. Не участвуя непосредственно в дальних и опасных походах, художник накапливал материал о них с помощью очевидцев, и тут же под рисунком вписывал имя сообщившего ему эту «графическую информацию»²⁹². Следует сразу оговориться, что основная деятельность художника протекала на Восточном Кавказе,

---

²⁸⁹ Корнилова А. В. Григорий Гагарин. Творческий путь. М., 2001. С. 11-12.

²⁹⁰ Там же. С. 75-76.

²⁹¹ Савинов А. Григорий Григорьевич Гагарин. М., 1951. С. 6.

²⁹² Корнилова А. В. Указ. соч. С. 141.

в Грузии и Дагестане, и наиболее известные его работы, в том числе и выполненные в творческом содружестве с М.Ю. Лермонтовым, посвящены военным действиям на этой территории. Многочисленные изобразительные материалы Гагарина изданы в Париже в конце 50-х гг. XIX в. прекрасными альбомами «Живописный Кавказ», «Костюмы Кавказа», «Князь Г.Г. Гагарин».

Для изучающих историю Кубани творчество Гагарина имеет особую значимость еще и потому, что принадлежит к новому этапу в историко-культурном развитии общества. Для этого этапа характерен интерес к личности отдельного, простого человека – будь то крепостной, казак, солдат или закубанский черкес. В этой связи, факт указания Гагариным имен портретируемых примечателен как дань новому времени, когда процесс познания и осмысления человеческой личности стал особенно актуальным. Серия типологических портретных и жанровых набросков художника отличается высокой степенью художественного достоинства. Например, на рисунке «Кабардинец» мы видим собирательный образ свободолюбивого горца, гордого и мужественного. Об этом говорит его лицо, осанка и одежда. В костюме нет ничего лишнего и нарядного, таких тысячи. А рисунок «Натухаец» (см. прил. рис. 42) напоминает о трагической судьбе этого черкесского племени, почти полностью переселившегося в пределы Османской империи.

Значительное место в творчестве художника заняли типажи солдат и офицеров различных подразделений и родов войск российской армии. Интересны образы воинов императорского конвоя – офицеров Кавказско-горского полуэскадрона. По сути, полуэскадрон был гвардией русского монарха и в нем удостаивались служить только выходцы из привилегированных сословий, горской аристократии²⁹³.

В настоящее время значительная часть произведений художника находится в дагестанских музеях и библиотеках. Их подробный перечень приводит в своей работе «Кавказский художник князь Г. Гагарин» М.М. Коркмасов. Атрибуция некоторых из перечисленных работ позволяет предположить, что они сделаны художником на территории Северо-Западного Кавказа, черноморского побережья Кубани. К ним относятся, например, уже упомянутые работы «Султан Казы-Гирей», «Яков Баранович», «Черкесские женщины из Геленджика», «Милиционер-черкес из Анапы». Коркмасов также приводит в своей книге репродукции работ «Молодой убыхский князь со своим аталыком», «Натухаец», «Офицер черкесского эскадрона», «Типы жителей Редут-Кале», «Адыги, спустившиеся с гор для знакомства с новым предводителем. Черноморское

---

²⁹³ Шаханов Т. Б. Записки краеведа. Нальчик, 2004. С. 70-72.

побережье» (см. прил. рис. 44), «Отряд черкесов, идущих в набег. Черноморское побережье».

К досадной неточности в книге М.М. Коркмасова (возможно, по вине издательства) можно отнести тот факт, что одна из работ художника опубликована под нелепым названием «Молодой убыхский князь с сыном Аталыком» (см. прил. рис. 45). Это нередко воспроизводимое в литературе произведение известно нам под названиями «Убыхский князь Хаджи Берзек с абхазским аталыком», «Молодой убыхский князь со своим Аталыком». Убыхи в XIX в. занимали территорию по рекам Лоу, Дагомыс, Хоста, Шахе, Соча. В районе р. Соча и сделан был, скорее всего, этот рисунок. В 1837-39 гг. на этом участке были построены российские укрепления Св. Духа (у Адлера), Навагинское (близ Сочи), форт Головинский (на р. Шахе). Существовавшие между местными жителями – адыгами, абхазами, убыхами тесные взаимоотношения проявлялись как в военно-политическом сотрудничестве, так и в установлении родственных связей путем аталычества.

Знатные люди, как правило, сами не воспитывали сыновей, этим занимались их подданные, называвшиеся аталыками. Еще у Интериано мы встречаем описание этого обычая: «Лишь только сыну знатного исполнится два или три года, его отдают на попечение одному из слуг, и тот ежедневно его возит с собою на коне с маленьким луком в руках и как завидит курицу или другую птицу, а не то свинью или другое животное, то учит его стрелять, таким образом, аталык должен был научить своего воспитанника прекрасному владению оружием, стрельбе в цель, умению выездить боевого коня, неожиданно напасть на неприятеля и уйти от погони»²⁹⁴. А. Фонвиль, описывая обычай аталычества, отмечает, что у знатных черкесов новорожденных сыновей похищали, а по достижении ими 7-8 лет «одетого в роскошный костюм ребенка возвращали с большою церемониею отцу»²⁹⁵. Фонвиль даже участвовал в празднике, который был дан в честь возвращения мальчика. Стать аталыком считалось почетным, так как с принятием обязанностей по воспитанию отпрыска знатного лица аталык рождался с его семьей. Связь по аталычеству считалась у черкесов «священной». Не только семейство аталыка становилось родным своему воспитаннику, но часто случалось, что жители целого селения, общества и даже страны считали себя родственниками воспитанного между ними ребенка

---

²⁹⁴ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 15. В другом переводе концовка данного фрагмента текста выглядит так: «Когда же станет взрослым мужчиной [имеется в виду воспитанник – Ред.], то проводит свою жизнь в постоянной охоте на диких зверей, но больше на домашних животных и даже на людей» (Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII вв. С. 26).

²⁹⁵ Фонвилль А. Указ. соч. С. 13.

знатной фамилии²⁹⁶. Чем значительнее князь или дворянин, тем более находилось охотников породниться с ним и желающих принять на воспитание его сына. Так, например, Аслан-бек, сын темиргоевского князя Болотокова, имел трех аталыков, одним из которых был шапсугский дворянин Хаджи-Берзек²⁹⁷.

На картине Гагарина молодой воспитанник отличается от своего воспитателя богатством костюма и вооружения. Даже его поза (нога чуть отставлена в сторону, обе руки лежат на кинжале) говорит о чувстве собственного достоинства, перемешанном с подростковым бахвальством. Аталык мальчика сидит рядом на камне, его поза спокойна и раскованна, одну руку он по-отечески положил на плечо мальчика. На абхазское происхождение аталыка указывают абхазские авторы, они же называют молодого князя по имени Хаджи-Берзек.

В этой связи привлекает внимание еще одна работа Гагарина, опубликованная под следующими названиями: «Собрание черкесских князей в долине Соджи. Черноморское побережье»²⁹⁸; «Участники военного совещания эпохи завоевания Кавказа. Сочи. 1839»²⁹⁹; «Собрание черкесских князей»³⁰⁰ (см. прил. рис. 46). В пояснении к картине «Участники...» поименно названы некоторые абхазские и убыхские феодалы, среди которых знаменитый предводитель горных убыхов Адагуа-ипа Хаджи Берзек и его воспитанник Раста Инал-ипа, которому княжеский титул позволяет присутствовать на военном совещании. Портретное сходство юношей на этих двух картинах позволяет предположить, что это один и тот же княжич, и что обе работы сделаны художником в районе р. Соча в 1840 г. С другой стороны, очевидны несовпадения имен княжича, неясна его национальная принадлежность (убых или абхаз?). Это заставляет нас остановиться на третьем варианте названия первой картины и в случае подобных расхождений в дальнейшем ориентироваться на него как первоисточник.

Г.Г. Гагарин выполнил на Кавказе в 40-50-х XIX в. целый ряд рисунков, этюдов и небольших картин эскизного характера. Некоторые из них дополнили экспозиции кубанских музеев. Например, в Доме-музее М.Ю. Лермонтова в г. Тамани имелись работы «Городничий и типы горожан» (лист набросков), «Офицер, участник закубанской экспедиции», портрет Н.С. Мартынова.

²⁹⁶ Очерки истории Кубани с древнейших... С. 289.

²⁹⁷ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 232.

²⁹⁸ Доногоно-Коркмас М. (Коркмасов М. М.). Кавказский художник князь Г.Г. Гагарин. Махачкала, 1993. Иллюстрации.

²⁹⁹ Абхазские сказки и легенды / сост. И. Хварцкия. М., 1994.

³⁰⁰ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 17.

Ценность творческого наследия Гагарина во многом определяется его документальностью. Но его произведения не бесстрастно фиксируют события, а отличаются живостью и непосредственностью, свойственной свидетельству очевидца³⁰¹.

В Кабардино-Балкарском краеведческом музее находится картина «Кавказский поход», написанная художником Т. Горшельтом в 1866 г. в Мюнхене. Изображенная на ней трагедия последних лет вооруженного противостояния горцев и российских войск могла быть увидена автором практически в любой точке Кавказа. На переднем плане движется колонна «кавказцев». Они возвращаются после очередного усмирения горцев. Каждый из этих солдат и офицеров индивидуальность и по типу, и по характеру. Большинство из них – бывалые воины, есть в отряде и свой весельчак, который лихо отплясывает под барабан, бубен и скрипку³⁰². На пути колонны, у вышки казачьего пикета идет навстречу семья горцев. Исхудалые буйволы тянут арбу с дровами и скарбом. За арбой – группа мужчин. Они потеряли кров, имущество, скорее всего, оставят родную землю. Но на их лицах нет и тени страха³⁰³. Борьба подходит к концу, но победят ли в ней разум, справедливость и великодушные? Будучи баталистом, художник сумел передать весь накал страстей в этой внешне мирной сцене. Он также изобразил на картине и себя, подчеркнув жизненность изображаемой ситуации и свое отношение к происходящему.

Будучи по национальности, месту рождения, воспитанию баварским немцем, художник тесно связал себя в лучшие годы творчества с Россией и «Кавказской войной», причем не только внешне, но и внутренне, в смысле проникновения в психологию русского солдата. Известный русский художественный критик Адриан Прахов особой заслугой Горшельта считал то, что он «глубоко понял... и воспроизвел тип простого русского солдата, тип этих атомов, из которых в конце концов складывается великая боевая сила России, достоинство и особенности которой прямо коренятся в нашем народном характере»³⁰⁴. Первая известность пришла к Горшельту в 50-х гг. в связи с его картинами, написанными на основе материала, собранного в путешествиях по Испании и Алжиру. Но еще в ранней юности он мечтал попасть на Кавказ, эту «страну грез», чтобы встретиться лицом к лицу «с тем диким, рыцарственным врагом, о котором так

---

³⁰¹ Корнилова А. В. Указ. соч. С. 151.

³⁰² Сюжет движения войск, сопровождаемых музыкантами и песенниками, встречается у Т. Горшельта неоднократно (См.: Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011. С. 51).

³⁰³ Шаханов Т. Б. Указ. соч. С. 77-78.

³⁰⁴ Садовень В. В. Указ. соч. С. 173.

много читал». В 1858 г. с рекомендательными письмами к командующему, графу Барятинскому, художник прибывает на Кавказ, где был радушно встречен и прикомандирован к штабу генерала в качестве волонтера³⁰⁵. Вместе с российскими войсками он участвовал в боях с 1858 по 1863 г., в том числе во взятии Гуниба и пленении Шамиля, чему посвятил одну из наиболее известных своих картин. Нас интересуют те эпизоды творческой биографии художника, которые связаны с событиями и их участниками на Северо-Западном Кавказе. Маршрут путешествия Горшельта можно восстановить по его письмам и запискам, опубликованным вскоре после его смерти в петербургском журнале «Пчела»³⁰⁶.

На Кавказе Горшельт увлеченно рисует, детально изучая все мелочи обстановки и военной жизни, и русского солдата, этого «бесценного человека, вызывающего в нем такое уважение, какого он не чувствовал еще ни перед одной нацией», и «рыцарственного врага».

В книге Служивого «Очерки покорения Кавказа» с рисунков Горшельта выполнены репродукции «Кавказский солдат в зимней походной форме», «Линейные казаки», «Кубанские казаки», «Линейный казак на биваке», «Драгуны Нижегородского полка», «Возвращение кубанских казаков с набега» (см. прил. рис. 47, 48, 49). Последняя картина представляет особый интерес. Она изображает переходящих через реку конных казаков, которые уводят с собой скот, пленных, нехитрый скарб на повозках. Сведения о событиях, участником которых был Горшельт и положенных им в основу сюжета картины, содержатся в книге С. Эсадзе «Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны». Автор описывает набег линейных казаков Новотроицкой сотни и дивизиона Нижегородских драгун 2 сентября 1860 г., когда они из укрепления Григорьевского сопровождали оказию в Екатеринодар. Отряд русских войск во главе с князем Амилахвари скрытно перешел реку Шебш, чтобы захватить стада, ходившие возле двух больших аулов. Пока драгуны возились около стада, казаки ворвались в аул. Много жителей, среди которых были женщины и дети, были убиты, многие были взяты в плен. Казаки вернулись из аула с богатой добычей, драгуны прикрывали отступление³⁰⁷. По горячим следам Горшельтом и была написана картина «Возвращение...». «Она представляет ранний час утра. Вдали обрисовывается фигура казачьего офицера с накинутой на плечи буркой. Это командир сотни Воронцов-Дашков. Рядом с ним полковник Шереметев; они уже переехали через реку Шебш и с высокого берега наблюдают за переправой казаков, которые гонят отбитый скот и везут убитых, пленных и пленниц»³⁰⁸.

³⁰⁵ Т. Горшельт // Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. VIII. С. 420.

³⁰⁶ Виноградов В. Б. Памяти вечная нить. Грозный, 1988. С. 94.

³⁰⁷ Эсадзе С. Указ. соч. С. 75

³⁰⁸ Там же.

В Национальном музее в г. Майкопе экспонируются фотографии с рисунков Горшельта «Депутация от абадзехского народа представляется государю императору Александру в укреплении Хамкеты в 1861 г.», «Александр II принимает депутацию адыго-бжедугов вблизи Григорьевского укрепления (м. Панатук) 13 сентября 1861 г.». Эсадзе сообщает, что 11 сентября 1861 г. император высадился в Тамани. А уже 13-14 сентября осмотрел войска Шапсугского и ниже – Абадзехского отрядов, проехав через укрепления Григорьевское, Усть-Лабинское в Майкоп. Очевидно, в пути и состоялась одна из нескольких встреч с адыгами, запечатленная живописцем. О встрече в укреплении этот же автор повествует более подробно. Александр II принял делегацию из 50 депутатов, в состав которой входили абадзехи, шапсуги, убыхи. В поданном прошении горцы просили принять их в русское подданство при сохранении неприкосновенности своих земель. Ответ императора поставил их перед выбором: переселиться на Кубань, или же в Турцию³⁰⁹. Таким образом, судьба горских народов решалась на глазах у художника, и свое отношение к этим проблемам он не мог не отразить в своем творчестве.

Современники художника отмечали, что прекрасный характер и участие наравне с его военными товарищами во всех походно-боевых невзгодах делали Горшельта желанным гостем повсюду; он же со своей стороны, не нахвалится тем «гостеприимством и радушием русского офицерства», какого он нигде больше не встречал³¹⁰. Его деятельность была отмечена наградой – крестом «За военные заслуги». На родину он возвращается в 1863 г., обогащенный новыми впечатлениями, массой рисунков, эскизов и этюдов, обширной коллекцией тканей, одежды и вооружения. Горшельт становится признанным баталистом в России и Европе, а его работы весьма популярными, в том числе и среди царственных фамилий. К сожалению, жизнь талантливого живописца прервалась на 43-м году жизни от дифтерии. Вскоре после смерти художника все его произведения, так или иначе затрагивающие кавказскую тему, приобрел Александр II, а Йозеф Альберт (придворный фотограф королевской Баварии и императорской России) издал в Мюнхене альбом фототипий оригиналов Горшельта с приложением биографического очерка доктора Х. Холланда: «Теодор Горшельт. Его жизнь и его произведения»³¹¹.

Особой темой для живописцев середины и второй половины XIX века стало переселение закубанцев в Османскую империю («мухаджирство») – событие сложное, неоднозначное, в значительной степени трагическое по своим последствиям для большинства черкесских этнолокальных групп.

³⁰⁹ Эсадзе С. Указ. соч. С. 81.

³¹⁰ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. VIII. С. 420.

³¹¹ Лапинский Т. Указ. соч. С. 458-460.

Остановимся на этой проблеме подробнее. Процесс переселения горцев начался с конца 50-х гг. Если сначала преимущественно в Турцию уезжали обеспеченные и родовитые семьи, то с завершением военных действий на Кавказе процесс принял массовый характер. Я. Абрамов видел причинами переселения давние тесные «политические, религиозные и торговые» связи с турками, административную политику царизма, выражающуюся в экономическом, политическом, культурном ущемлении горцев³¹². В современной историографии подчеркивается провокационная роль турецкого правительства, нуждавшегося в пополнении своей армии, а также отмечено стремление горской верхушки сохранить свое влияние над рабами и крепостными, переселившимися в Турцию. Ведь еще современник и очевидец тех событий, сражавшийся на стороне горцев, Т. Лапинский (Теффик-бей), писал: «Тотчас после моего прибытия в Константинополь я, к моему ужасу, увидел, что организована форменная компания для того, чтобы побудить абазов, также как и крымских и казанских татар, к переселению в Турцию»³¹³. По мнению известного кавказоведа В.В. Дегоева, «вдохновители грандиозной кампании переселения опирались, прежде всего, на настроения черкесской знати, которую не столько волновали военные или политические проблемы, сколько личные социально-экономические перспективы при русской власти»³¹⁴.

После окончания военных действий на Северо-Восточном Кавказе и пленения в 1859 году имама Шамиля в российских верхах уже четко понимали, что покорение Закубанья – это вопрос нескольких ближайших лет. Для того чтобы решить вопрос безопасности горных районов раз и навсегда, в 1860 г. принимается план покорения региона, предусматривающий переселение горского населения на равнину, а несогласным давалась возможность выехать в Османскую Империю. Начальник Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов так объясняет позицию российских властей: «До 1860 года цель наших действий на Кавказе состояла в том, чтобы экспедициями, предпринимавшимися в места, занятые горцами, наносить им возможно частые поражения и, убедив их в превосходстве наших сил, заставить изъявить покорность. Результатом этих экспедиций было то, что ближайшие к нам общества, жившие на равнинах, то покорялись, то снова восставали и постоянно нас грабили, сваливая вину на соседей, живших выше их, в горах... Если даже мы

---

³¹² Абрамов Я. Кавказские горцы. Перемышляны : Сев.-Кав. филиал традиц. к-ры М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990. С. 6-16.

³¹³ Лапинский Т. (Теффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против России. Нальчик, 1995. С. 423.

³¹⁴ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М. : Рубежи ХХI, 2009; Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М. : Навона, 2009.

заняли бы горы укреплениями и провели бы к ним дороги, то все-таки приходилось бы постоянно держать в горах огромное число войск и не быть покойным ни одной минуты. Вследствие этого осенью 1860 года решено было прекратить бесполезные экспедиции и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами; горцев же выселять на плоскость, подчиняя тем нашему управлению»³¹⁵.

В сентябре 1861 г. император Александр II во время своего визита на Кавказ дважды встречался с представителями адыгов. 11 сентября он высадился в Тамани, где произошла, по свидетельству С. Эсадзе, одна из «глубокопотрясающих сцен»: «При приближении Монарха черкесы все, как один, схватились за оружие и, положив его на землю, благоговейно склонили свои головы». Старейший из них высказал просьбу своего народа: «...Впредь мы будем лучшими и самыми верными рабами вашими... Только лишь не выселяйте нас с тех мест, где родились и жили наши отцы и деды...». Царь обещал сделать все возможное, но уже 18 сентября в местечке Хамкеты на встрече с представителями Сочинского меджлиса категорически обозначил только два пути решения вопроса: либо переселение на Кубань, либо в Турцию³¹⁶.

В соответствии с «Положением о заселении предгорий...» от 10 мая 1862 г. предгорные районы западной части Кавказского хребта необходимо было заселить казачьими станицами, а выселенных с этих территорий горцев рассредоточить между нижней частью реки Большая Лаба, рекой Кубань и северной границей земель, заселяемых казаками³¹⁷. Как верно отметила З.Б. Кипкеева, «главной, если не единственной, составляющих военных экспедиций в этот период было перемещение местных народов на указанные места позади укрепленных линий, а не истребление и уничтожение мирных аулов»³¹⁸. Как указывалось в одном из распоряжений, «начатое уже переселение туземцев окончить, по возможности, мирным путем, войска же должны служить только доказательством обеспечения себя от неисполнения законных требований наших»³¹⁹. Конечно, чтобы вынудить местных жителей покинуть горные районы, а самое главное, не дать им вернуться обратно, войскам был дан приказ уничтожать жилища и разрушать инфраструктуру выселяемых аулов. Официальные документы предписывали, чтобы «войска не ограничивались одним только наблюдением за переселением туземцев, но чтобы

³¹⁵ Цитата по: Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 337-338.

³¹⁶ Эсадзе С. Указ. соч. С. 80-81.

³¹⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1862. Т. 37-1. № 38256 (10 мая). СПб., 1865. С. 406.

³¹⁸ Кипкеева З. Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). М. : Изд-во Ипполитова, 2006. С. 356.

³¹⁹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. 325, оп. 1, д. 308, л. 39, 40.

все бывшие жилища их совершенно уничтожили, оставляя в целости хлеб, сено и солому»³²⁰.

Таким образом правительство старалось лишить горцев возможности возвратиться на традиционные места проживания, но при этом личное имущество мигрантов старались оставить в сохранности. Правда, сами горцы не всегда забирали свое имущество с собой. Как пишет А.П. Берже: «Быстрота и решительность действий наших войск возбудили панику в горах, спешивших во что бы то ни стало покинуть свои родные горы и добраться до морского берега, чтобы выселиться в Турцию. Они побросали при этом свое имущество, исключая скот...»³²¹. А в ряде современных исследований отмечается и тот факт, что при переходах через горные хребты и на перевалах, в особенности зимой, черкесские переселенцы отмораживали руки и ноги, слабые не переносили непосильного пути и умирали³²².

В книге Б. Едиджа «Черкесы-адыги в рисунках европейских художников XVII-XIX веков» (Майкоп, 2009) опубликована репродукция рисунка «Племя черкесов покидает свои горы, направляясь в Турцию в результате захвата их страны русскими войсками», автором которого Б. Едидж обозначил художника Аурелия (Aurelji), при этом подпись под оригиналом гласит, что автором эскиза данного рисунка являлся М. Фермани (d 'apres un croquis de M. Firmani) (см. прил. рис. 50).

По узкой горной тропе, петляющей по краю пропасти, переселенцы идут конные и пешие (не у всех есть возможность приобрести лошадь). Выражения лиц горцев, их позы говорят о некоторой растерянности, но не выражают отчаяния или безысходности. У женщин в повозках волосы покрыты на мусульманский манер, но лица открыты, что в традиции народов Северо-Западного Кавказа. На заднем плане волы, бараны, козы (мухаджиры пытаются сохранить и транспортировать домашний скот, который в большом числе гибнет в пути), кто-то тащит домашний скарб на плечах. Тропа уходит на самый верх рисунка, показывая, что вереница переселенцев спускается с высоких гор, скорее всего с перевала. Кстати, возможно, на переднем плане справа художник изобразил князя. К нему обращается его вассал – уздень. Можно предположить, что в повозке расположились четыре жены князя и его мать. А на самом заднем плане видно, что один из черкесов ведет под уздцы лошадь, на которой сидит женщина, полностью укутанная паранджой – возможно, одна из любимых наложниц князя, с которой он не решился расстаться даже

³²⁰ ГАКК, ф. 325, оп. 1, д. 308, л. 74.

³²¹ Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 1. С. 304.

³²² Земля Адыгов / А. Х. Шеуджен [и др.]. Майкоп, 1996. С. 186.

в подобных тяжелых обстоятельствах. Сюжет с князем вероятнее еще и с той точки зрения, что именно князья были зачастую предводителями и инициаторами переселения групп черкесов, так как были заинтересованы в вывозе подвластного им населения в Турцию (см. выше).

Рисунок широко разошелся в сети печатных и электронных СМИ в качестве наглядной иллюстрации трагедии черкесского народа, но его происхождение вызвало некоторые вопросы. Характер изображения достаточно реалистичный, но у нас появились сомнения в том, что рисунок имеет «натурный» характер и автор работы действительно бывал на Кавказе. Обращают на себя внимание фигуры на переднем плане: горца и молодого князя. Фигура горца словно списана с рисунка «Натухаец» художника Г. Гагарина, у которого встречаются и похожие изображения молодых черкесских князей. Поиски источника происхождения рисунка привели нас к французскому иллюстрированному журналу "Jurnal illustre" № 206 за 1868 г.: именно там размещены две иллюстрации "Tribu des circassiens en marche" («Племя черкесов в походе») и "Les tcherkesses du caucase..." («Черкесы на Кавказе...») которые атрибутированы как рисунки г-на Гюстава Джанета, согласно эскизу М. Фермани³²³. К сожалению, сами картины оказались нам недоступны, но их название и общий автор эскизов – М. Фермани, позволяют предположить, что рисунок из книги Б. Едиджа помещен в качестве иллюстрации в европейском журнале и создавался французскими художниками по мотивам работ российских авторов, в числе которых был и хорошо известный во Франции князь Г.Г. Гагарин, многочисленные изобразительные материалы которого были изданы в Париже в конце 50-х гг. XIX в. прекрасными альбомами «Живописный Кавказ», «Костюмы Кавказа», «Князь Г.Г. Гагарин».

Практика выселения из аулов и переселения на равнину не могла не вызывать неприятия у горцев, ведь их не только лишали привычных мест проживания, но и ломали налаженный быт, заставляли жить в чужом культурно-правовом и этноконфессиональном пространстве. Ситуация усугублялась путаницей и недоразумениями при наделении мигрантов земельными участками на местах поселения, что активно использовалось с целью антироссийской пропаганды кавказской аристократией и турецкими эмиссарами. И это нередко становилось определяющим фактором в стремлении переселенцев покинуть Северный Кавказ и связать свою жизнь с Османской империей. Царское правительство и военная верхушка понимали сложность и трагизм сложившейся в регионе ситуации, но перед государством стояли стратегические цели,

---

³²³ JOURNAL ILLUSTRE 1868 N 206 NEUVAIN DE SAINTE GENEVIEV [Электронный ресурс] URL: <http://www.befr.ebay.be/itm/JOURNAL-ILLUSTRE-1868-N-206-NEUVAIN-DE-SAINTE-GENEVIEV-/290533382284>.

от которых во многом зависела безопасность российских рубежей в будущем. В рассматриваемый период российский поверенный в делах в Стамбуле получил такую информацию от Начальника Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцова: «Задача кавказской армии близится к концу. Стесненные в узкой прибрежной полосе, горцы при дальнейшем наступлении войск, будут поставлены в отчаянное положение. Немногие из них могут согласиться покинуть живописную природу родины, чтобы переселиться на прикубанскую степь. А потому, в видах человеколюбия и в видах облегчения задачи, предстоящей нашей армии, необходимо открыть им другой выход: переселение в Турцию»³²⁴. Командующий войсками Кубанской области Н.И. Евдокимов тоже считал, что стратегические задачи покорения горной части Северо-Западного Кавказа легче и человечнее решить, дав местному населению право свободного выбора между миграцией на кубанскую равнину и эмиграцией в Османскую империю: «Такая мера... при настоящем положении туземцев, принесет нам великую пользу и даст возможность, как горцам выйти из настоящего их напряженного положения, так и нам более свободно развивать русскую колонизацию в предгорьях западной части кавказского хребта»³²⁵. Одним из очевидцев горского переселения стал художник П.Н. Грузинский (1837-1892). Итогом его наблюдений стало знаменитое полотно «Оставление горцами аула при приближении русских войск» (см. прил. рис. 51). Петр Николаевич родился в семье небогатого помещика. С детства проявлял стремление к живописи и незаурядный талант, что позволило ему получить качественное образование в Академии художеств и стать довольно известным живописцем-баталистом. Для его картин характерны ярко выраженный реализм и внимание к деталям. Уже в 25 лет (в 1862 г.) он удостоился Большой золотой медали за полотно «Последний штурм Гуниба»³²⁶.

Замысел новой картины о Кавказе, посвященной горскому мухаджирству, возник у П.Н. Грузинского на основании рассказов очевидцев еще в Париже. Несмотря на то, что он не принадлежал к демократически мыслящей интеллигенции, художник поставил перед собой задачу создать полотно в духе исторического реализма. Понимая, что для достижения полной реалистичности ему надо увидеть ситуацию своими глазами, Петр Николаевич целенаправленно приезжает на Кавказ для сбора материала о переселяющихся в Турцию горцах. Первоначальная задумка была довольно узкой, что отразилось в предполагаемом названии картины, прописанном на одном из набросков, – «Переселение

³²⁴ Цитата по: Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 344.

³²⁵ Там же. С. 341.

³²⁶ Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII-XIX веков. М., 1955. С. 179

чеченцев в Турцию по Военно-Грузинской пороге (4 августа 1865 г.)). Но, приехав в регион, художник был впечатлен размахом миграционных процессов и масштабами экономического и культурного бедствия, постигшего переселяющихся горцев. Его полотно – это зеркальное отражение искреннего, без всякой напыщенности и официоза, впечатления художника, столкнувшегося с неприкрытым горем целых народов.

В 1873 г. в журнале «Всемирная иллюстрация» дано такое описание сюжета картины П.Н. Грузинского: «Место действия – лощина, усыпанная каменными обломками по каменистой почве, доросшей мхом и тощей травой. С высот спускаются арбы с имуществом и семействами горцев, уходящих перед войсками нашими, приближение которых указывают столбы светлого дыма, окружающего ближайшую темную массу горы. Из-за нее тянется изгибом длинная вереница арб, тащимых волами, в предшествии и сопровождении вооруженных всадников.

На первом плане картины, по сторонам шагающих волов, впряженных в арбы с ранеными и женами наиба, перемешиваются в нестройную массу люди и домашний скот. Поодаль от тяжело ступающих волов черкешенка тащит на себе ношу одежды, ведя за руку смуглого полунагого, босого мальчика – сынишку, боязливо взглядывающего на новую для него сцену суматохи и общего ужаса... Вслед за арбами с семьей наиба виден и значок его в толпе нукеров...

Спокойно, с заметным безучастием даже, смотрит на происходящее одна жена наиба в передней арбе... Совершенную противоположность с нею составляет подруга раненого, держащая его голову на коленях, – на предшествующей открытой телеге... Скорбное выражение лица бедной женщины передает такое тяжкое горе, которое нелегко описать... Рядом с ее сосредоточенной фигурой за плечами крайней из уходящих женщин торчит ребенок, обняв ручонками шею матери. Несколько впереди беглянок голова мужчины, положившего руку на хребет вола, – тип разбойника, смелого и предприимчивого». Отдельно отмечается естественность и продуманность композиции, живая выразительность фигур и отдельных характерных групп, производящих должный эффект на зрителя³²⁷.

Очевидец процесса переселения Н.И. Воронов, отмечает, что, покидая родные края, горцы распродавали свое имущество за бесценок: казакам, солдатам, местным торговцам и приезжим перекупщикам. Нередко случалось так, что горцы надолго задерживались в лагерях в ожидании судна, и тогда «арбы, купленные промышленниками нашими за копейки, стали продаваться теперь за рубли»³²⁸. Черкесу приходилось

³²⁷ Садовень В. В. Русские художники-баталисты XVIII-XIX веков. М., 1955. С. 183.

³²⁸ Воронов Н. И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) // Там же. Т. 2. С. 313-314.

терять не только имущество и Родину, но близких и дорогих людей. При переходах через горные хребты и на перевалах, в особенности зимой, черкесские переселенцы отмораживали руки и ноги, слабые не переносили непосильного пути и умирали³²⁹. Знание этих трагических обстоятельств наполняет картину П.Н. Грузинского особым смыслом.

Горцы скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточного берега Черного моря. Оттуда их вывозили в Турцию турецкие кочермы, а также зафрахтованные царским правительством суда. Черкесы так торопились уезжать в Турцию, а турки были до такой степени жадны и корыстолюбивы, что суда обыкновенно нагружались доверху: 300 или 400 человек вместо 50-60. В этой связи В.В. Дегоев отметил постоянно упускаемые историками коммерческие стимулы организации мухэаджирства: «практически весь турецкий (и не только турецкий) флот и связанная с ним инфраструктура получили высокоприбыльную работу на многие месяцы. Все, что было способно держаться на воде, устремилось к кавказским берегам... В суматохе переселения и в условиях временной отмены таможенных ограничений возник самый настоящий работоторговческий бум»³³⁰.

С собой брали минимальный запас воды и зерна. Перегруженные суда нередко тонули в пути, а при отсутствии попутного ветра путешественники испытывали муки голода³³¹. Помощь российского правительства переселенцам была незначительна и нередко оседала в карманах чиновников. Всего на переселение горцев, по данным Абрамова, было отпущено 289,278 р. 17 к. Но при этом, никак нельзя характеризовать политику российских властей как геноцид в отношении северокавказских народов, как это пытается представить С.Х. Хотко в своей книге «История Черкесии в Средние века и Новое время» (СПб., 2001). Выявленные на сегодняшний день кавказоведами документы никаких фактов действий русского командования, которые можно было бы квалифицировать как сознательное истребление отдельных групп населения, не дают³³². З.Б. Кипкеева справедливо отмечает, что при всей трагичности массовых перемещений для местных народов «совершенно недопустимо представлять для местного читателя практику российских властей как злой умысел против определенных народов или геноцид, так как вопрос об их полном уничтожении никогда не ставился»³³³. И нам также неизвестны изобразительные сюжеты,

³²⁹ Земля Адыгов / А. Х. Шеуджен [и др.]. Майкоп, 1996. С. 186.

³³⁰ Дегоев В. В. Кавказ и великие державы... С. 445.

³³¹ Фонвилль А. Указ. соч. С. 36-40.

³³² Матвеев О. В. На круги своя // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 10. Армавир, 2005. С. 65.

³³³ Кипкеева З. Б. Северный Кавказ в составе Российской империи: народ, миграции, территории. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2008. С. 422.

подтверждающие выводы С.Х. Хотко. Не будем забывать и заключение Ф.Ф. Торнау, сделанное в ситуации еще 1830-х гг.: «С нашей стороны правительство старалось усмирить горцы, отнимая у них способы вредить нам, но ни в коем случае не имело желания истребить их»³³⁴.

Турция поначалу охотно принимала немногочисленные и состоятельные семейства. Но когда черкесы хлынули массовой волной, то оказалось, что у турок нет ни средств, ни возможности их устроить. Черкесы не встречали ни материальной помощи, ни предоставления возможности как-то устроиться на новом месте и прокормиться. Озлившиеся черкесы нередко пополняли ряды воров и разбойников³³⁵. Опасаясь болезней, турки не пропускали черкесов к населенным пунктам, расставив кордоны. Между тем, адыги, которые вошли в состав России и согласились переселиться к Кубани и Лабее, сохранили свой язык, культуру, самоуправление³³⁶.

Тему бедствий народов на дорогах войны продолжает репродукция картины из книги Думанова Х.М. «Вдали от родины» «Турецкие янычары, заселяющие адыгов в дома изгоняемых болгар» (Ф. Канитц, 1875 г.) (см. прил. рис. 52)³³⁷. Она изображает один из эпизодов расселения в чужой стране. Место действия, вероятно, берег Черного моря. Центр композиции занимает фигура турецкого воина, который властным жестом руки отправляет прочь нагруженных поклажей болгар. Женщины и мужчины вереницей тянутся к турку, несут вещи на головах, за подолы юбок матерей держатся маленькие дети. Выражения их лиц и позы умоляющие. В группе черкесов, изображенной в левой части картины, находится молодая женщина с двумя спящими возле нее детьми, ее поза полна отчаяния и обреченности. Горцы преклонных лет, сидящие рядом с ней, молчаливо застыли в безропотной покорности судьбе. Тяжело было покидать землю отцов, дедов, никто не ждал их в далекой и чужой стране, но еще более страшным исходом представлялось российское владычество. Надежда, что правоверные будут к ним щедрее и милосерднее, нежели «гяуры», толкнуло черкесов в опасное путешествие. Для многих из них оно закончится трагически.

В экспозиции Национального музея республики Адыгея есть фотография с рисунка XIX в. «Отправка черкесов в Османскую империю из Новороссийской бухты в 1864 г.». На ней отражены те же характерные детали процесса переезда: силуэты кораблей в море, толпы беженцев на берегу, многие из которых уже неподвижно лежат на земле.

³³⁴ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М. : АИРО-XX, 2000. С. 163.

³³⁵ Абрамов Я. Указ. соч. С. 9.

³³⁶ Матвеев О. В. На круги своя... С. 65.

³³⁷ Думанов Х. М. Вдали от родины. Нальчик, 1994. С. 64.

В отношении художественной ценности эти картины уступает произведению П. Грузинского, но по содержанию они весьма выразительна. На обеих картинах центральными фигурами являются старики, женщины и дети, что еще более подчеркивает трагизм ситуации. В целом можно отметить, что проблема «мухаджирства» нашла реалистичное отражение в произведениях художников.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что известные нам художественные произведения по замыслу и уровню художественного воплощения можно разделить на несколько групп. В одну из них войдут картины и рисунки, посвященные конкретным баталиям, более или менее достоверные, но не слишком точные в деталях, художественная ценность которых не очень высока.

По замыслу, они носят информативно-описательный характер. К ним можно отнести акварели и гравюры из книги Н.И. Веселовского, батальные акварели И.Я. Мейера. Последние отличаются более высоким уровнем художественного мастерства, документальной точностью, но близки к жанру видового рисунка.

Большую смысловую и идеологическую нагрузку несут гравюры, в т. ч. и лубочные. Рассчитанные на массовое тиражирование, они формируют героический образ российского воина, казака, верой и правдой служащего царю и Отечеству, а также негативный образ врага. Эти произведения, по законам жанра, не отличаются историческим реализмом, но всегда отражают официальную позицию российских светских (и духовных) властей в отношении запечатленных событий, сочетающиеся с народными представлениями и стереотипами в отношении защитников Родины и их противников.

Произведения таких мастеров живописи, как И. Айвазовский, Г. Гагарин, Г. Горшельт, П. Грузинский и части художников-любителей реалистичны и относятся к наиболее ценному во всех отношениях художественному наследию. Они характеризуются, порой, документальной точностью, живостью и непосредственностью изображенного, отсутствием ложного пафоса и условностей официального батального жанра. Характерно, что собственно батальных сцен в творчестве этих авторов не меньше, чем изображений военных будней российских солдат и казаков, портретов представителей весьма пестрого в этническом отношении местного населения. В их творчестве мы видим отражение стремления передовой части российского общества трезво взглянуть на суть происходящего сложного процесса освоения новых территорий, объективно и по достоинству оценить роль в нем простых людей – солдат, казаков, глубокое и сочувственное проникновение в менталитет кавказцев. Весьма важно, что, оставаясь признанными

обществом и обласканными властями, эти художники во многом поднялись выше официально-державной позиции в отношении горцев, сумели донести до зрителя атмосферу повседневной кавказской жизни, породившей свои архетипы, мифы и героев. Этим они вносили весомый вклад в формирование парадигмы «российскости» – генерального вектора складывания российско-кавказского единства.

ГЛАВА 3. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКУБАНЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ (НАЧАЛО – 60-Е ГГ. XIX В.)

3.1. Историко-бытовые изобразительные сюжеты из жизни северокавказских народов (адыгов, ногайцев, абазин)

Историко-этнографический жанр включает в себя изображения отдельных представителей народов, населявших Северо-Западный Кавказ в рассматриваемый период, а также некоторых аспектов духовной и материальной культуры, событий из общественно-политической жизни. В этнографических, культурологических исследованиях эти изобразительные сюжеты занимают важное место в качестве источников ценных сведений. Но очевидно, что далеко не все стороны материальной и духовной культуры в равной степени нашли свое отражение в изобразительном искусстве, чему есть ряд объективных и субъективных причин. Сам художник является посредником, передающим информацию об увиденном, услышанном, и точность этой передачи зависит от целого ряда качеств, характеризующих его как личность с точки зрения профессионального мастерства, идеологических установок, общей культуры и т. п.

Нам не известны авторы-представители северокавказских народов, в духовной жизни которых уже прочное место занимал ислам, с его запретом на изображение Аллаха и живых существ. «Мусульманин лишается покровительства ангелов... и исключается из круга «благочестивых», если в его доме находится изображение человека»³³⁸. При этом значительное количество портретов адыгов, абазин, ногайцев, в т. ч. и сделанных с натуры, подтверждает тот факт, что абсолютного запрета на изображение и полного отказа от создания визуальных образов живых существ не было никогда³³⁹. Можно только предполагать, как был сделан портрет видного представителя черкесской знати, совершившего хадж в Мекку, Шеретлуко Кизбеча: позировал ли он англичанину Д. Беллу, или художник рисовал по памяти. Правда, занятие живописью никогда не считалось у черкесов, например, делом достойным, и воспринималось ими как развлечение, баловство. Весьма примечателен в этом отношении диалог И.К. Айвазовского и черкеса, в котором черкес называет

---

³³⁸ Нефляшева Н. А. Запрет на изображения в исламе: интерпретация скрытого смысла (историографический аспект) // Вопросы теории и методологии истории : сборник научных трудов. Вып. 3. Майкоп, 2003. С. 62.

³³⁹ Там же.

занятие живописью «пустыками»³⁴⁰. Многие племена вообще не были знакомы с живописью как таковой, что в своих интересах использовал генерал Г.Х. Засс, чтобы произвести впечатление на закубанцев.

Что касается культурной жизни кубанского казачества, то в первой половине XIX в. изобразительное искусство на Кубани находилось на стадии преобладания народной живописи с достаточно ограниченным набором сюжетов: иконопись, «казацкие» портреты³⁴¹.

В этой части работы остановимся на историко-этнографических произведениях по каждому из народов в отдельности.

Для исследования, в котором основным объектом изучения являются памятники изобразительного характера, процесс познания начинается с рассмотрения внешнего вида представителей изучаемых народов, племен, национальностей. Одежда помогает разобраться в вопросах этногенеза, до известной степени освещает идеологию создавшей ее социальной среды, указывает на производственные и социальные отношения, нашедшие отражение в материале, покрое платья³⁴². В многочисленных монографиях, посвященных материальной культуре отдельных народов Северного Кавказа, авторы отводят большое место описанию костюма, и нередко привлекают изобразительные источники, как, например, Е.Н. Студенецкая в своей книге «Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв.».

На рисунке Г. Гагарина «Милиционер-черкес из Анапы»³⁴³ изображен типичный представитель черкесов в национальной одежде (**см. прил. рис. 53**). Не случайно, что художнику позирует представитель т. н. «мирных» черкесов. В русле укрепления своих позиций на Кавказе российскими властями создавались иррегулярные милиционные части из местных жителей³⁴⁴. Они предназначались для защиты своей страны от неприятельских набегов, но иногда участвовали (и весьма успешно) в экспедициях против горцев³⁴⁵. Хотя некоторые авторы весьма скептически высказывались о службе мирных горцев в милиции, считая, что там они проводят время «с полной бесполезностью для службы»³⁴⁶. Современные исследования опровергают эту точку зрения³⁴⁷. Так, за один только

³⁴⁰ Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 12.

³⁴¹ Анисимова В. Н. Становление профессионального изобразительного искусства на Кубани (кон. XVIII – нач. XX в.) // Коваленковские чтения – 99. Художественный музей в контексте культуры. Научно-практическая конференция : Сообщения. Краснодар, 1999. Вып. 6. С. 41-48.

³⁴² Равдоникас Г. Д. Указ. соч. С. 3.

³⁴³ Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 23.

³⁴⁴ Из истории Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. : учебное пособие для студентов. Ростов н/Д., 2001. С. 269.

³⁴⁵ Лапинский Т. Указ. соч. С. 45.

³⁴⁶ Кавказ в сердце России. На вопросы современности ответы ищем в истории. М., 2000. С. 221.

³⁴⁷ Браун Е. В. Горцы Северного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар : КубГУ, 2014.

1851 г. около 200 кабардинских князей и дворян были награждены за отличие в военных действиях против имама Шамиля³⁴⁸.

Одежда изображенного черкеса соответствует описанному в литературе образцам. На нем черкеска – верхняя одежда типа кафтана, бывала серовато-белого, коричневого цвета, в зависимости от достатка владельца. Она шилась без подкладки, с широкими длинными рукавами, сзади и спереди не отрезалась по талии, а плавное расширение низа достигалось широкими клиньями с боков. Спереди в вырезе виден бешмет, а на каждой стороне груди размещались газыри – место для хранения патронов, нарядно отделанное вышивкой. Газыри – главное отличие черкески от других видов кафтанов³⁴⁹. На талии черкеска застегивалась рядом маленьких пуговиц и подпоясывалась узким кожаным ремнем, украшенным застегками.

Из-под черкески адыга выглядывает бешмет: более короткий кафтан, который шился из сукна, шелка или хлопчатобумажной ткани светлого цвета. Мужчины носили также шаровары, широкие, сужающиеся к щиколотке. На ногах черкеса на рисунке мы видим ноговицы – своего рода голенища. Их делали из сукна, тонкого войлока или кожи, украшали шнурками, галунами и т. п. В качестве обуви наиболее распространенными были чувяки. На голове черкеса баранья шапка с меховым околышем и суконным верхом. Поверх нее черкес накинул башлык – съемный капюшон с двумя длинными концами, которые могут быть обмотаны вокруг шеи. Довершает облик черкеса на рисунке бурка – плащ без проемов, обычно бурого, белого или черного войлока. Она была двух типов: длинная, с двумя швами по бокам, для конников. И, как на рисунке, более короткая, бесшовная, близкая к пастушескому плащу. В походах она служила и постелью, и палаткой.

Стандартный комплект вооружения черкеса, описанный в первой главе, шашка, кинжал, дополняется широко распространившимся в XVIII в. огнестрельным оружием – ружьем и пистолетом. По сведениям многих авторов, черкесы изготавливали огнестрельное оружие и порох сами, а также покупали его у турок, российских купцов и крымских мастеров³⁵⁰. Хорошо различимы на рисунке и принадлежности к огнестрельному оружию. В описании Дюбуа де Монпере они выглядят следующим образом: «На груди с двух сторон имеются два ряда маленьких коробочек или патронных гильз, сделанных из дерева, камыша, кости или металла... На плече черкес носит ружье, вложенное в черный фетровый чехол, прикрепленный двумя

³⁴⁸ Епифанцев А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М., 2010. С. 219.

³⁴⁹ Кирсанова Р. «На нем чекмень, простой бешмет...» // Родина. 2000. № 1-2. С. 37; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 234.; Лапинский Т. Указ. соч. С. 113.

³⁵⁰ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 40.

кольцами из красной кожи к ремню. На поясе черкес имеет кинжал, там же у него прикреплены, кроме того, тесак – отвертка, кожаный кошель, где хранятся трут и ружейный кремь, прекрасно выполненная из черненого серебра маленькая коробочка с салом, которым натираются пули для того, чтобы они лучше скользили в стволе»³⁵¹.

Изобразительные материалы отражают социально-имущественную дифференциацию в адыгском обществе. Высшие слои черкесов – князья и дворяне, составлявшие профессиональную основу войска, – оснащены соответствующим вооружением и конным снаряжением. Каждый всадник имел защитные доспехи из шлема, кольчуги либо панциря, налокотников, кольчужных перчаток. На рисунках «Черкесский князь» и «Черкес на коне» (А. Орловский, 1830) мы видим именно такой тип всадника – полностью экипированный. Голова знатного черкеса защищена шлемом (низкий тип), украшенным флажком и имеющим кольчужную сетку. Также имеется кольчуга, поверх которой черкес на картине Орловского надел кафтан. Кольчуги и панцири, как отмечалось выше, продолжали цениться даже с распространением огнестрельного оружия, обеспечивая некоторую защиту от пуль³⁵² и выполняя роль парадного, социально значимого атрибута.

Что касается женской одежды, то число изобразительных материалов для ее описания тоже достаточно велико. Остановимся на следующих работах: «Черкесская девушка» (Э. Спенсер, 1837-1850) (см. прил. рис. 55), «Черкешенки» (Д. Белл, 1840) (см. прил. рис. 56), «Молодой черкес с черкешенкой» (под этим названием опубликован в книге Е. Студенецкой фрагмент картины Фр. Боденштедта «Жители Кабарды», 1848 г. (см. прил. рис. 57), судя по экспонирующейся в Национальном музее Адыгеи картине, либо же это фрагмент акварели Г.Г. Гагарина), «Черкесские женщины из Геленджика» (Г. Гагарин, 40-е гг. XIX в.) (см. прил. рис. 58). Отмечаемую подавляющим большинством авторов красоту, изящество черкесских женщин, несомненно, подчеркивал женский костюм. В нем ярче, чем в мужском, отразились возрастные и социальные различия. Одежда черкешенок высшего сословия была типичным феодальным нарядом, который подчеркивал происхождение, богатство и праздность образа жизни³⁵³.

Вплоть до первой брачной ночи молодые девушки носили корсет, который плотно захватывал фигуру и придавал ей стройность. На рисунках из дневников Белла и Спенсера хорошо видны длинные рубахи

³⁵¹ Аствацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 50.

³⁵² Там же. С. 53.

³⁵³ Пафова М. Ф. Изменение традиционной одежды черкесов как один из аспектов этнокультурных процессов (нач. XIX – XX вв.) // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии : Сборник статей. Черкесск, 1991. С. 62.

на девушках: они служили нижней одеждой, поверх которой обычно надевались платье и кафтанчик. Длина рубахи варьировалась – она могла быть до щиколоток, как на рисунке «Молодой черкес...», или чуть ниже колена, как на рисунке Белла. Рубахи шили, в зависимости от достатка: из холста, бумажных, шелковых или полушелковых тканей, одноцветных или с рисунком, как на рисунке Спенсера. Обязательной одеждой адыгских женщин в первой половине XIX в. были штаны (их видно на рисунках Белла и Спенсера). Штаны собирались у щиколотки, надевались под рубаху прямо на тело. Весьма любопытную эволюцию претерпел такой элемент женской одежды, как кафтанчик. Близкий по крою к мужскому бешмету, он хорошо различим почти на всех рассматриваемых рисунках. Его длина – до талии или чуть ниже. На двух рисунках хорошо видны металлические застёжки на груди. Рукава кафтанчика узкие, воротник отсутствует. Видимо, кафтанчик в различных его вариациях являлся обязательной частью женского костюма, во всяком случае, в его полном составе³⁵⁴.

Верхнюю черкесскую одежду («сай» – платье) мы видим на рисунках «Молодой черкес...», «Черкешенка» Д. Белла. Платье имело раскрой черкески, шилось распашным до пола, без воротника с открытой грудью и застёжкой у пояса. Длина его могла быть до земли и даже волочиться по ней, как на рисунке Белла, или платье могло быть короче рубахи – как на другом рисунке. Чаще всего у адыгов встречается длинный узкий рукав, расширяющийся книзу, часть которого свободно свисает от кисти руки. Платье черкесы шили из шелковой материи, бархата, плюша, сатина и пр. Женщины привилегированных сословий украшали платье вышивкой, серебряными и золотыми галунами³⁵⁵.

Женские головные уборы различались в зависимости от семейного положения и социальной принадлежности женщины. Девушки носили чаще всего неглубокие круглые шапочки, сшитые обычно из ткани красного цвета. «На голове круглая шапочка с небольшим околышем из смушек, обложенная серебряным галуном, верх шапочки повит белой кисейною чалмою с длинными концами, падающими за спину», – писал Н. Дубровин³⁵⁶. Хорошо видны на рисунках Белла и Спенсера радиально расходящиеся от верхушки галуны. Дополнял головной убор женщины платок, надевавшийся различным способом.

Изображенные на рисунках девушки имеют разные причёски: распущенные волосы под шапочкой (у Белла), под платком (Г. Гагарин), несколько кос (Спенсер, Гагарин). Молодые девушки заплетали волосы

³⁵⁴ Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 46.

³⁵⁵ Пафова М. Ф. Указ. соч. С. 63.

³⁵⁶ Дубровин Н. Черкесы // Военный сборник. 1870. № 4. С. 338.

как в одну, так и в несколько косичек, а поверх одевали «золотую шапочку» или «татарскую шапочку»³⁵⁷. Иногда волосы носили и распущенными. Для красоты девушки вплетали в волосы наконечники или носили футляр для волос в качестве выходного головного убора³⁵⁸.

Женская обувь имела много общих черт с мужской. Хорошо различима она также почти на всех рисунках. Это мягкая кожаная обувь шилась из одного куска кожи с сафьяновым носком. Одевалась на босую ногу³⁵⁹. Особенно нарядной считалась обувь из красного сафьяна, но у адыгов ее носили лишь женщины знатных фамилий. Они же могли носить обувь на высокой деревянной платформе.

По имеющимся изображениям достаточно сложно судить об украшениях черкесских женщин. На рисунке «Молодой черкес...» хорошо различимо лишь надетое на шею украшение типа бус (ожерелья) в несколько рядов, а также серьги (или височные подвески) в ушах девушки. Рисунок «Черкесские женщины из Геленджика» интересен тем, что изображенные на нем женщины одеты в одежду, имеющую ряд региональных отличительных признаков. Так, например, в составе костюма отсутствует традиционный короткий кафтанчик, рубашка имеет чрезмерно длинные рукава, которые женщины наматывают на руки. Головным убором служит широкая накидка, концы которой закинута за спину³⁶⁰. В литературе имеется немало описаний адыгов, живущих на берегу Черного моря, в которых подчеркивается, что замужние женщины, выходя из дома, накидывали большое покрывало белого цвета, спускающееся очень низко, а при встрече прикрывали им нижнюю часть лица. Эта особенность являлась результатом влияния мусульманской Турции³⁶¹. Необязательной частью женского костюма являлся также пояс. Мы видим его лишь на черкешенке с работы П.С. Руссея «Черкесы» (40-е гг. XIX в.). Пояс надет поверх платья и подчеркивает талию (см. прил. рис. 60).

Внешний облик причерноморских ногайцев запечатлел Д. Шлаттер, его работы помещены в качестве иллюстраций в коллективной монографии «Ногайцы» (см. прил. рис. 61, 62). Одежда изображенных ногайцев отличается от черкесской некоторыми деталями и кроем, но имеет и много общего. Как и черкесы, ногайцы носили нательную рубаху туникообразного кроя, которая доходила до колен, и верхнюю рубаху из более грубой ткани³⁶². На рисунке Шлаттера «Ногайцы Северного

³⁵⁷ Ашхамова Л. М. Адыгские головные уборы XIX – начала XX веков // Сборник статей по этнографии Адыгеи. М., 1975. С. 85-86.

³⁵⁸ Там же. С. 89-92.

³⁵⁹ Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 55.

³⁶⁰ Виноградов В. Б., Чернова Л. Н. История Кубани в отечественном... С. 31.

³⁶¹ Народы Кавказа. Т. 1. М., 1969. С. 170-172.

³⁶² Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Указ. соч. С. 122.

Причерноморья» хорошо различим бешмет, который носился верхней одеждой. Он шился в талию и расширялся ниже пояса за счет клиньев. Бешмет имел стоячий воротничок и застегивался пуговицами из тесьмы. Двое из трех изображенных на рисунке ногайцев, очевидно, из обеспеченных слоев. Они одеты в черкески, похожие на бешмет, но без стоячего воротника. Богатые ногайцы носили также шелковые галстуки на шее, что мы и видим на рисунке. Подпоясывались ногайцы кожаным ремнем с серебряными пластинами. Разнообразны ногайские головные уборы. На одном из изображенных мужчин мы видим шапку, напоминающую чалму – такие носили побывавшие в Мекке мусульмане. У ногайцев существовала так называемая «обрядовая шапка»³⁶³. У двух других мужчин шапки круглые, невысокие, суконные или войлочные. Одна из них украшена продольной полосой с орнаментом. «Штаны шили с широким шагом, прямые, с ромбовидной вставкой. Пояс – шнурок из шерстяных ниток с кисточкой на концах. У щиколоток штанины завязывали штрипками... Штаны заправляли в сапоги»³⁶⁴. Обувь ногайцы, как и другие народы Северного Кавказа, шили из кожи крупного рогатого скота, а также из сафьяна и хрома. В ходу были красные и черные сапоги, у богатых – с каблуками.

Хорошо видно на рисунке, что головы у ногайцев бритые. «Верхняя часть головы бреется у старых дочиста, а у молодых до одного только на темени хохолочка», – отмечал Корнис³⁶⁵.

У того же Шлаттера имеется и рисунок ногайских девушек. На примере двух изображенных ногаек мы можем рассмотреть женский костюм спереди и сзади. По покрою он близок к мужскому. На девушках широкие штаны, по крою аналогичные мужским, сужающиеся у щиколоток. Поверх штанов носили туникообразную рубаху – нательную, а также верхнюю, которая заменяла платье. Сверху девушки надевали кафтан, сшитый в талию и плотно облегающий фигуру. У него был стоячий воротник. На одной из женщин надето распашное платье с длинным лифом и длинными откидными рукавами. Еще одной верхней одеждой был бешмет, по описанию Р. Эркерта «кьптал – верхняя одежда». Впереди, как гусарский костюм, прочный, добротный, имел на груди десять узорчатых призматических серебряных узоров. Они пришивались на сафьян, заканчивались в форме петель³⁶⁶. Богатые ногайки шили бешмет из красного или зеленого шелка и подпоясывались широким ремнем, что мы и видим на рисунке. Женские головные уборы были разнообразны, шились

---

³⁶³ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Указ. соч. С. 124.

³⁶⁴ Там же. С. 121.

³⁶⁵ Там же. С. 126.

³⁶⁶ Там же. С. 127.

из плотной ткани, сукна, меха. Шлаттер писал, что «девушки носят высокую круглую шапку из красного сукна, которая увешана большими и маленькими, обычно турецкими, серебряными монетами»³⁶⁷. Именно такие шапки изобразил Шлаттер. На ногах ногаек характерная для многих кавказских народов обувь – мягкая, сшитая из одного куска кожи, поверх которой надеты невысокие деревянные «ходули» (вроде скамеечек на двух ножках) с ремешком для продевания ноги. Эта деталь свойственна изображениям женщин из феодальной среды³⁶⁸.

Таким образом, рассмотренные нами изображения представителей северокавказских народов в национальных костюмах позволяют сделать следующие выводы. В первой половине XIX в. уже сложились все основные элементы одежды, бытовавшие вплоть до XX в., и большая часть их нашла отражение в произведениях изобразительного искусства. Одежда ногайцев отличается от черкесской некоторыми деталями и кроем, но имеет и много общего. Новым элементом черкески становятся газырницы, что связано с распространением огнестрельного оружия. меховая шапка – папаха – вытеснила другие типы головных уборов. Для первой половины XIX в. характерны общие черты в женской и мужской одежде, сложившиеся, видимо, в более раннем периоде. Одежда служит показателем социального статуса ее владельца, это особенно касается женщин и хорошо отражено изобразительными материалами. Удобство горской одежды, ее функциональность были по достоинству оценены переселившимися на Кубань казаками, освоившими основные ее детали.

Художники-иностранцы стали авторами значительного количества иллюстраций к своим заметкам о жизни и быте северокавказских племен. 30-40-е гг. XIX в. характеризуются активизацией политики Британской империи на Северо-Западном Кавказе и в районе Черного моря. Кавказ интересовал Англию не только с точки зрения политико-стратегических интересов, но и в качестве объекта экономического использования. Необходимо было сохранить постоянный очаг сопротивления на Кавказе, подготовить условия для его отторжения у России путем систематических подстрекательств со стороны английских эmissаров. На общественное мнение Европы нужно было воздействовать разными способами, в том числе и посредством изобразительных материалов³⁶⁹. Весьма пристрастное отношение английских эmissаров Э. Спенсера,

³⁶⁷ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Указ. соч. С. 127.

³⁶⁸ Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 55.

³⁶⁹ Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.). М., 1984. С. 132.; Бижиев А. Х. Борьба России с иностранными происками на Северо-Западном Кавказе в начале 30-х годов XIX века // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987. С. 93.

Д. Белла к общественно-политической ситуации на Северо-Западном Кавказе не помешало им живо и обстоятельно описать быт и нравы черкесов в форме, по сути вызывающей к ним интерес и сочувствие у просвещенной Европы. Иллюстрации к тексту призваны были разбудить воображение читателей, перенести их в мир диких и бесстрашных сынов Кавказа, где женщины – красавицы, все мужчины – воины, а чужестранец может стать как лучшим другом, так и пленным – рабом.

Э. Спенсер прибывает в Черкесию в 1836 г., в период резкого обострения русско-турецких противоречий в регионе после заключения Адрианопольского мира в 1829 г. За спиной недовольной условиями этого мира Турции стояла Англия. Желая сохранить свое инкогнито, Спенсер выдает себя за стамбульского хаккима (врача)-генуэзца и достаточно свободно перемещается по Черкесии с помощью кунаков³⁷⁰. Пристальное внимание его к экономике и природным ресурсам Черкесии, живой интерес к материальной и духовной культуре этого народа позволяют предположить, что он был одним из многочисленных английских разведчиков. Спенсер был свидетелем (но не участником) сражений, присутствовал на собраниях князей, осматривал дольмены и т. д. Мы уже обращались к его рисунку черкешенки, рассмотрим еще некоторые, опубликованные в дневниках «Путешествия по Западному Кавказу, включая тур по Имеретии, Мингрелии, Турции, Молдавии, Галиции, Силезии, Моравии в 1836 году» (Лондон, 1838), «Турция, Россия, Черное море и Черкесия» (Лондон, 1851).

В 1836 г. Спенсер прибывает на совещание конфедеративных князей. На рисунке «Собрание князей конфедерации Черкесии в районе реки Убин» (см. прил. рис. 63) мы видим расположенные в живописной местности возле реки княжеские шатры. Навстречу группе черкесских воинов направляется большой отряд, во главе которого несут «знамя независимости». Спенсер пишет, что вместе с князьями на собрание прибыли и их соплеменники: «Некоторые бросали копье или топорик в цель, другие упражнялись с различными видами оружия, от кинжала до лука и стрел... казалось, что война была единственным занятием, существующим в этой стране»³⁷¹. Тут же Спенсер пишет о «прекрасном национальном знамени», присланном из Стамбула, которое развернул храбрый воин Хирсис-Султан-Оглоу. Благодаря Спенсеру мы имеем о нем наглядное представление. Автор неоднократно, различными способами, в том числе и изобразительными, подчеркивает справедливый, на его взгляд, характер войны черкесского народа с Россией, энтузиазм и патриотизм

---

³⁷⁰ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 12; Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 106.

³⁷¹ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 49-50.

собранных. Свою симпатию к горцам он проявил, на наш взгляд, и тем фактом, что запечатлел себя на автопортрете в белой черкеске со стоячим воротником, расположенными горизонтально газырями.

Современные историки несколько расходятся в оценке времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе. Т.В. Половинкина, Н. Нефляшева, О.В. Матвеев утверждают, что оно выпадает на 1830 г. Мне представляется более верной точка зрения Е.И. Нарожного, С.А. Галаган, В.Б. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова, которые называют 1836 г., что, собственно, вытекает из самих дневников³⁷². Что касается «знамени независимости», то его описывают как полотнище зеленого цвета с тремя скрещенными стрелами и двенадцатью звездами. На рисунке Спенсера мы видим именно такой вариант. Но существуют противоречивые сведения о том, кто же именно доставил это знамя (и сколько их вообще было – *Ред.*), так что эта тема нуждается в дополнительном исследовании³⁷³.

Рисунок «Атака черкесской кавалерии» – одна из немногих изображенных Спенсером батальных сцен, на примере которой Спенсер иллюстрирует восхитившие его воинские качества, которые он имел возможность наблюдать. Конница была основным родом войска у аристократических адыгских племен, «ближних» демократических абадзехов, у горных племен абадзехов, убыхов и шапсугов в набегах участвовала и пехота³⁷⁴. На рисунке схематично обозначены всадники, несущиеся в атаку из ущелья, более четко прорисованы лишь несколько черкесов на переднем плане. Хорошо различимо вооружение и защитные доспехи воинов: кольчуги, шлемы, легкие винтовки и шашки. Спенсер приводит рассказ русского офицера об одном из сражений, и при этом подчеркивает, что сам не участвовал в «этой партизанской войне», поскольку лично знал и уважал многих российских офицеров³⁷⁵.

Д.С. Белл вел гораздо более активную политическую деятельность на Кавказе, нежели Спенсер. В 1837-38 гг. Д. Белл и Д. Лонгворт, переезжая из аула в аул, пытались провести объединение всех военных сил

---

³⁷² Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. О времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе и о проблеме «знамени независимости» // Вопросы Северокавказской истории : Сборник научных статей. Вып. 5. Армавир, 2000; Нарожный Е. И., Галаган С. А. Еще раз о времени пребывания Э. Спенсера на Северо-Западном Кавказе и дате окончания его книги // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы IX Краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Армавир; Краснодар, 2001.

³⁷³ Виноградов В. Б., Клычников Ю. Ю. О времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе и о проблеме «знамени независимости» // Вопросы северокавказской истории. Вып. 5. Армавир, 2000. С. 70-72.

³⁷⁴ Скиба К. В. К вопросу о тактике, наступательном и оборонительном вооружении равнинных и закубанских племен в начале XIX в. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 306.

³⁷⁵ Спенсер Э. Указ. соч. С. 45.

адыгов под руководством Англии. От лица своего правительства, они были весьма щедры на обещания скорой военной поддержки черкесам, снабжали их деньгами, порохом. И хотя большая часть обещаний так и осталась невыполненной, англичане способствовали эскалации вооруженного противостояния России и горцев³⁷⁶.

«Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 годов» (Лондон, 1840) Д. Белла также красочно иллюстрирован, причем у него и Спенсера много общих сюжетов. Стремление представить Черкесию как самостоятельный субъект международной политики под протекторатом Великобритании проявилось в особом внимании англичан к общественно-политической жизни и институтам власти черкесов. Уже упоминался рисунок Спенсера «Собрание князей...», у Белла есть рисунки «Законодательный съезд черкесов в местности Геч» (см. **прил. рис. 64**), «Заседание народного суда». Народное собрание являлось высшим общественным учреждением черкесов, на котором решались важнейшие вопросы войны и мира, устанавливались законы, образовывались военно-политические союзы и пр. В собраниях участвовали представители не только отдельных общин, но и разных племенных групп, свободные черкесы вне зависимости от достатка. Они обычно имели решающую силу у тех племен, где не было сильной княжеской власти. В более развитых племенах (у темиргоев, бжедугов) большую роль играл совет пши и уорков.

Собрания происходили обыкновенно в торжественной обстановке, на освященном традицией месте, в священных рощах, на пересечениях дорог. Они начинались вечером и продолжались до глубокой ночи. Старейшины располагались в середине круга, наружную линию занимали молодые джигиты на конях³⁷⁷. Именно так выглядит это собрание на рисунке Белла: расположившиеся по кругу черкесы внимательно слушают стоящего в центре оратора. А. Фонвиль подобное собрание описывает следующим образом: «Горцы были в полном вооружении и верхами, затем, сойдя с лошадей и привязав их к деревьям, они образовали круг, в середине которого поместились начальники, сидя на соломенных связках»³⁷⁸. Решения собрания были обязательными для всех черкесов, после объявления их «герольдом». «Все взоры обращаются в одну сторону, на дерево, по которому один член собрания вскарабкивается с необыкновенной поспешностью... и начинает оттуда держать какую-то речь... и решения собрания не могут быть действительны без этого обряда»³⁷⁹.

³⁷⁶ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 118-119.

³⁷⁷ Очерки истории Адыгеи... С. 214.

³⁷⁸ Фонвиль А. Указ. соч. С. 12.

³⁷⁹ Там же.

Изображения таких объектов материальной культуры, как поселения, жилища, внутреннее убранство, характерны для многих авторов живописных произведений этого периода. В Национальном музее Адыгеи выставлены в экспозиции репродукции с рисунков: Тебу де Мариньи: «Черкесский двор»; Д. Белла: «Убыхское селение в долине Саше» (см. прил. рис. 65); «Интерьер черкесского дома»; «В черкесской кунацкой»; Э. Спенсера: «Черкесская кунацкая» (см. прил. рис. 66); Н.В. Ланкенау: «Интерьер черкесского дома».

При взгляде на рисунок Белла «Убыхское селение» невольно напрашивается сравнение с рисунком из книги Ж.Б. Тавернье. Совершенно очевидно, что рисунок сделан с натуры: селение располагается в долине у реки, окружающие холмы покрыты густыми лесами. Адыги селились там, где имелись хорошие земли, сенокосы, выгоны и питьевая вода, а также учитывали возможность обороны. Автор XIX в. писал, что «черкесы умеют выбирать места для своих жилищ: это всегда или красивейшие долины, или самые дикие леса»³⁸⁰.

На рисунке из книги Белла три постройки, обнесенные общей оградой из жердей. Стадо коров местный житель прогоняет через большие ворота. Одно из строений выделяется трубой на крыше, что говорит о наличии в доме очага. Очевидно, это «большой дом» – дом хозяина. Адыгские дома типичны для жителей равнинных и предгорных районов Северного Кавказа. Как со злой иронией заметил Д. Лонгворт: «С такими соседями, как русские, возможно, хорошо, что архитектура здесь не намного продвинулась в развитии»³⁸¹. На всех известных нам рисунках внешний вид жилищ примерно одинаков. В описании того же Лонгворта это прямоугольные в плане жилища, стены возведены из кольев и плетней, обмазанных с обеих сторон светлой глиной, пол был земляной. Кровля, сверху поддерживаемая стропилами треугольной формы, опускалась с крыши на карниз, который летом служил верандой³⁸². Архитектура адыгских жилищ традиционна. Тип легких турлучных построек возникает на Северном Кавказе не позднее III тыс. до н. э.³⁸³, отражает ландшафтные особенности домостроительства автохтонов и с русской угрозой никак не связан.

Устройство и убранство черкесского дома и кунацкой (гостевого дома, комнаты) практически не отличались, что видно и по рисункам. Во внутреннем интерьере черкесского жилища, как и других северокавказских народов, центральное место занимал очаг. Скромная обстановка,

³⁸⁰ Меретуков М. А. Поселения у адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 37.

³⁸¹ Лонгворт Д. А. Указ. соч. С. 54.

³⁸² Там же. С. 53.

³⁸³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 51, 58.

судя по рисункам, состояла из невысокого дивана с подушками, длинной деревянной скамьи. Хорошо видны вбитые в стены деревянные гвозди, на которых обязательно развешено оружие – хозяйское, гостя, седла и другие походные принадлежности. «При входе в дом черкесы отдают слугам свое оружие, которое тут же развешивается на стенах рядом с оружием хозяина, оставляют себе только кинжал, с которым не расстаются никогда»³⁸⁴.

На рисунке Д. Лонгворта «Княжеская гостиная» (см. прил. рис. 67) показана сцена угощения турецкого гостя. Перед едой всегда совершается омовение рук, для чего используют медный кувшин и таз. Эти предметы домашнего обихода очень часто фигурируют на рисунках. Слуги подают кушанье в деревянной посуде. По воспоминаниям Абри де ла Мотрэ, «стол был совершенно порожний, т. е. без скатерти, но хорошо вымытый и очень опрятный. Он служит тарелкой для всех гостей, так как каждый резал на нем мясо, которое он брал пригоршнями, с блюда»³⁸⁵. После гостей ест прислуга, затем присутствующие соседи, рабы – на кухню ничего не уносят. На рисунке «помощник», получивший свою долю угощения в ходе приема гостей «с большой скромностью возвращается в свой угол и, отвернувшись от всех, тайком поедает их»³⁸⁶.

На рисунке Спенсера «Черкесская кунацкая» (см. прил. рис. 66) запечатлен обычай черкесов курить чубук во время отдыха. Еще в начале XVIII в. Абри де ла Мотрэ писал в своем дневнике, что «лакей принес ему (черкесскому мурзе – Авт.) турецкую трубку, сделанную из одного куска, и он спросил меня, курю ли я, предложив мне принести другую»³⁸⁷. Пейсонель отмечал, что «ногайцы и черкесы потребляют огромное количество трубок». «...Ежегодно продается более 200 000 трубок, которые поступали из Константинополя и Молдовии»³⁸⁸. Сам Э. Спенсер, описывая времяпровождение у черкесов, указывал, что чубук курят и женщины³⁸⁹. О курении немолодых женщин у черкесов можно прочитать и в мемуарах российских офицеров, побывавших в горском плену³⁹⁰. Этот обычай современные исследователи подтверждают, ссылаясь и на данные археологических находок³⁹¹.

---

³⁸⁴ АБКИЕА. С. 295.

³⁸⁵ Там же. С. 135.

³⁸⁶ Лонгворт Д. Указ. соч. С. 55.

³⁸⁷ АБКИЕА. С. 135.

³⁸⁸ Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах. В изложении Е.Д. Фелицина. Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990. С. 11.

³⁸⁹ Спенсер Э. Указ. соч. С. 28.

³⁹⁰ Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества... С. 246.

³⁹¹ Березин С. Я., Иванченко К. С. О табакокурении на Кубани (По материалам XVIII-XIX вв.) // Археология, этнография, и краеведение Кубани : Материалы 11-й Всероссийской межвузовской аспирантско-студенческой конференции. Краснодар, 2003. С. 21-22.

На рисунках англичан фигурируют также исторические памятники Прикубанья – дольмены. Впервые одну из групп пшадских дольменов обнаружил в 1818 г. Тебу де Мариньи, который описал их в своих записях и привел услышанную от черкесов легенду о происхождении этих «своеобразных монументов». Д. Белл был следующим иностранцем, который в 1839 г. увидел и описал те же пшадские дольмены: «...составлены пятью огромными каменными плитами – четыре по полам, а пятая установлена над ними»³⁹². Свои описания Белл подкрепил рисунком, на котором памятник с тысячелетней историей показан на фоне разворачивающихся событий военно-политической жизни народов Причерноморья (см. прил. рис. 68)³⁹³. Конец 30-х гг. в этом районе был отмечен активным боевыми вылазками горцев в отношении укреплений и фортов Черноморской береговой линии. Во многом их активность была подготовлена деятельностью английских эмиссаров, в т. ч. и Белла. На рисунке дольмен окружают шапсуги на лошадях, вооруженные и готовые к бою, некоторые из них спешили и присели у дольмена, но даже во время отдыха они не выпускают из рук оружия. Причем черкесы не равнодушно взирают на каменную гробницу, один из них, указывая на нее рукой, что-то объясняет другому. Еще в XIX в. дольмены нередко почитались местным населением, возле них оставляли жертвенные приношения.

Несколько изобразительных работ художников-иностранцев характеризуют религиозные верования черкесов: «Греческий крест» (см. прил. рис. 69), «Под священным деревом Саше» из дневника Д. Белла; рисунок Тебу де Мариньи «Жертвоприношение Ахын» (см. прил. рис. 70) (1818-1820 гг.). В коллективной монографии «Народы Кавказа» помещена иллюстрация «Поклонение черкесов кресту» (с литографии начала XIX в.) (см. прил. рис. 71). Она изображает группу черкесов в роще на берегу моря, исполняющих обряд поклонения перед деревянным крестом. По описанию Л.Я. Люлье, единственный символ предмета поклонения черкесов «есть деревянный крест особой формы, в виде буквы Т, прислоненный к дереву, около которого лежат другие подобные кресты, истлевшие от времени»³⁹⁴.

Что касается крестов (каменных, деревянных, изображений), то их культ сохранился в обрядовой и бытовой культуре черкесов и после распространения на Северо-Западном Кавказе ислама³⁹⁵. Об обрядах

³⁹² Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 4-5; Он же. Испун. Дома карликов. Краснодар, 1985. С. 9-10.

³⁹³ Чернова Л. Н. Кубанские дольмены в рисунках первых европейских очевидцев // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир, 1994. С. 26-27.

³⁹⁴ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990. С. 25.

³⁹⁵ Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века) : монография / Н. Н. Великая [и др.]. Армавир : Дизайн-студия Б, 2015. С. 37-39.

поклонения кресту упоминают и Д. Белл, и Д. Лонгворт: «...Собравшиеся становятся на колени на небольшое расстояние напротив креста и произносят молитвы, после чего два старика приближаются к кресту, неся в руках хлеб или «пасту» и сосуд с перебродившим напитком...»³⁹⁶. Спенсер в своем дневнике описывает ассамблею черкесов, которые собирались вокруг «этого символа христианства»: «разрушающиеся останки древнеримского креста, грубо вырезанного из дерева, напротив которого восседали главные вожди» на собрании черкесских князей³⁹⁷. Обряд поклонения адыгов кресту летом 1858 г. описывал и Т. Лапинский³⁹⁸.

На рисунке «Под священным деревом Саше» внимание автора привлекло в первую очередь дерево с висящим на ветвях культовым символом. Тебу де Мариньи отмечал, что в священном лесу он «был очень удивлен, увидев там, вместо креста, сооружение, напоминавшее по форме виселицу, которую черкесы наряду с крестом используют в качестве знака своей религии», «к нему со временем добавляются другие детали»³⁹⁹. Можно предположить, что это «сооружение» и является христианским символом с искаженными очертаниями. Приметой беспокойного времени служит интересная подробность: неподалеку от дерева несколько черкесов устанавливают стрелковое орудие на колесах.

Что касается изображения жертвоприношения, можно сказать, что эти обряды были весьма распространены у черкесов. Автор рисунка пишет, что священнослужители в Черкесии «начинают службу с искупительной жертвы в виде барана или козла»⁴⁰⁰. Жертвы приносились древним скотоводческим божествам, из которых Ахын являлся покровителем крупного рогатого скота. Существует топографическое название – Ахинова роща, в верховьях реки Шахе, где, по преданию, совершались жертвоприношения и устраивались праздники, сопровождавшиеся раздачей мяса.

На тему народных увеселений нам известны два изобразительных сюжета. «Танец «Удж хьурай»» (Д. Белл, 1837-39) и «Черкесская пляска. Западные адыги» (Е. Карнеев, рисунок начала XIX в.) (см. прил. рис. 72). Почвой для развития адыгских танцев служили общественные и семейные торжества, танцевали и у постели раненого, и по случаю гостей⁴⁰¹. Танцы у адыгов были одним из основных способов проведения досуга, и художникам удалось подметить не только этнографические тонкости

---

³⁹⁶ АБКИЕА. С. 469.

³⁹⁷ Спенсер Э. Указ. соч. С. 51.

³⁹⁸ Лапинский Т. (Теффик-бей). Указ. соч. С. 82-87.

³⁹⁹ АБКИЕА. С. 319.

⁴⁰⁰ Там же. С. 305.

⁴⁰¹ Шу Ш. С. Адыгские танцы // Сборник статей по этнографии Адыгеи. М., 1975. С. 281.

этого развлечения, но и передать само настроение танца. Русский военный деятель И. Бларамберг в своей «Кавказской рукописи» 1834 г. определяет черкесские танцы как «довольно грустные и маловыразительные»⁴⁰². На рисунке «Черкесская пляска» мы видим двух танцующих, которые босиком, приподнявшись на носки и повернувшись, друг к другу лицом исполняют танец, напоминающий «шотландский»: руки заложены за спину, ноги вывернуты носками внутрь и проделывают различные движения. Музыкальные инструменты адыгов представлены двумя фляжолетами – флейтами, которые при игре держат вертикально⁴⁰³. На другом рисунке черкесы, взявшись за руки, пляшут в круговую.

Черкесы предстают на рисунках иностранцев вполне контактным народом, со сложившейся культурой общения с представителями других государств. Важное место в системе жизнеобеспечения адыгов занимала торговля с Турцией. В дневнике Белла помещена иллюстрация «Турецкая кочерма на черноморском побережье» (другой вариант названия – «Торговля с иностранцами в Озерейке») (см. прил. рис. 73). Дж.А. Лонгворт пишет, что, отправляясь из Турции в Черкесию, он погрузил на судно наиболее ходовой товар: разного вида ткани, свинец, сталь и соль, а также живописует трудности, с которыми они пристали к берегу, вызванные угрозой со стороны российских военных кораблей⁴⁰⁴. Также перспективной в плане дальнейшего изучения представляется нам тема личных и дипломатических контактов российской стороны с горцами и их союзниками. В этой связи отметим рисунки «Переговоры между русскими и черкесами» из дневника Белла и «Переговоры графа Воронцова с черкесским вождем» из книги Спенсера (см. прил. рис. 74, 75). Недавно мы предприняли трактовку содержания последнего из них, вызвавшую заинтересованную реакцию со стороны С.Л. Дударева, который предложил собственное понимание сюжета второго из указанных рисунков⁴⁰⁵.

Среди известных нам работ, выполненных в жанре пейзажа, заслуживают упоминания еще две: «Вид Керчи с горой Митридат» (из книги П.И. Сумарокова Досуги крымского судьи... СПб., 1803) и «Черкесы на Черноморском побережье» (см. альбом «Восточная война» (см. прил. рис. 76). Флоренция, 1856)⁴⁰⁶. Выбор художниками в качестве фона картин берега Черного моря не только обусловлен природной средой проживания

⁴⁰² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 94-95.

⁴⁰³ Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 196.

⁴⁰⁴ Лонгворт Д. Указ. соч. С. 21-22.

⁴⁰⁵ Хлудова Л. Н. Эпизод пребывания М.С. Воронцова на Кубани // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013. С. 47-50; Там же. Дударев С. Л. Некоторые итоги дискуссии. С. 65-66.

⁴⁰⁶ Родина. 1995. № 3-4. С. 27.

черкесских племен, но и несет в себе определенную историко-этнографическую информацию.

На картине «Вид Керчи с горой Митридат» на переднем плане изображена «пестрая» в этнографическом смысле группа из шести человек, как воплощение происходящих с конца XVIII в. процессов складывания населения Черноморского побережья Кубани. С 1774 г. Керчь стала развиваться как российская крепость и торговый порт, чем объясняется присутствие в группе двух офицеров российской армии. Заселившие в конце века Таманский полуостров казаки, один из которых изображен на картине, поддерживали с Крымом экономические и политические связи. Черкесов в группе легко узнать по элементам национального костюма: черкескам, бурке, головным уборам, оружию (лукам). Они вполне могут быть представителями ближайших к таманскому полуострову племен натухайцев и бжедугов.

По словам Ф.А. Щербины, «первоначально, при заселении Черномории, между черкесами и черноморцами не существовало никакой вражды»⁴⁰⁷, хотя и не все складывалось гладко: нередки были случаи грабежа, пленения людей, мелкие боевые стычки между черкесами и казаками. Изображая вооруженных черкесов рядом с казаками и российскими офицерами, художник снимает ожидаемое от ситуации ощущение натянутости и напряженности в отношениях между людьми расслабленностью их поз, естественным расположением фигур на фоне одиночных кораблей в порту российской крепости. Эта компания на берегу напоминает скорее мирно беседующих соседей, чем непримиримых врагов.

Одной из преград, лежавших на пути дальнейшего сближения северокавказских племен с Россией, являлись противоречия между Россией, с одной стороны, и Турцией, Англией – с другой, вылившиеся в Крымскую войну 1853-1856 гг. В борьбе за овладение ключевыми пунктами на Ближнем Востоке не последнюю роль играла позиция горских племен, населяющих Черноморское побережье Кубани. Помещение репродукции картины «Черкесы на Черноморском побережье» в альбом «Восточная война» отражает немаловажные расчеты воюющих держав на помощь со стороны третьей силы – черкесов. Изображенные на картине горцы в походном облачении расположились на скалистом берегу моря, их взгляды прикованы к одинокому паруснику (турецкой фелуке?) в дали моря. Художник передал в картине ощущение ожидания, надежд и... видимого бездействия со стороны горцев. Местные племена не спешили оказывать активное содействие противникам России в этой войне, после того

---

⁴⁰⁷ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. II. С. 152.

как Турция обманула их надежды на помощь в борьбе за независимость. Более того, стремясь избежать и турецкого владычества на своей земле, горцы участвовали в формировании иррегулярных национальных конных и пеших войск в составе русской армии, и в стихийной партизанской войне с турецкими захватчиками.

Таким образом, рассмотренные произведения не только выражают взгляды и убеждения их авторов, но и служат своеобразной иллюстрацией к историческим реалиям Черноморского побережья начала – середины XIX в.

В монографии Е.Н. Даниловой «Абазины» в качестве иллюстраций к тексту помещены два рисунка работы неизвестных авторов, датированные 40-ми гг. XIX в.: «Сакля Аслан Бека Дударукова за Кубанью» (1842 г.) и «Свадьба в Дударуковском ауле» (40-е гг. XIX в.) (см. **прил. рис. 78**)⁴⁰⁸. Изобразительно подтверждая изложенные в монографии историко-этнографические сведения, они в то же время могут служить дополнительным источником информации и отправной точкой в изучении вопросов организации быта, хозяйственной деятельности абазин. Комментарий к этим работам позволяет ощутить связь традиционной культуры абазин с культурами других горских народов, получить наглядное представление о ее типических чертах и особенностях. Этнографический комментарий предваряет небольшая историческая справка, имевшая непосредственное отношение к изображенным сюжетам.

В поле зрения художников попала этническая группа абазин «тапанта» («жителей равнин»), и оба рисунка сделаны в ауле Дударуковском (ныне с. Псыж), расположившемся на левом берегу р. Кубани, напротив ст. Баталпашинской (ныне г. Черкесск)⁴⁰⁹. В настоящее время абазины проживают, в основном, в Карачаево-Черкесской республике, Ставропольском крае, республике Адыгея и Кабардино-Балкарской республике.

Хотя в кавказоведении не сложилось однозначного мнения по вопросу о времени переселения абазин на Северный Кавказ, большинство исследователей полагает, что начавшись на рубеже XIII-XIV вв., этот процесс завершился к XVII в.⁴¹⁰ В «Книге путешествий» Эвлия Челеби рассказывается о «кабаке Дудуркай» как о «кабардинской деревне, расположенной недалеко от р. Зеленчук». Несомненно, Челеби имеет в виду

---

⁴⁰⁸ Данилова Е. Н. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX в.). М., 1984. С. 90; 122.

⁴⁰⁹ Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989. С. 25.

⁴¹⁰ Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 42-48; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 136; Федоров Я. А. Топонимия Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды. Серия историческая. Вып. 7. Черкесск, 1974. С. 286.

абазин-дударуковцев, а кабаками в ту пору называли группы жилищ, состоявшие из 10 домов⁴¹¹.

Об основателе племени дударуковцев сохранились следующие сведения. При Иване IV выехал служить на Русь князь Казый – Василий Карданукович Черкасский. Родословные русские книги XVII в. дают небольшую роспись «рода абазинских мурз», где дедом князя Василия и отцом мурзы Кардануко назван мурза Дударуко⁴¹². Имеются сведения, что в составе посольства адыгейских князей в Москву, состоявшемся в 1550-е гг., были князья Тутарук Езбозеуков и Алкыч Езборлуков, и именно Туторык упоминается под именем «абазинского Мурзы Дадоруко» в родословной Черкасских князей⁴¹³. По мнению Е.Н. Кушевой, Дударуко был родоначальником фамилии Дударуковых или Даруковых⁴¹⁴. Абазинское население северных склонов хребта рано вошло в орбиту политического и культурного влияния кабардинцев, и вплоть до XIX в. эти народы связывали сложные, противоречивые отношения, обусловленные постепенной утратой абазинами политического влияния. Основной причиной зависимости абазин от кабардинцев была, по мнению Е.Н. Кушевой, нужда в пастбищах для отгонного скотоводства⁴¹⁵. По мнению других северокавказских исследователей, абазины экономически никак не зависели от кабардинцев, и поэтому их зависимость была периодической, связанной исключительно только с военно-политической обстановкой⁴¹⁶. В XVIII в. кабардинские князья не раз вступали в столкновения с крымскими татарами, Турцией за право взимать дань с абазин⁴¹⁷.

По сведениям К. Главани, относящимся примерно к 1724 г., «округ» Дударух имеет 200 жилищ⁴¹⁸. В 1746 г. дударуковцы бежали с берегов Кубани в местность Томеги. Незадолго до 1753 г. они были переведены за вершину Кубани на речки Инжики, т. е. на Зеленчуки. Перед 1787 г. дударуковцы жили на р. Малом Зеленчуке в количестве 400 семейств, а в 1787 г. часть их перевели в верховья Кумы⁴¹⁹. Гнет со стороны кабардинцев вызывал неоднократные переселения, которые скорее можно было назвать бегством. В 1794 г. дударуковцев насчитывалось 3 962 человека,

---

⁴¹¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 158; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 57; Абазины. С. 89.

⁴¹² Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 22-23.

⁴¹³ Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. История. Черкесск, 1985. С. 66.

⁴¹⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 155.

⁴¹⁵ Там же. С. 160.

⁴¹⁶ Проблемы археологии... С. 68.

⁴¹⁷ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия... С. 19.

⁴¹⁸ Абазины... С. 31.

⁴¹⁹ Там же.

т. е. можно говорить о незначительных колебаниях численности этой группы абазин⁴²⁰. Новым фактором, сыгравшим значительную роль в исторической судьбе дударуковцев, стало проведение политики российского правительства на Кавказе. Попытки беглой абазинской знати, кабардинских феодалов взять власть над абазинами не увенчались успехом, встретив отпор и со стороны русских войск. В начале 1780 г. к закубанским дударуковцам бежал кабардинский князь Адыл-Гирей Атажукин, который хотел силой увести за Кубань кумских тапантовцев, но русские войска вернули их назад⁴²¹.

Притеснения со стороны кабардинских князей и неспособного обеспечить их безопасность царского правительства, общая нестабильность политической обстановки сказывались на благосостоянии и численности дударуковцев. В 1804 г. большое ополчение горцев во главе с кабардинским князем Росламбеком Мисостовым угнало за Кубань проживавших на Куме абазин⁴²². Но, не желая оставаться под их гнетом, в 1805 г. на Куму вернулось 133 семьи и только 24 семьи осталось за Кубанью во главе с князем Алим-Гиреем Дударуковым⁴²³. Очевидно, что с 1794 г. численность дударуковцев уменьшилась примерно в 2 раза. В октябре 1808 г. к кумским абазинам прибыли царские войска и взяли заложников от лоовцев и дударуковцев, и большинство проживающих на р. Куме дударуковцев бежали и поселились на р. Малом Зеленчуке в р-не Кошехабля, Причины ухода абазин с Кумы И. Дебу объясняет так: «В 1808 г., когда царской администрацией стали предприниматься попытки к переселению абазин внутрь кордонной линии, последние вновь ушли за Кубань, поселившись там между башилбаевцами и в лесах»⁴²⁴.

С деятельностью А.П. Ермолова на Кубани связана дальнейшая история абазин-дударуковцев. Стремление российского правительства окончательно присоединить Кабарду, вызвало беспокойство и сопротивление кабардинских князей. Начались частые набеги на русские посты и станицы. Ермолов вводит в Кабарду особый «летучий отряд». В ответ на уход кабардинских феодалов на Кубань, начались разорения русскими войсками аулов Закубанья. В конце 1822 г. разрушению подвергся аул Дударуковский. В плен было взято 66 человек⁴²⁵. В 1824 г. он был снова атакован, спавшие жители были захвачены врасплох и разбиты. Спасаясь

---

⁴²⁰ Абзины... С. 31.

⁴²¹ Там же. С. 21.

⁴²² Там же. С. 22.

⁴²³ Там же. С. 31-32.

⁴²⁴ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974. С. 71.

⁴²⁵ Ктиторова О. В. Абзины Северо-Западного Кавказа в исторических событиях и процессах конца XVIII – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2003. С. 88-89.

от разрушения, в 1834 г. аул Дударуковский окончательно осел на левом берегу Кубани, напротив Баталпашинска. В это время в нем насчитывалось 870 душ м. п.⁴²⁶ Принятие российского подданства не гарантировало на первых порах полной безопасности жителям. В том же 1834 г. полтора ста кабардинцев, убыхов и др. напали на «абазинского владельца Дударукова аул», 40 жителей и весь скот попали в руки нападавших. Но на обратном пути казаки отняли у них часть пленных и скот⁴²⁷.

Тапанта с 1834 г. прочно вошли в состав России, и опустошительные набеги со стороны кабардинцев практически прекратились. Численность дударуковцев до 1859 г. немного сокращается и в 1856-1858 гг. составляет 1 424 жителя или 112 дворов⁴²⁸. Абазины в числе первых стали переселяться в Турцию, первые случаи уже имели место в 1858 г. Этот процесс, несомненно, затронул и дударуковцев, поскольку в 1868 г. их насчитывалось всего 955 человек⁴²⁹. Дальнейший рост Дударуковского аула происходит за счет нарушения единого этнического состава, притока представителей других национальностей. По данным 70-х гг. абазин-дударуковцев было 969 человек или 76,5 % от общего числа жителей аула⁴³⁰. В 1883 г. аул насчитывал 1 334 человека, в 1894 г. – 1 780 жителей, их них 73,3 % коренного населения⁴³¹.

Решающую роль в сокращении численности абазин сыграли насильственные перемещения и бегства, а также военные столкновения с кабардинскими, российскими отрядами и переселение в Турцию. Все это привело к тому, что князья Дударуковской фамилии во многом утрачивают свое экономическое могущество, сохраняя политическое влияние в племени. Этим в какой-то степени объясняется тот факт, что в 1842 г. художник изобразил дом князя, не совсем похожий на дома богатых чеченцев, которые мы видим на акварелях Клингера⁴³². Комната немного пустовата, но черты бедности не характерны ни для внешнего вида, ни для внутреннего убранства недавно построенного дома. Со временем князья Дударуковы значительно улучшат свое экономическое положение, успешно используя выгоды более тесного сотрудничества с Россией. Члены рода Дударуковых в 40-60-е гг. служили в Кавказском линейном казачьем войске, в Хоперском, Лабинских и Урупских полках⁴³³. Побывав в 1937 г. в с. Псыж Л.И. Лавров из беседы с местными

---

⁴²⁶ Волкова Н. Г. Этнический состав населения... С. 71.

⁴²⁷ Абазины... С. 25

⁴²⁸ Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 27 .

⁴²⁹ Абазины... С. 92 .

⁴³⁰ Там же. С. 95.

⁴³¹ Там же. С. 29.

⁴³² Виноградов В. Б. Памяти вечная нить. Грозный, 1988. С. 91-92.

⁴³³ Ктиторова О. В. Указ. соч. С. 102.

жителями узнал, что по преданиям, князя Дударуковы считались очень богатыми. Славился их конский завод, специализировавшийся на разведении скакунов кабардинской породы. Приходя по делу к Дударуковым, жители не могли переступить порог их дома⁴³⁴.

Первый рассматриваемый нами рисунок «Сакля князя Аслан Бека Дударукова за Кубанью» помещен в альбоме «Типы Кавказа». На нем дом князя показан снаружи и изнутри. К моменту окончательного поселения напротив Баталпашинска аул насчитывал 870 душ м. п., а если учесть, что у абазин были распространены как малая, так и большая семья из 7-20 человек, то количество дворов в ауле перевалило за сотню. Достаточно крупные по тем временам размеры аула объясняются тем, что близ Кубани постоянная военная опасность заставляла, а ландшафтные условия позволяли населению селиться большими многодворными селами. В.П. Кобычев определял такие поселения как полигенные (соседско-общинные) скученного типа⁴³⁵.

На рисунке изображено прямоугольное в плане строение, состоящее из двух помещений, объединенных общей крышей, но разделенных широким промежутком. Одно из помещений (с входной дверью и окном), видимо, комната главы семьи. Однозначно определить назначение второго помещения сложнее, для этого обратимся к известным нам типам планировки усадьбы абазин.

Вариант хозяйственной постройки отпадает, поскольку хотя у абазин и не было четкого расположения хозяйственных и жилых построек, одно было несомненно: как у черкесов и абхазов, так и у абазин хозяйственные постройки не соединялись с жилым домом⁴³⁶. Все они располагались подальше от входа в усадьбу и отделялись от дома изгородью.

Не исключено, что это помещение может являться кунацкой, поскольку князь не мог позволить себе строительство отдельного помещения для гостей. Но обычно кунацкую строили рядом с усадьбой, за отдельной оградой.

В начале XIX в. абазин строили на усадьбе отдельные однокомнатные жилые дома, для женатых сыновей, к 60-70-м гг. абазин стали делать пристройку к основному дому изолированной комнаты для женатого сына, так что и такой вариант определения назначения второго помещения вполне возможен.

О конструкции самого дома, можно говорить более определенно. Дома рядовых общинников и даже князей в те времена были турлучные.

---

⁴³⁴ Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982. С. 25.

⁴³⁵ Кобычев В. П. Указ. соч. С. 24-25.

⁴³⁶ Зверева Ю. И. Поселения абазин в XIX – начале XX вв. (Историко-этнографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 17-18.

В течение всего XIX в. турлук, т. е. плетень, обмазанный глиной с добавлением половы или рубленой соломы (как и в древние времена – см. выше) был основным строительным материалом на всей обезлесенной Предкавказской равнине⁴³⁷. Кроме того, строить основательные дома при постоянных перемещениях с места на место не имело смысла⁴³⁸.

Перед постройкой дома у абазин, как и у других кавказских, народов, существовал обычай проверки земли на месте будущего строительства на пригодность. Например, рыли не очень глубокую яму, а затем засыпали ее землей. Если земля полностью заполняла ее и еще оставалась с верхом, то место считали удачным. Иногда на месте будущего дома в вырытую яму ставили кувшин, наполненный водой, и оставляли его на несколько дней. Если по прошествии некоторого времени вода в кувшине не убавлялась, то это считали хорошим признаком. После приглашали муллу, который освящал это место, читая молитвы⁴³⁹. В описании Ф.Ф. Торнау строительство такого дома выглядело следующим образом: «Устанавливали ряд столбов от десяти до пятнадцати шагов в ширину, промежутки между столбами забирали плетнем, обмазанным глиной, перемешанной с соломой, и дом готов»⁴⁴⁰. С внешней стороны стены укрепляли вертикально поставленными столбами. На рисунке хорошо видны отдельные столбы, на которых держится крыша с правой стороны, т. е. крыша не связана конструктивно со стенами, что было характерно для всех видов турлучных жилищ. Отсутствие подобных столбов на левой половине дома объясняется, видимо, тем, что правая половина крыши больше и несет дополнительную нагрузку в виде дымаря и трубы.

Крышу делали следующим образом: на стропила укладывали тонкие жерди, привязывая их крепкими ветками, или делали плетень – обрешетку, а поверх его настилали крышу соломой или камышом, при этом, закрепляя ее связлом⁴⁴¹. Художник тщательно, с передачей каждой особенности изобразил покрытие крыши и удерживающие его жердочки. Потолка в доме не делали, в этом мы можем убедиться, глядя на изображение внутреннего убранства жилища.

Дома абазины строили фасадом на юг, это подтверждается на рисунке тем, что фасадная сторона ярко освещена, и крыша отбрасывает тень на западную сторону. Вход в жилище находится с правой стороны, в чем проявилось свойственное большинству народов Кавказа, предпочтение правой стороны во всем⁴⁴². Высокая труба конусообразной формы

⁴³⁷ Кобычев В. П. Указ. соч. – С. 86.

⁴³⁸ Абазины... С. 102.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же. С. 101.

⁴⁴¹ Там же. С. 102.

⁴⁴² Кобычев В. П. Указ. соч. С. 142.

сплетена из прутьев, сверху обмазана глиной и находится слева от входа у фасадной стены⁴⁴³. Подобное расположение очага зафиксировал в этнографических наблюдениях Л.И. Лавров в 1937 г. в с. Псыж, отметив, что такие конусообразные плетенки (трубы – Авт.) располагаются не в центре крыши, а сбоку фасадной стены⁴⁴⁴. Очаг делил жилую площадь на две функциональные половины, и то, что правую половину жилища отдавали в пользование женщинам, а левую предоставляли мужчине, гостю, противоречит утверждению о предпочтении правой стороны. Это обстоятельство В.П. Кобычев объясняет сохранившимся в памяти у многих горских народов представлением о некогда высоком социальном положении женщины и взгляде на жилище как место приложения преимущественно женского труда⁴⁴⁵.

В организации интерьера, который зависел от богатства семьи, очаг играл ведущую роль. «Его фактически отождествляли с жилищем, вместе с ним надочажную цепь и котел почитали святыней, и устраивали только в главной комнате»⁴⁴⁶. На рисунке мы видим открытый очаг, устройство которого было довольно простым: каменная плита – место для кострища – обкладывалась камнями. Над очагом находится вставленный в вытяжное отверстие дымарь прямоугольной формы. Скорее всего, он не плетеный, а сколочен из досок, поскольку имеет видимую плоскую поверхность сторон и острые углы.

Недалеко от очага, у левой стены находится почетное место – место хозяина, рядом с которым делалось в стене отверстие. Окном его нельзя назвать: слишком мало света оно пропускало. Скорее, оно служило для наблюдения за тем, что делается во дворе⁴⁴⁷.

Художник изобразил хозяина, сидящим на деревянных нарах, которые служили для сна. Одна единственная подушка на нарах подчеркивает невысокий достаток семьи. Двое мужчин, возможно, гостей, удобно расположились на низеньких широких деревянных скамейках, за невысоким круглым деревянным столиком – непременным атрибутом абазинского жилища. Нельзя однозначно сказать, какое угощение им подали на большом блюде, но, судя по тому, что гости берут его руками, возможны следующие версии. Основу суточного рациона абазин составляла крутая просяная каша – баста. Ее нарезали квадратными кусками и подавали вместо хлеба⁴⁴⁸. Большую роль в рационе занимали

---

⁴⁴³ Абазины... С. 105.

⁴⁴⁴ Лавров Л. И. Указ. соч. С. 142.

⁴⁴⁵ Между тем, у ряда народов отдается предпочтение левой стороне, как близкой сердцу, и именно она является главной. – *Ред.*

⁴⁴⁶ Кобычев В. П. Указ. соч. С. 130.

⁴⁴⁷ Там же. С. 87.

⁴⁴⁸ Абазины... С. 114.

блюда из вареного или печеного теста, просяные, кукурузные или пшеничные. Гостям могли подать хампол – круглые лепешечки или колобочки с дырочкой посередине из кукурузной муки. Из просяной или кукурузной муки изготавливали также чуреки в виде пресных лепешек или колобков, жареных в масле на сковородке. Для приема гостей могли сделать мучные пирожки с сыром, жареные пышки, корзиночки с начинкой из халвы⁴⁴⁹. Рядом со столиком стоит кувшин, из которого гостей могли угощать слабоалкогольным напитком бузой, прохладительными напитками или медовой водой⁴⁵⁰. Еще в каждом доме и кунацкой был медный кувшин, предназначенный для омовения перед совершением намаза.

В завершение описания видимого нами внутреннего убранства дома отметим висящее на стене холодное оружие. Оно, а также конская сбруя, висели обычно на деревянных гвоздях, которые втыкали в стену уже во время строительства дома, и также служили показателем богатства и могущества семьи.

В целом можно отметить, что художник изобразил увиденное жилище подробно, почти с фотографической точностью, подтверждая дошедшие до настоящего времени сведения по этнографии абазинского жилища. Установление личности автора рисунка, возможно, дало бы большой простор для размышлений исследователя.

Следующий акварельный рисунок «Свадьба в Дударуковском ауле» относится к 40-м гг. XIX в. и взят из «Кавказского альбома» (ГИМ). Автор его также не известен, но по манере выполнения работа существенно отличается от вышеописанной большей вольностью в передаче и трактовке увиденного, меньшей детальностью. Кажется, что рисунок сделан художником непосредственно во время торжества, под впечатлением от увиденного события из жизни села. Этим объясняется и своеобразная композиция рисунка: на переднем плане слева – три всадника в национальной одежде, справа, ближе всего к зрителю, – спешившийся абазинец, держащий под уздцы двух лошадей. Молодые люди, гости из соседних селений, съезжались на свадьбу на лошадях. Когда ехали за невестой, на всем пути устраивали скачки, пальбу из ружей. На самой свадьбе часто стреляли в честь девушек, почетных гостей, стариков. Ружейные выстрелы в честь молодой служили средством отвращения порчи от нее⁴⁵¹. Перед основным свадебным торжеством, или, так называемой, большой свадьбой, невеста некоторое время проводила, в доме

---

⁴⁴⁹ Абазины... С. 115.

⁴⁵⁰ Там же. С. 120-121.

⁴⁵¹ Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 172-173. Эта традиция прослеживается у горцев и в наше время, служа нередко причиной несчастных случаев на свадьбах (Ред.).

родственников или друзей жениха – «промежуточном», или, как его называл М.О. Косвен, «другом доме», где устраивали угощения, происходили тайные встречи жениха и невесты⁴⁵².

Основное свадебное торжество происходило в доме родителей жениха и всегда, отличалось многолюдством. Рассылались особые глашатаи, собирались все родственники жениха, соседи и жители других селений⁴⁵³. Неизвестный художник добросовестно изображает это скопление народа во дворе, расположившуюся на крышах детвору. Да и сам автор рисунка мог быть незнакомым человеком, случайно оказавшимся в селении, появление которого на торжестве одобрительно встречалось селянами. Большинство исследователей отмечают неучастие в свадьбе старшей родни невесты и пассивность родителей жениха⁴⁵⁴.

Непременным участником свадеб у разных народов был своего рода распорядитель, который произносил речи, веселил присутствующих, чередовал свадебные развлечения, собирая различные «выкупы» – за невесту, танцующих и т. д., часть этих денег поступала музыкантам⁴⁵⁵.

Центральным обрядом на свадьбе являлся обряд ввода невесты в большой дом родителей жениха, приобщение ее к новому домашнему очагу. У абазин невесту сразу не вводили в дом, некоторое время она должна, была стоять в кругу танцующих с двумя родственницами мужа по сторонам. Возможно, именно этот момент и запечатлел художник: фигуры стоящих в хороводе и взявшихся под руки мужчин и женщин нечетко различимы, но угадываются женские фигуры и одна высокая, мужская, возможно, распорядителя, внутри круга.

Под звуки старинной мелодии невесту вводили в дом, на пороге ее осыпали сладостями и мелкими монетами, под ноги бросали овечью шкуру⁴⁵⁶. Подобные элементы свадебного обряда встречаются у кабардинцев и черкесов. У них также расстилали у порога дома сырую баранью шкуру, молодую осыпали фундуком, грецкими орехами⁴⁵⁷. Целью этих магических обрядов была забота о том, чтобы молодая прошла по жизни так же мягко, как по шкуре, была плодovита, жила в достатке⁴⁵⁸.

В изображении этнографических деталей автор рисунка, может быть, не так подробен, как вышеупомянутый художник, но наиболее запоминающиеся черты внешнего облика жилища, людей передает в рисунке

---

⁴⁵² Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа во второй половине XIX – XX веке. Опыт этнорегионального исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1983. С. 59.

⁴⁵³ Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 169.

⁴⁵⁴ Абазины... С. 167; Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 60.

⁴⁵⁵ Абазины... С. 167; Смирнова Я. С. Указ. соч. С. 60-61.

⁴⁵⁶ Абазины... С. 167.

⁴⁵⁷ Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 174.

⁴⁵⁸ Сравнительный материал по свадебным обычаям на Северо-Восточном Кавказе см. также: Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе... / Н. Н. Великая [и др.]. С. 103-120.

с присущими ему стилевыми особенностями. Трубы дымарей изображает большими, округлой, удлиненной формы и почти не связанными конструктивно с внутренней частью дома. На одном из домов хорошо видны закрепляющие покрытие крыши прутья. Таким образом, сравнивая соответствующие фрагменты рисунков, можно говорить о достаточной их достоверности.

На обоих рисунках имеются изображения абазин в национальной одежде, которая также может служить объектом внимательного рассмотрения, хотя художники не стремились к подробной прорисовке деталей. Мужчины одеты в традиционные для горских народов Кавказа бешмет и черкеску, причем в литературе отмечается, что «платье, как мужское, так и женское – совершенно черкесское»⁴⁵⁹. Но, как писал в XIX в. Н.Н. Дубровин, в одежде абазин имеются две особенности: «Кафтан с нашитыми на груди патронами абазинины носят гораздо короче черкес и обвивают башлык около шапки в виде чалмы... Черкесы подобным образом башлык никогда не носят»⁴⁶⁰.

Из мужской обуви наиболее распространенными были ноговицы из войлока или сафьяна, которые делались выше колен и носились с чувяками. Распространены были мягкие сафьяновые сапоги с коротким голенищем, которые также носили в сочетании с чувяками⁴⁶¹. На втором рисунке мы можем различить два вида головных уборов – высокую меховую папаху, которую носили зимой, а по торжественным дням и летом, и войлочную шляпу черного или серого цвета с широкими полями, которая лучше защищала от солнца.

Изображения женщин на втором рисунке еще более схематичны, чем мужские. Абазинки одеты в длинные платья, по покрою сходные с мужской черкеской, на головах у них шапочки, покрытые платком или шарфом, концы которых заброшены назад, за плечи.

Анализ изобразительных сюжетов бытовой культуры абазин вкупе с использованием данных других исторических источников, исторических и этнографических исследований позволяет сделать выводы: авторы рисунков достаточно объективно, но в присущей каждому творческой манере отразили специфические черты внешнего облика абазинцев, убранства их жилища; запечатлели фрагмент бытового обряда – свадебной церемонии. Рисунки дают возможность для наглядного сравнения отраженных фрагментов культуры и быта абазин с бытовой культурой других северокавказских народов, позволяют выделить общие

---

⁴⁵⁹ Абазинины... С. 127.

⁴⁶⁰ Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура. Черкесск, 1985. С. 135.

⁴⁶¹ Абазинины... С. 129-130.

и отличные черты: в конструкции и материале для изготовления жилища, расположении женской и мужской частей дома, гостевых помещений, хозяйственных построек. Во внутреннем убранстве общими для всех северокавказских народов являются следующие элементы интерьера и их значение: символический смысл и практические функции очага, простота внутреннего убранства, украшение стен оружием и упряжью, сходство в интерьере хозяйского дома и кунацкой и т. п.

3.2. Кубанские казаки в изобразительном искусстве

Предметом нашего рассмотрения в данной части работы является художественное отображение в изобразительном искусстве истории кубанского казачества, его роли в «сложном, многокомпонентном полиэтничном историческом процессе поступательного складывания неразрывного российско-кавказского единства в границах общей державы»⁴⁶². Возрождение кубанского казачества, становление его как самобытной этнической группы, со своими традициями, материальной и духовной культурой, невозможно без всестороннего и полного изучения его исторического прошлого. В качестве необходимых предпосылок для этого в настоящее время возникла необходимость в расширении источниковой базы за счет привлечения новых материалов по истории казачества. Значительное место среди них занимают живописные работы, гравюры и литографии, рисунки и акварели. На их информативную ценность обращают внимание многие историки, исследователи казачьей культуры (Б.Е. Фролов, О.В. Матвеев, И.А. Баранкевич, В.А. Колесников и др.). Многие из этих произведений изобразительного искусства имеют самостоятельную художественную ценность. В литературе, освещающей историческое прошлое Северного Кавказа и Кубани, в частности, особо выделяются издания с репродукциями произведений художников XIX в., посвященными казачьей тематике. Их вполне достаточно, чтобы обобщить, систематизировать и изучить. Наиболее общее деление можно провести по территориально-этническому признаку, поделив все изображения на «черноморцев» и «линейцев».

С казацкой «вольницей» Запорожья Екатериной II было покончено в 1775 г. Новое казачье войско возрождалось на условиях полного подчинения самодержавию. Формирование войска «верных казаков» в 1788 г. было поручено атаманам Сидору Белому и Зиновию Чепеге. Это войско участвует в османо-российской войне 1787-1791 гг., где и получает название

---

⁴⁶² Виноградов В. Б., Лукаш С. Н. Новое в изучении линейного казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. 3-я Международная конференция. Армавир, 2002. С. 5.

Черноморского. В 1792 г. жалованной грамотой императрицы Черноморскому войску в вечное владение передавалась правобережная Кубань от устья реки до Усть-Лабинского редута, и на него возлагалась задача охраны границы от набегов закубанских народов⁴⁶³.

При заселении Кубанского края черноморцы строго определенного обмундирования не имели, и их облик во многом сохранял традиционные запорожские черты. На рисунке Е. Корнеева «Черноморский казак» (начало XIX в.), помещенном в книге «Народы Кавказа» (Париж, 1813) молодой воин изображен в широких шароварах, подпоясанный кушаком (см. прил. рис. 78). На нем кунтуш с откидными рукавами, высокая мерлушковая шапка. На ногах сафьяновые сапоги с высокими каблуками. Вооружение казака состоит из длинного ружья за спиной, кривой турецкой сабли, ножа и пистолета за поясом⁴⁶⁴.

Если раньше на вооружении у казаков было короткое копье, то у изображенного на рисунке в руках длинная пика, получившая широкое распространение после 1814 г. Воин хоть и сохранил достаточно длинные усы, но утратил свою чуприну, и голова не брита. Один из наиболее серьезных исследователей казачьего оружия и одежды И.Д. Попко приводит в своей работе «Боевое снаряжение и типы черноморских казаков в исходе XVIII – начале XIX века» подробное описание парадного убранства казака того времени, где упоминаются и кунтуш, и исподний кафтан, и кушак «дорогой шелковой узорчатой или даже парчевой материи». Но, как отмечают современные исследователи, в частности, Б.Е. Фролов, Попко опирался на не слишком надежные ретроспективные источники. А документальные материалы свидетельствуют о гораздо более скромном внешнем виде черноморцев. «Мы не найдем, – пишет Фролов, – кунтуша даже в гардеробе войскового судьи А. Головатого, одного из самых богатых людей в Черномории⁴⁶⁵. Это подтверждает и портрет Головатого того времени, на котором атаман изображен без всякого кунтуша и головного убора⁴⁶⁶.

Пик интереса европейских художников к казачьей тематике приходится на эпоху наполеоновских войн и связан с участием черноморцев в сражениях против французской армии на территории России и европейским походом русской армии. От черноморского войска в войне 1812 г.

---

⁴⁶³ Прошлое и настоящее Кубани в курсе Отечественной истории. С древнейших времен до 1917 г. Краснодар, 1994. Ч. 1. С. 71.

⁴⁶⁴ Короленко П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Екатеринодар (Минеральные Воды), 1896 (1991). С. 35-36.

⁴⁶⁵ Фролов Б. Е. Труды И.Д. Попко как исторический источник по одежде и вооружению черноморских казаков // Памяти Ивана Диомидовича Попко. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня смерти историка. Краснодар, 1994. С. 32.

⁴⁶⁶ Очерки истории Кубани... С. 176.

участвовали 1-й сводный конный полк и 9-й пеший полк, а также личный состав гвардейской конной сотни, отличавшейся отменным воинским мастерством и храбростью⁴⁶⁷. Черноморские казаки входили и в состав знаменитого летучего корпуса генерала М.И. Платова⁴⁶⁸.

Заграничный поход русской армии явился кульминационным пунктом европейской славы казаков – «казачья натура» появилась в Европе, «степные варвары» встали бивуаком на Елисейских полях. Хорошие отношения между казаками и парижанами быстро наладились, и казаков стали рисовать много и охотно⁴⁶⁹. В альманахе «Казачий круг» помещены репродукции рисунков К. Верне «Галантный казак», акварели Опица «Казак на парижском рынке», «Казаки на берегу Сены», рисунок Марле «Казаки и уличный театр марионеток», Заурвейда «Лейб-казаки на бивуаке», Клейна «Казаки на походе» и др. (см. прил. рис. 80-84) На них казаки (среди них наверняка есть и черноморцы) изображены в непосредственном общении с парижанами. Офорты Клейна, например, замечательны по своей реальности – именно такими, наверное, и были казаки того времени на бивуаках и походах⁴⁷⁰.

Изображения казаков того времени представлены также рисунками «Казак и урядник» (1816-1820), «Казак Черноморской сотни», акварелью «Черноморские казаки»⁴⁷¹ и др. (см. прил. рис. 85). Что касается их внешнего вида, то казакам Черноморской сотни предписывалось одеваться в красные суконные куртки, сверху которых надевались синие, с черным бархатным воротником. На воротниках были нашиты петлицы из узорной тесьмы, на плечах сверкали эполеты. Синие шаровары были заправлены с напуском в желтые сафьяновые сапоги. На голову надевались круглые с низким околышем смушковые шапки. У каждого казака за спиной висел спис – короткая пика, ружье, за поясом и на боках находились сабля, пистолет, длинный нож в кожаных ножнах и другие принадлежности⁴⁷². Именно таких казаков мы видим на рисунке «Атака казаками Черноморской гвардейской сотни французских гусар 14 июня 1812 г. при г. Троках»⁴⁷³. Остальным черноморцам с 1814 г. предписано было носить высокие барашковые кивера, тесные синего сукна куцые куртки с откидными рукавами и узкие немецкие штаны, которые пришли на смену

---

⁴⁶⁷ Матвеев О. В. Слово о кубанском казачестве... С. 95.

⁴⁶⁸ Там же. С. 96.

⁴⁶⁹ Казаки в изображении иностранных художников // Казачий круг. Спец. выпуск. М., 1991. Ч. 2. С. 67.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Очерки истории Кубани... С. 297; Матвеев О. В. Слово о кубанском... С. 96; Лермонтов в Тамани. Путеводитель. М. : Внешторгиздат, 1988.

⁴⁷² Матвеев О. В. Слово о кубанском... С. 132-133.

⁴⁷³ Там же. С. 132.

запорожским шароварам⁴⁷⁴. Подобных казаков мы видим на акварели «Черноморские казаки» (XIX в.), опубликованной в путеводителе «Лермонтов в Тамани»⁴⁷⁵. Сама же акварель находится в экспозиции Дома-музея М.Ю. Лермонтова в Тамани.

Быстрее всех элементы вооружения и одежды горских народов заимствовали линейцы, которые до начала 30-х гг. не регламентировались в форме одежды. Что касается черноморцев, то в не слишком удобной для них форме одежды они ходили до 1840 г., и лишь 1 ноября 1840 г. основу их одежды и вооружения составили черкесские образцы⁴⁷⁶ (см. прил. рис. 86). На рисунке «Формы лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона 1840-1850-х гг.» мы видим казаков в папахах, черкесского типа мундирах с газырями⁴⁷⁷.

На другом полюсе войсковой должностной иерархии, в самой гуще военных стычек с горцами находились пластуны. Щербина пишет о пластунах: «Пластуны одеваются как черкесы, и притом, как самые бедные черкесы. Это оттого, что каждый поиск по теснинам и трущобам причиняет сильную аварию их наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцветными... кожаными заплатами, папаха вытертая, порыжелая... чувяки из кожи дикого кабана щетиною наружу – вот будничное убранство пластуна»⁴⁷⁸. Современные историки немало внимания уделили изучению этой части Черноморского войска. Б.Е. Фролов приводит удачное определение пластунов, данное И.Д. Попко: «Особенный, единственный в своем роде разряд стрелков-разведчиков, предприимчивых, мужественных, неусыпных, которых могли вызвать и воспитать только известная местность и известные военные обстоятельства»⁴⁷⁹. Сам Б.Е. Фролов определяет значение этого названия следующим образом: казаки Черноморского казачьего войска из числа охотников-профессионалов, объединенные впоследствии в особые команды, специализировавшиеся на несении разведывательной и сторожевой службы вдоль кордонной линии по р. Кубань; личный состав пеших пластунских батальонов Кубанского казачьего войска⁴⁸⁰. Ф.А. Щербина приводит описание пластуна, сделанное их современником, офицером-черноморцем: «Прибавьте к этому сухарную сумку за плечами, добрый

---

⁴⁷⁴ Матвеев О. В. Слово о кубанском... С. 214.

⁴⁷⁵ Лермонтов в Тамани...

⁴⁷⁶ Матвеев О. В. Слово о кубанском... С. 214.

⁴⁷⁷ Щербина А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 128; См. также: Науменко В. Е., Фролов Б. Е. Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион (1811-1861 гг.). Краснодар, 2002.

⁴⁷⁸ Там же. С. 497.

⁴⁷⁹ Фролов Б. Е. Черноморские пластуны // Проблемы историографии и истории Кубани : Сб. научных трудов. Краснодар, 1994. С. 98.

⁴⁸⁰ Там же.

штуцер в руках, привинтной штуцерный тесак с деревянным набойником спереди, около пояса, и висящие с боков пояса, так называемые, причиндалы: пороховницу, кулевницу, отвертку, жирник, шило из рога дикого козла, иногда котелок, иногда балалайку или даже скрипку»⁴⁸¹.

Само название «пластуны» появилось еще в Запорожской Сечи. Поначалу это были «охотники»-добровольцы, вызвавшиеся нести службу в пикетах на «порубежных» границах войска Запорожского. В пластуны отбирались самые выносливые и находчивые казаки, умеющие хорошо владеть огнестрельным и холодным оружием. По роду их деятельности в дозоре или в тылу неприятеля им приходилось нередко часами, не шелохнувшись, слившись с окружающей местностью лежать «пластом» на земле и вести наблюдение. Отсюда, по одной из версий, и пошло название «пластун»⁴⁸². В Черноморском войске пластунов ценили как искусных разведчиков, которые нередко забирались в черкесские аулы. Вот почему казаки на приведенной картине так похожи на черкесов, причем на самых бедных.

Если в начале XIX в. разрозненные группы пластунов имелись в каждом полку, то в 30-е гг. появляется первая пластунская команда в полку князя А.И. Бяратинского, а в 1842 г. пластуны были признаны как особый род войск при 12 конных полках и 9 пеших батальонах Черноморского казачьего войска⁴⁸³.

Профессия пластуна в войске была окружена особым почетом и передавалась по наследству. Образ пластуна можно считать воплощением народных представлений о мужественном, верном, умелом, хитром казаке-воине, достойном противнике черкеса и верном друге своего брата-казака. В приложении к журналу «Всемирная иллюстрация» помещена репродукция гравюры «Пластуны в засаде» (с акварели Т. Горшельта, рисовал Г. Князев, гравировал К. Вейерман) (см. прил. рис. 87). На ней изображена группа пластунов в прикубанских плавнях. Одни казаки напряженно вглядываются вдаль в поисках неприятеля. Лица других спокойны, они как будто даже прячут усмешку в густых усах. О таких казаках писал Щербина: «...Сквозь сильный загар пластунского лица пробивается добродушие, которое легко провести и вместе с тем суровая воля и убеждение, которые трудно погнуть или сломать»⁴⁸⁴.

Известна нам и еще одна литография «Пластуны» автора Н. Брезе, отпечатанная в литографии Р. Берендгофа (см. прил. рис. 88). На ней группа пластунов выбирается из камышовых зарослей с ружьями наизготовку,

⁴⁸¹ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 497.

⁴⁸² Матвеев О. В. Слово о кубанском... С. 119.

⁴⁸³ Там же. С. 122.

⁴⁸⁴ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 497.

осматриваясь в поисках неприятеля. Их внешний вид максимально близок к образу «бедного черкеса» – неказистые головные уборы, рваные черкески. Приблизженный к реальному облик пластуна мы видим на акварели из походного альбома Н.И. Поливанова «Казак пластун и калмык (Суджук-Кале, 8 июля 1836 г.)» (см. прил. рис. 34)⁴⁸⁵. На ней казак изображен в совершенно затрапезного вида короткой рубаше с длинным рукавом, рваных штанах чуть ниже колена, неопределенного вида обуви типа чувяк и неказистой папахе. В руках у него ружье и посох-рогатка (он служит для прицельной стрельбы), на который он опирается⁴⁸⁶.

Все эти четыре (а их, несомненно, гораздо больше!) известных нам изображения пластунов похожи тем, что показывают казаков в их естественном быту, привычных сценах «охоты» на противника, без которых невозможно представить свою жизнь. Исследователи отмечают, что они были равнодушны к хозяйству, сельскому труду, не стремились обзаводиться семьей. Поэтому мы и не увидим изображений этих казаков в быту, кругу близких. Образом жизни пластунов стали постоянный поиск противника, опасности и военных приключений⁴⁸⁷.

В меньшей степени, нежели черноморцы, в живописи и графике представлено линейное казачество, которому в последнее время исследователи уделяют должное внимание. Произведения живописи и графики того периода могут оказать существенную помощь в создании более полных и точных представлений о казачестве Старой и Новой Линий первой половины XIX века⁴⁸⁸. Неоценимым источником служат они для специалистов по униформологии и оружейведению. Широко используются крупнейшими специалистами в области изучения форменной одежды Кубанского казачества, историками Б.Е. Фроловым, О.В. Матвеевым и др., в специальной и учебной литературе⁴⁸⁹.

Отметим, что пик интереса художников-любителей и профессионалов к военно-казачьей тематике вообще и линейцам в частности приходится на годы активных военных действий последних против горцев. На рисунках и акварелях 20-40-х гг. линейцы изображены в одежде и с вооружением, унифицированными по черкесскому образцу. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает специфику казачьей службы на Линии. «Казаку некогда было оглядываться кругом, когда все его внимание было обращено вперед

⁴⁸⁵ Махлевич Я. Л. Указ. соч. С. 74.

⁴⁸⁶ Там же. С. 67.

⁴⁸⁷ Фролов Б. Е. Черноморские пластуны... С. 105.

⁴⁸⁸ Чернова Л. Н. Линейное казачество в живописи и графике XIX в. // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска : Материалы научно-практической конференции. Армавир, 1998. С. 37.

⁴⁸⁹ Матвеев О. В. Форменная одежда...; Матвеев О. В., Фролов Б. Е. Очерки истории форменной одежды...; История казачества России : учебное пособие. Ростов н/Д., 2001.

на врага-горца, которого нужно было не выпускать из виду... и собственно для маскировки от которого и была перенята черкеска»⁴⁹⁰.

Так, например, к линейцам мы условно относим казаков на иллюстрациях к объемному труду «Линейцы»⁴⁹¹. На литографии неизвестного автора «Схватка горцев с казаками» (40-е гг. XIX в.) на фоне горного аула в мареве жаркой битвы среди солдат регулярной армии различимы несущиеся на лошадях казаки с пиками в руках. Детали облика всадников – черкески, шапки, обшитые мехом, говорят о принадлежности их к линейцам. Поселившись на Линии, линейное казачество изначально вошло в состав регулярной армии в качестве подвижной кавалерии и постоянно осуществляло совместные боевые операции, тем более что старших офицеров в казачьих полках назначали обычно из армейских чинов, служивших в кавказской армии.

Литография Д. Россова «Взятие горского укрепления русскими войсками» (1858 г.) демонстрирует еще один пример боевого содружества. Укрепление на вершине горы кажется надежно защищенным каменными стенами. Внимание художника сосредоточено на переднем плане, в гуще русских войск. Именно отсюда ведется артиллерийский обстрел, в подзорную трубу наблюдают командиры за ходом сражения. Здесь же гарцуют на лошадях и бравые линейцы.

Литография «Пленение казака с женою» (40-е гг.) изображает один из нередких на Линии случаев пленения казачьей семьи. Жители линейных станиц постоянно подвергались опасности нападения со стороны горцев, особенно, работая в поле, выезжая за пределы станицы. Пленных казаков из плена либо выкупали, либо обменивали, случались и побегии из неволи. Фигура казака на литографии полна сдержанного достоинства, угрюмо шагает он по каменистой тропе, весь в думах о судьбе своей и жены, ведь молодую, привлекательную женщину вполне могли продать в Турцию или другую ближневосточную страну. О судьбе пленных любопытно свидетельство очевидца тех событий – поляка Т. Лапинского. «Казаки, попадающие в плен к адыгам, часто тоже выкупаются своими семействами за высокую цену; напротив, военнопленный линейный солдат имеет мало надежды увидеть свой полк... Больше всего достойны сожаления бедные женщины и дети черноморских казаков и поселенцев, которые похищаются адыгами. Здоровая женщина, которая может еще рожать детей, освобождается только за большой выкуп, и так как абазы знают, что русские женщины во многих домашних работах искуснее, а также работоспособнее, чем их собственные, то они не очень спешат с их продажей»⁴⁹².

⁴⁹⁰ Матвеев О. В. *Форменная одежда...* С. 7-8.

⁴⁹¹ Басханов А. К., Басханов М. К., Егоров Н. Д. *Линейцы. Очерки истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области.* Никосия, 1996.

⁴⁹² Лапинский Т. *Указ. соч.* С. 148.

На литографиях «Казачий пикет» и «Казачий пост на Кавказской военной линии» показаны казачьи пикеты – сторожевые вышки, шалаши, обнесенные плетнем (см. прил. рис. 89, 90). Отсюда велось наблюдение за границей, и в случае тревоги поджигались смоляные бочки – т. н. «фигуры». Это длинные жерди, установленные недалеко от поста, вблизи вышки, обвитые сеном, соломой, пенькой или паклей и политые нефтью; на самой вершине этих шестов привязывается куль или укрепляется небольшая кадка, наполненная также пенькой с нефтью⁴⁹³. После получения сигнала нарочные должны были оповестить население и военные силы об опасности. Высокие шапки изображенных на этих литографиях казаков несколько напоминают мерлушковые шапки черноморцев, но мы вполне допускаем бытование таких головных уборов и на Линии⁴⁹⁴.

К сожалению, нам почти неизвестны те произведения изобразительного искусства, которые позволяли бы совершенно определенно говорить не только об авторе, но и месте, обстоятельствах выполнения работ. Поэтому особенно ценны акварели швейцарского художника И. Мейера, изученные и представленные широкой публике исследователем-лермонтоведом Я.Л. Махлевицем. Красочные и подробные акварели «Лагерь» и «Сражение» были выполнены художником с натуры в 1843 г. и, как установлено по архивным документам, изображают поход генерала В.О. Гурко во главе отряда 14-15 июня в районе нынешней ст. Преградной на Урупе (см. прил. рис. 40, 41). На акварели «Лагерь» среди солдат Житомирского егерского и Тенгинского пехотного полков гарцуют на лошадях, стоят возле орудий казаки в темно-синих черкессках с алыми газырями, алыми бешметами и верхами мохнатых шапок. Эта форма была присвоена Кавказскому линейному казачьему полку и, таким образом, мы можем подтвердить участие линейцев в закубанском походе 1843 г. в составе регулярной армии. Подробнее об этих акварелях сказано в разделе, посвященном батальной живописи.

На завершающий этап «Кавказской войны» приходится творчество выдающегося мастера батальной живописи Т.Т. Горшельта. Его рисунки и акварели, посвященные военным действиям и их участникам (в число которых входят и линейцы) широко используются в соответствующей литературе. В книгу «Очерки покорения Кавказа»⁴⁹⁵ включены портретные зарисовки Горшельта «Линейные казаки», «Кавказский солдат в зимней походной одежде», «Линейный казак на биваке» (см. прил. рис. 47, 48).

⁴⁹³ Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. М.Ф. Федорова // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. III. С. 32.

⁴⁹⁴ Чернова Л. Н. Казачьи изобразительные сюжеты в книге «Линейцы» // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Первой региональной Кубанско-Терской просветительской конференции. Армавир–Железноводск, 1998. С. 62.

⁴⁹⁵ Служивый. Очерки покорения Кавказа. С рисунками и картами. СПб., 1901.

Художник внимательно всматривается в лица этих суровых, мужественных людей, сдержанных в речах и манерах, которые, по словам великого поэта, вечно готовы драться, в вечной предосторожности⁴⁹⁶. Прекрасно иллюстрирована книга Я.А. Гордина «Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в.»⁴⁹⁷, рисунками и набросками из походных альбомов Т. Горшельта, Г. Гагарина и других художников, хранящихся в Государственном Русском музее. Рисовались они в 1840-50-е гг. во время экспедиций российских войск в Дагестан и Чечню, но встречаются и изображения кубанских линейцев⁴⁹⁸.

Среди изображений казаков иностранными авторами присутствуют работы, выполненные за пределами Кубани и, собственно, российских земель. Выше уже было сказано об участии черноморцев в Отечественной войне 1812 г., европейских походах последующих лет и связанных с этими событиями живописными сюжетами. Изобразительным подтверждением присутствия кубанских казаков в числе военных соединений русской армии в Царстве Польском в период подъема национального польского движения в 1861-63 гг. могут служить рисунки современников этих событий. В книге польского автора С. Кеневича «Восстание 1863 г.»⁴⁹⁹ опубликованы репродукции иллюстраций из «Альбома январского восстания», хранящегося в историческом музее г. Варшава. На трех из них – «Разгон молящихся в кафедральном варшавском соборе. 16.10.1861», «Покушение на наместника Польши Берга», «Взятие дома Замойского» – среди изображенных персонажей хорошо различимы линейные казаки, участие которых в этих событиях подтверждается и другими историческими источниками (см. прил. рис. 91, 92)⁵⁰⁰.

Период с 1831 г. до начала первой мировой войны отмечен довольно активной усмирительной и другой деятельностью казаков Кубани в Польше. В польских землях кубанцы были представлены постоянно действующей частью. Она путем эволюции образовалась из Сборно-Линейного полка, созданного в 1831 г. специально для подавления польского восстания. Наиболее известна эта часть под названием «Варшавского дивизиона», хотя официально называлась иначе⁵⁰¹. Служба

⁴⁹⁶ Виноградов В. Б. Страницы истории ... С. 36.

⁴⁹⁷ Осада Кавказа. Воспоминания участников кавказской войны / сост. Я. А. Гордин. СПб., 2001.

⁴⁹⁸ Скиба К. В., Хлудова Л. Н. Линейные казаки в российской батальной живописи // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2002.

⁴⁹⁹ Кеневич С. Восстание 1863 г. Варшава, 1972.

⁵⁰⁰ Телепень С. В., Чернова Л. Н. Линейные казаки в польских событиях 1861-1863 гг. глазами художников-современников // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000. С. 47.

⁵⁰¹ Телепень С. В. Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши конца XVIII – начала XX в. : дис ... канд. ист. наук. Армавир, 1998. С. 102.

линейцев в Варшаве имела много общего со службой гвардейцев, поскольку они находились в личном распоряжении командующего войсками Варшавского военного округа и наместника⁵⁰². Одной из главных задач варшавского гарнизона, куда входил казачий дивизион, была защита резиденции наместника, борьба с манифестациями и поддержание порядка в городе.

С массовыми волнениями в Варшаве власти столкнулись с февраля 1861 г., а в октябре того же года антиправительственные акции маскируются под богослужения в костелах. На рисунке «Разгон молящихся...» с мятежниками расправляются российские войска. Линейные казаки хорошо узнаваемы среди них по форменной одежде (черкеска, папаха). Характерно, что для разгона демонстрации казаки используют нагайки⁵⁰³. Из общей толпы линейцы выделяются, также, подчеркнута грозным выражением бородатых лиц. В сознании поляков того времени линейные казаки прочно ассоциируются с дикостью, варварством и реакцией, хотя признаются их высокие боевые качества и отличные от европейских методы ведения борьбы⁵⁰⁴.

Рисунок «Покушение на Берга» отражает эпизод события, случившегося 19 сентября 1863 г. в Варшаве. Назначенный наместником Царства Польского граф Ф.Ф. Берг выехал в сопровождении десяти кубанцев, чтобы навестить раненных русских офицеров. На ул. Новы Свят неизвестные бросили в наместника и казаков несколько бомб. Сам Берг не пострадал, но были ранены трое кубанцев⁵⁰⁵. На рисунке изображена едущая открытая коляска наместника, окруженная со всех сторон конными линейцами. Под одним из казаков лошадь падает, поднимаются клубы дыма и пыли, но видно, что взрыв не достиг своей цели.

Рисунок «Взятие дома Замойского» изображает события на варшавской площади перед домом председателя Земледельческого общества А. Замойского. Общество было создано в начале 1860-х гг. и выражало политические интересы шляхты, составившей основу партии «белых». Перед домом в свободном порядке расположились российские солдаты (составлены в круг ружья, многие сидят). Казаки выделяются среди них подчеркнута высокими папахами. Многие детали трудно различимы из-за дыма от костров, разожженных перед домом⁵⁰⁶.

---

⁵⁰² Телепень С. В. Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши конца XVIII – начала XX в. : дис ... канд. ист. наук. Армавир, 1998. С. 103.

⁵⁰³ Берг Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831-1862 гг. М., 1873. С. 366-373.

⁵⁰⁴ Телепень С. В. 1861-1865 гг. в Царстве Польском: манифестации, восстание и кубанские казаки // Вопросы Северокавказской истории : Сборник научных статей аспирантов и соискателей. Армавир, 1997. Вып. 2. С. 47-54.

⁵⁰⁵ Берг Н. В. Польское восстание в 1863-1864 гг. // Русская старина. 1879. № 10. С. 273-275.

⁵⁰⁶ Телепень С. В., Чернова Л. Н. Линейные казаки... С. 48.

Рассматривая живописный собирательный образ кубанских казаков 60-х гг. XIX в., можно прийти к следующим выводам. По внешнему облику, моментам сторожевой службы, отраженными многими, часто неизвестными художниками, линейцы были ближе к горцам, нежели черноморцы (исключение, пожалуй, составляют пластунские отряды). Эту разницу между казаками в свое время отмечал еще Ф.А. Щербина, когда писал, что по роду оружия и приемам борьбы линейец стоял ближе к черкесу, чем черноморец.

Он же говорил о более враждебном отношении между горцами и линейцами: «Черноморец был миролюбивее по натуре и относился к врагу легче и гуманнее, чем линейец. Иными были отношения линейцев к горцам. Они чаще и более резко, чем у черноморцев, переходили во взаимную вражду и ненависть»⁵⁰⁷. Эта особенность была вызвана и обстоятельствами появления линейцев на Кубани, и географически более тесным и близким соседством с враждебными племенами. Известно также, что эта часть казачества отличалась наиболее сильной и развитой, по сравнению с черноморцами, кавалерией, которая позволяла успешно противостоять горским набегам. В этой связи можно отметить тот факт, что на большинстве рисунков линейцы изображены вместе с лошадью конными или спешившимися⁵⁰⁸.

Для современного исследователя интересно сравнить изображения казаков и горцев – их практически нельзя отличить. Судя по рисункам, казаки брили голову или носили очень короткую стрижку, практически все отпускали бороду, что можно объяснить и горской модой и старообрядческой традицией. Головным убором служили высокие папахи, которые предохраняли владельца не только от жары, но и от удара шашкой. Верхняя одежда была точной копией горской и даже в мелочах повторяла тогдашнюю мужскую моду – «черкеска рваная и грязная, с оборванными полами, зато все оружие в серебре»⁵⁰⁹. Кроме нее казаки носили бешмет, широкие шаровары, ноговицы с чувяками, башлык и бурку. Оружие линейных казаков состояло из длинной кремневой «пластырной» винтовки, с узким прикладом и кнопочным спуском, заряжавшейся пулей в сальной тряпочке, которую носили в чехле за спиной; 1-2-х кремневых пистолетов «черкесской работы», к которым прикреплялись цветные шейные шнурки, чтобы не потерять оружие в бою; шашки в глубоких ножнах на плечевой портупее; кинжала с подкинжальным ножичком. Обязательными принадлежностями казака были нагайка, узкий наборный пояс с оселком, отверткой, «жирницей»,

⁵⁰⁷ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 825-826.

⁵⁰⁸ Чернова Л. Н. Линейное казачество в живописи и графике... С. 38.

⁵⁰⁹ Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей... С. 209.

кресалом и запасными кремнями, а также нашитые на черкеску 20 и более газырей с зарядами, для винтовки и пистолетов.

Часть рисунков изображает казаков верхом на своих лошадях – небольших, с обрезанной гривой, с легкими черкесскими седлами, с завязанными в узел хвостами и без подков. Интересна особая «казацкая посадка» на лошади, отличавшаяся от традиционной русской кавалерийской⁵¹⁰.

3.3. Изобразительные сюжеты, посвящённые торговле закубанских народов

В изобразительном искусстве нашла свое отражение и торговля закубанских народов, как элемент системы жизнеобеспечения и свидетельство экономических контактов с соседями, в первую очередь, Турцией и Россией. На литографии «Товарообмен между русскими и горцами»⁵¹¹, картине «Османский работорговец покупает адыгских девушек с Северного Кавказа»⁵¹² и картине А. Рамберга «Черкесский товар»⁵¹³, с известной долей достоверности представлены два направления внешнеторговой деятельности черкесов (см. прил. рис. 93, 94, 95). Эти работы наводят на размышление об истории становления и развития торговых связей закубанцев и дают наглядное представление о формах их проявления.

Своеобразие торговли горцев, как и любого другого народа, обусловлено комплексом взаимосвязанных географических, этнических, социально-экономических и прочих факторов. Изменения в этой сфере связаны с переменами в общественном производстве, политических ориентациях, культурных традициях. Географическое положение Черкесии обусловило преимущества использования морского пути для сообщения со странами Ближнего Востока, этим же путем в IX-X вв. пользовались русские купцы, которые плавали по Черному и Каспийскому морям⁵¹⁴. Низкий уровень развития производительных сил определял сырьевой, главным образом, характер вывозимой продукции и развитие меновой торговли, т. к. денежной системы не существовало, и в качестве эквивалента выступали скот, холст, соль и другие нужные и ценные товары⁵¹⁵. Выгодно продать черкесы, например, могли лишь

⁵¹⁰ Скиба К. В., Хлудова Л. Н. Линейные казаки... С. 79.

⁵¹¹ Данилова Е. Н. Указ. соч. С. 56.

⁵¹² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 77.

⁵¹³ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994. Форзац.

⁵¹⁴ Алексеева Е. П. Вопросы взаимодействия народов Северного Кавказа с русскими в X-XV вв. Черкесск, 1992. С. 39-40.

⁵¹⁵ Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 89.

урожаем злаков, строевой лес, черкесских и кабардинских скакунов, рабов, пленных, штучные произведения черкесских шорников и ювелиров. Продавцами в этом случае выступали, как правило, представители знати или старшинской верхушки, в то время как простые горцы фактически были исключены из процесса торговли⁵¹⁶.

Работорговля (кавказоведами используется также термин «пленопродавство»)⁵¹⁷ на Северном Кавказе уходит своими корнями в античность, о чем сообщают древние авторы. Особенности жизни и быта горских народов, их социальной организации и традиций породили своеобразное отношение к человеческой личности, по которому ее ценность определялась положением в системе категорий: свободный – раб, соплеменник – иноплеменник, кунак – незнакомец, феодал – простой горец и т. д., ряд можно продолжить. В средневековье почти все европейские путешественники, обращаясь к теме торговли черкесов, отмечали, как ее характерный признак, торговлю живым товаром. К примеру, И. Шильтбергер (1381-1440): «...Тем не менее, они (черкесы – авт.) злые люди, продававшие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других»⁵¹⁸. Интериано (2-я пол. XV в. – начало XVI в.): «Они (феодалы – авт.) нападают внезапно на бедных крестьян и уводят их скот и их собственных детей, которых затем, перевозя из одной местности в другую, обменивают или продают...»⁵¹⁹. В XIII-XV вв. адыги торговали с жителями итальянских факторий на Черноморском побережье. Вот откуда у них симпатии к гегуэцам, чем, как мы видели выше, и воспользовался Э. Спенсер, знакомый, таким образом, с местной историей. После захвата османами итальянских колоний основным торговым партнером Черкесии до начала XIX в. становится Османская империя⁵²⁰. Работорговля была важнейшей экономической нитью, связывающей адыгских феодалов с Турцией. Она не только приводила к вывозу из Черномории и других областей Северного Кавказа лучшей по своим физическим данным части местного населения, но и являлась одной из главных причин феодальных набегов и междоусобиц, разорявших Черкесию⁵²¹. Картина «Османский работорговец...» изображает

⁵¹⁶ Приймак Ю. В. Северо-Западный в системе османской империи XVIII – первая треть XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2000. С. 177.

⁵¹⁷ Дударев С. Л., Дударев Д. С. Дискуссионные вопросы функционирования некоторых форм личной зависимости у горцев Северного Кавказа в первой половине XIX в. // *Slavery: theory and practice*. 2017. No. 2(1). Pp. 18-30.

⁵¹⁸ АБККЕА. С. 35.

⁵¹⁹ Там же. С. 48.

⁵²⁰ Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 30-33.

⁵²¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). М., 1967. С. 117-118.

сцену продажи трех адыгских, девушек османскому купцу. Сделка происходит на берегу моря, на это указывает характерный пейзаж – полоса воды на заднем плане, далекая линия горизонта. Лишь немногие турецкие работоторговцы проникали в глубь территории Закубанья, потому что торговля в этих местах была далеко не безопасным делом, и иностранец, не имевший кунака среди местных жителей, легко мог быть обращен в рабство. О многочисленных преградах на пути торговли с закубанцами писал Л.Я. Люлье в заметках «О торговле с горскими племенами Кавказа на Северо-Восточном берегу Черного моря»: гористая местность, нравы и феодальные столкновения племен, нападения на мелких торговцев⁵²². Обычно торговля велась на берегу моря, в устьях рек, где могли приставать купеческие суда. Наиболее активно торговали османы до 1829 г. в Анапе, Суджук-Кале, Геленджике, кроме того, существовало до 60 пристаней на Черноморском побережье. А. Фонвиль, побывавший в «торговом центре» побережья – Туапсе, так описывает эту местность: «Мы приехали на берег моря, к устью небольшой речки, ниспадавшей с гор, и увидели тут до сотни хижин, подпертых камнями... и покрытых гнилыми дырчатыми досками. В этих-то злосчастных хижинах проживали турецкие купцы, торговавшие женщинами. Каики прятались здесь следующим образом: кузов судна помещался в чаще кустарников, мачты же, обложенные ветвями, совершенно сливались с окружающей растительностью...»⁵²³.

Сцена торга изображена на фоне деревянных, непритязательных на вид хибар. В таких сараях обычно содержали девушек перед тем, как вывезти с побережья. Сидящий продавец, вероятно, черкес, одет в горскую походную одежду: сапоги, меховую шапку, на голову накинута башлык, за спиной у горца ружье. Рядом с ним стоит молодой спутник, почти мальчик. Он одет в белую рубаху, за поясом кинжал. Любопытна прическа этого молодого человека – с боков головы волосы сбриты, оставлены пряди на макушке и затылке. Об этом обычае сообщает Г.Ю. Клапрот (1783-1835): «Мужчины коротко стригут волосы и только у темени оставлены пряди длиной в палец, которые называются у них «хайдар»⁵²⁴. На торговле невольниками наживались немалые деньги. Источниками дохода становились набеги на соседние селения, на русскую территорию и в соседнюю Грузию. Ксаверио Главани приводит интересные подробности об обычае похищения черкесами детей в период, называемый «козь» (40 дней): «Черкесский бей пояснял это так: в нашей стране нет ни денег, ни рынков;

---

⁵²² Люлье Л. Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на Северо-Восточном берегу Черного моря // Живая старина. 1992. № 2. С. 14.

⁵²³ Фонвиль А. Указ. соч. С. 27.

⁵²⁴ АБКИЕА. С. 265-266.

откуда же взять нашим молодым людям средства для приобретения одежды, а рабыни рожают детей каждый год, заменяют потерю»⁵²⁵.

Напротив горца, на земле сидит работорговец, седой старик в чалме. Для турецких купцов торговля черкесскими рабами являлась важным источником обогащения. Иногда за 3-4 рейса турок мог составить себе состояние и прослыть на родине почтенным и уважаемым человеком. Купца сопровождает темнокожий мальчик, слуга, который непринужденно лежит на животе. Его поза спокойна и расслаблена, явно отличается от состояния молодого горца, готового при необходимости к быстрым и решительным действиям.

На картине мы видим трех девушек, из которых две, очевидно, уже проданы. Их лица скрыты от посторонних глаз наброшенным на голову покрывалом (чадрой) и они сидят сбоку и чуть сзади от своего нового владельца. Еще одна девушка, с открытым лицом, но покрытой головой сидит между продавцом и покупателем. Взрослые девушки обычно осматривались с достаточной осторожностью и деликатностью. При покупке оценивались глаза, талия, рост, ноги, руки, волосы. Красота черкесских женщин почти единодушно признается очевидцами. Так, например, К. Пейсонель отмечает: «...Женщины этой страны самые красивые и обаятельные, может быть, во всем мире... Черкесские женщины являются единственными, которые разделяют ложе турецкого султана и татарских князей»⁵²⁶.

Судьбы женщин, проданных в рабство, были различны. Многие из них попадали в гарем, где могли играть определенную роль и даже достичь вершин власти, как султанша Валида, другие становились прислугами, банщицами, танцовщицами. Все же неудивительно, что многие авторы сообщают о стремлении женщин быть проданными в рабство и получить шанс на новую, более привлекательную жизнь. Довольно пристрастный в своих оценках Э. Спенсер создает идиллическую картину подобной судьбы: «...Прекрасная женщина, которая провела свою молодость в гареме богатого перса или турка, возвратясь в свою родную страну, одетая во все свои наряды, никогда не перестанет возбуждать в памяти ее юных подруг желание последовать ее примеру, следовательно, они прыгают на борт судна, предназначенного, чтобы увезти их, возможно, навсегда от дома и друзей с такой живостью, как если бы им переходила в обладание корона»⁵²⁷.

В целом, работорговля наносила существенный урон людским ресурсам региона. Она стимулировала набеги крымских ханов с целью

---

⁵²⁵ АБКНКА. С. 163.

⁵²⁶ Там же. С. 187.

⁵²⁷ Спенсер Э. Указ. соч. С. 98.

захвата рабов, продолжавшиеся вплоть до конца XVIII в. Нельзя не отметить, что простое адыгское население, крестьяне и унауты, вели борьбу против работорговли. Прав был видный кавказовед А.И. Робакидзе, который писал о пленопродавстве у народов Северного Кавказа, что оно, «существовавшее вплоть до позднефеодального периода в виде национального бедствия, сохранило нам более ранние формы, имевших характер национальной индустрии»⁵²⁸.

В начале XIX в. торговля «живым» товаром» по-прежнему была очень прибыльным делом, но веками налаженный механизм начинает давать сбои. Объективно это связано с активизацией российской внешней политики в Прикубанье и переориентацией горцев на торговлю с русским населением Северного Кавказа. Изменению приоритетов торгового партнерства предшествовал накопленный опыт русско-северокавказских отношений. Перечень товаров, вывозимых в XIX в. в Россию, совпадал с теми, которые горец экспортировал в Турцию. Но «живой товар» в Россию никогда не поставляли.

На картине немецкого исторического живописца А. Рамберга (1819-1875) «Черкесский товар»⁵²⁹ также изображена сцена работорговли. Если вышерассмотренная картина выполнена в достаточно реалистичной манере, то на картине Рамберга все немного стилизовано и утрировано так, что лишь название позволяет точно определить смысл изображенного. Торг происходит, вероятно, на турецком побережье, женщин привезли на ослах и верблюдах. Турки в роскошных чалмах, украшенных перьями, беззастенчиво ощупывают стыдливо прикрывающих наготу красавиц, которых нахваливают продавцы. Здесь царит дух азартной торговли, всеобщего оживления и похоти.

В журнале «Живая старина»⁵³⁰ помещена репродукция с картины из довоенных экспонатов Адыгейского краеведческого музея «Невольники перед отправлением в Турцию» (автор и время создания не указаны). Группа из шести невольников и два сопровождающих их горца на лошадях расположились на берегу моря. Невольники горестно сгорбились и обреченно опустили головы в ожидании своей участи, их хозяева напряженно вглядываются в море в поисках турецкого судна. Кроме красивых женщин в странах Востока высоко ценились также молодежь, сильные и здоровые мужчины. Им находили применение на тяжелых работах (в рудниках, сельском хозяйстве), забирали в армию, предварительно обратив в ислам «неверных».

---

⁵²⁸ Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 15.

⁵²⁹ Иллюстрированная история нравов. Галантный век. М., 1994. Форзац.

⁵³⁰ Живая старина. 1993. № 3. С. 71.

Торговые контакты между русским и горским народами имеют глубокие исторические корни, и к изучаемому периоду в этой области был накоплен немалый взаимный опыт⁵³¹. С переселением на Кубань черноморцев российское правительство начинает постепенное вовлечение Северо-Западного Кавказа в сферу своего торгово-политического влияния. Необходимость товарного обмена настойчиво диктовалась, прежде всего, тем, что в первые годы поселения на Кубани казачество не имело возможности обеспечить за счет местных пищевых ресурсов даже тех казаков, которые несли кордонную службу⁵³². По словам Ф.А. Щербина: «Торговля, в своих первичных меновых формах, является матерью мирных отношений между разноплеменными народами»⁵³³. Главными товарами, которые выменивались черноморскими казаками у закубанских горцев в первой половине XIX в. оставались по-прежнему хлеб, лес, сельскохозяйственные орудия и инвентарь⁵³⁴. С. Броневский перечислял в качестве поступающих к черкесам товаров разного рода ткани, бытовую утварь, галантерейные товары и «прочую мелочь». Взамен от черкесов русские получали шкуры, продукцию животноводства, пчеловодства, скот, изделия из шерсти, фрукты и «другие съестные припасы»⁵³⁵.

Существовавшие ранее формы товарообмена между русскими и горцами стремится поставить под контроль военная администрация на местах, издавая распоряжения и указы, создавая меновые дворы. Уже в 1794 г. были учреждены четыре годовые ярмарки в Екатеринодаре и меновые дворы на Бугазе и Екатеринодаре для постоянной торговли с горцами⁵³⁶. Торговые пункты на Кубанской Линии служили одновременно лавками и таможенными, и карантинными, и наблюдательными постами, откуда через кунаков и лазутчиков русские следили за своими противниками⁵³⁷. Но при мелких меновых пунктах карантинных не было, и таможенные правила не требовалось соблюдать.

Еще в 1809 г. адмирал Черноморского флота, маркиз де Траверсе писал наказному атаману полковнику Ф.Я. Бурсаку: «Употребите все средства, какими по местному усмотрению действительными признаете, к привлечению к нам дружбы и доверенности сих народов, особенно чрез торговые феномены»⁵³⁸. Ставка на торговлю как на верное средство скорейшего

⁵³¹ Чекменев С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX века. Пятигорск, 1967. С. 249.

⁵³² Покровский М. В. Из истории адыгов в первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 115.

⁵³³ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 580.

⁵³⁴ Чекменев С. А. Указ. соч. С. 257.

⁵³⁵ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 234-235.

⁵³⁶ По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки. Краснодар, 1993. С. 84.

⁵³⁷ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 581.

⁵³⁸ Мошкович Г. Г. Атаман Г.А. Рашпиль и организация меновой торговли казаков и горцев в 40-50-е гг. XIX в. на Кубани // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 118.

окончания войны имела еще и скрытый подтекст: успешной торговлей с закубанцами отлучить их от турецких торговцев и тем пресечь возможность турецкого на них влияния. Это мнение разделялось многими служившими на Кавказе радикально мыслящими военными деятелями, как например князь М.С. Воронцов, барон Розен, вице-адмирал Серебряков, граф Н.Н. Раевский, генерал-лейтенант Г.А. Рашпиль⁵³⁹. Мало того, этого же мнения придерживался «наше все» – А.С. Пушкин⁵⁴⁰.

В 1811 г. на Кавказской линии открылось шесть меновых дворов: Усть-Лабинский, Прочноокопский, Прохладненский, Константиногорский, Наурский и Лашуринский⁵⁴¹. Закубанцам разрешалось вывозить продукты земледелия и животноводства, а также изделия крестьянской промышленности. Ввозились к ним товары русской промышленности. Важнейшее место в торговом обмене занимала соль, которая необходима была в хозяйстве горцев и поставлялась казаками. Как правило, торговля велась на основе обмена по принципу «всякую мерку соли» казака «на две таковых же пшеницы горца»⁵⁴². Горские купцы заранее ставились в неравноправное положение, т. к. свой товар они могли только обменивать. На право свободно торговать царская администрация смотрела как на привилегию, которой награждались только лояльные к ней горцы⁵⁴³.

Установившийся порядок меновой торговли открывал широкий простор для беспредельного произвола, чинимого смотрителями, чиновниками таможенной и кордонной службы и другими должностными лицами, обслуживающими кордонную линию⁵⁴⁴. Чиновники меновых дворов и российские купцы искали в торговле личной выгоды путем неэквивалентного обмена: поставляли некачественный товар, завышали цены и т. п.⁵⁴⁵ Российская администрация не раз поднимала вопрос о запрещении армянам вести посредническую торговлю. Они обвинялись в спекуляции товарами, в препятствии непосредственному общению горцев и переселенцев. На самом деле проблема состояла в том, что российская сторона ограничилась лишь организацией меновых дворов, особо не заботясь о расширении ассортимента⁵⁴⁶.

---

⁵³⁹ Мошкович Г. Г. Атаман Г.А. Рашпиль и организация меновой торговли казаков и горцев в 40-50-е гг. XIX в. на Кубани // Проблемы историографии и истории Кубани. Краснодар, 1994. С. 118.

⁵⁴⁰ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология : в 3 т. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 406.

⁵⁴¹ По страницам истории... С. 84.

⁵⁴² Джимов Б. М. Роль Екатеринодара в социально-экономическом развитии адыгов (конец XVIII – XIX в.) // Тезисы краевой научно-практической конференции «Краснодару – 200 лет». Краснодар, 1993. С. 16-17.

⁵⁴³ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 236.

⁵⁴⁴ Мошкович Г. Г. Указ. соч. С. 120-121.

⁵⁴⁵ Гранкин Ю. Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Пятигорск, 2002. С. 134-135.

⁵⁴⁶ Там же. С. 137.

На литографии «Товарообмен между русскими и горцами» мы видим один из таких меновых пунктов. Пейзаж довольно ясно указывает на его местоположение – скорее всего, в предгорьях или горной долине. Длинные, прямоугольные здания с маленькими окнами, вероятнее – складские помещения, где товары проходили карантинную обработку. Занимались торговлей не только старшины, казаки, вольнопромышленники, но и князья, дворяне, простые черкесы⁵⁴⁷. Существовала особая категория казачества – торговое. Эти казаки освобождались от обязательной военной службы и могли без разрешения войскового начальства отлучаться из войска, поддерживали отношения и с закубанскими адыгами, не смущаясь формальным препятствием в виде пограничной черты⁵⁴⁸. Постепенно они были вытеснены купцами из внутренних губерний России.

Центральное место на литографии занимает группа торгующих. Продавцы предлагают горцам свой товар: домашнюю утварь, бумажные ткани, соль. Их движения быстры, а позы почти умоляющие: один продавец даже встал на одно колено и протягивает горцу свой товар. Тот же полон достоинства и невозмутимого спокойствия. Рядом горец тащит на спине овцу, а путь ему показывает кто-то из местных распорядителей. Торговля происходит в присутствии военного представителя России – пристава или назначенного царской администрацией чиновника, ему предоставлялись широкие «надзирательные и распорядительные функции»⁵⁴⁹. Возможно, именно он на рисунке беседует с кавказским феодалом.

В 20-е гг. наметился кризис меновых дворов, обусловленный тем, что горцы предпочитали покупать соль у местного населения, минуя меновые дворы. Кроме того, получила развитие торговля, осуществляемая армянскими купцами прямо в казачьих станицах и горских аулах⁵⁵⁰. К 30-40-м гг. торговые связи адыгов с русскими значительно расширяются, что сопровождается усилением конкурентной борьбы между Россией и Турцией. Восточные товары удовлетворяли, в основном, потребности узкого круга феодальной аристократии. Торговля с Россией обеспечивала адыгов, прежде всего товарами широкого потребления: хлопчатобумажными тканями, холстами, чугунами, жестяными изделиями⁵⁵¹. В это же время попытки российской администрации регламентировать торговлю солью и тем самым оказывать политическое давление на «немирных горцев» особого успеха не имели. Сложившаяся в начале 40-х гг. экстремальная ситуация,

⁵⁴⁷ Джимов Б. М. Указ. соч. С. 16.

⁵⁴⁸ Гранкин Ю. Ю. Указ. соч. С. 110.

⁵⁴⁹ Мошкович Г. Г. Указ. соч. С. 120.

⁵⁵⁰ Клычников Ю. Ю. Российская политика... С. 237.

⁵⁵¹ Кавказ в сердце России. На вопросы современности ответы ищем в истории. М., 2000. С. 148.

связанная с упорным нежеланием «немирных племен» признать действительными условия Адрианопольского договора, требовала изменения тактики ведения войны, использования мер как дипломатического, так и экономического характера. Но механическое втискивание торговли в жесткие рамки административной опеки, военные мероприятия царизма не способствовали развитию русско-горской торговли. Выражая волю своих подданных, владетельные князья племен и аулов настойчиво ходатайствовали за разрешение свободных торговых отношений с жителями Черномории⁵⁵². Стала очевидной необходимость введения свободных торгово-обменных операций между русскими и горцами, что повысило бы эффективность этих контактов. В 1845 и 1846 гг. по инициативе князя М.С. Воронцова и генерал-лейтенанта Г.А. Рашпиля были открыты при постах кордонной линии воскресные базары, действовавшие на основе свободного торгового обмена. А в 1845 г. закубанцам было разрешено посещать екатеринодарские ярмарки, первой из которых стала Благовещенская ярмарка в марте 1845 г.⁵⁵³

Юридически обосновали и закрепили уже существующий новый порядок меновой торговли два законодательных акта 1846 г.: «Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии и в Черномории» и «Правила для меновой торговли с горцами на Черноморской кордонной линии»⁵⁵⁴.

Рассматривая вопрос о торговых связях черкесов, нельзя не упомянуть о торговом соперничестве Турции и России на Северном Кавказе, некоторые аспекты которого (в частности, контрабандная торговля и борьба с ней) также нашли отражение в изобразительном искусстве. До 1829 г. Порты поощряла торговое проникновение в Адыгею, считая его одним из важных средств утверждения своего политического влияния среди горцев. В Адыгее торговля людьми поощрялась исламом, и влияние мусульман было сильнее, где жители имели прочные торгово-экономические связи с османами. Уже к началу 70-х гг. XVIII в. османские провинции Северо-Западного Кавказа вступили в период острого военно-политического, административного и торгово-хозяйственного кризиса. В рамках общего сокращения сферы своего политического и экономического влияния на Северо-Западный Кавказ Порты признала право России иметь военный и торговый флот на Черном море, а также приняла на себя капитуляционные обязательства, по которым российское

⁵⁵² Гранкин Ю. Ю. Указ. соч. С. 175-176.

⁵⁵³ Мошкович Г. Г. Кубанские ярмарки дореформенного периода (первая половина XIX в.) // Краснодару – 200 лет : Тезисы краевой научно-практической конференции. Краснодар, 1993. С. 99-100.

⁵⁵⁴ Мошкович Г. Г. Атаман Рашпиль... С. 126.

купечество уравнивалось в правах, с турецким и европейским⁵⁵⁵. А если учесть, что «геополитические и торгово-хозяйственные интересы России невозможно было реализовать без выхода к Черному морю и освоения просторов Северо-Западного Кавказа, то столкновение политических и экономических интересов российской и Османской империй в этом регионе было чревато новыми витками, как военного, так и торгово-экономического соперничества обеих держав»⁵⁵⁶. В то время как иранские к турецкие купцы привозили дорогостоящие восточный ткани, оружие, тем самым, удовлетворяя потребности социальной верхушки, Россия поставляла на Кавказ дешевые хлопчатобумажные ткани и холст, железо и изделия из него, бумагу, зеркала, продукты питания и т. д. В свою очередь, Россию интересовали продукты сельского хозяйства, охоты, кустарные изделия, тогда как в торговле с Востоком, а особенно с Турцией, наиболее ценным и ходким товаром были рабы⁵⁵⁷. Османороссийское торгово-хозяйственное соперничество принимало различные формы конкурентной борьбы. В итоге к концу первой трети XIX в. османская торгово-хозяйственная деятельность в регионах Западного Кавказа окончательно утратила все признаки системности, в то время как Россия, опираясь на разветвленную сеть меновых дворов и повседневную практику, постоянно расширяла сферу своего экономического влияния в Черкесии⁵⁵⁸.

Решающее значение в этом конфликте имело заключение Адрианопольского мира в 1829 г., по которому Россия приобрела все восточное побережье Черного моря. На этой территории работорговля была запрещена, хотя и велась контрабандным способом еще в 30-х гг. XIX в. Излагая в 1835 г. свои соображения по поводу торговых отношений с горцами министру финансов, барон Розен находил, что цветущая торговля горцев с турками, державшаяся на переправе невольников и невольниц и приобретении пороха, оружия и снарядов, сошла с исторической сцены, поэтому требуется развитие других видов

---

⁵⁵⁵ Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948. С. 31; Шеремет В. И. Внешнеэкономические отношения и внешняя торговля Османской империи в конце XVIII – **первой пол.** XIX в. // Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XIX в.). М., 1989. С. 37; Бижев А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса (в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в.). Майкоп, 1994. С. 166.

⁵⁵⁶ Приймак Ю. В. Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи... С. 173.

⁵⁵⁷ Габоева Л. Р. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX века // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе: Сборник научных трудов. Орджоникидзе, 1985. С. 139.

⁵⁵⁸ Приймак Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир, 2011. 359 с.

торговли⁵⁵⁹. Во второй четверти XIX в. ограничительные меры российской администрации в отношении торговли с горцами себя изжили, что проявилось в допущении горцев к ярмарочной и базарной торговле, более свободном режиме деятельности меновых дворов. Главным результатом этого периода стал хозяйственный отрыв Северо-Западного Кавказа от иностранных государств и включение данных территорий в состав единой экономической системы России в качестве неотъемлемой части⁵⁶⁰.

В целом, характеризуя изобразительные работы историко-этнографического характера, отметим, что они были востребованы в культурной и научной сферах общества, как во время создания, так и по сей день, неоднократно публиковались в литературе, издававшейся в России и за рубежом, в качестве иллюстраций и отдельными альбомами. В собрании иллюстративного материала можно выделить 5 разделов, отражающих антропологические типы и костюм, поселение и жилище, обряды и обычаи, пейзажи и архитектурные памятники, общественно-политические мероприятия и органы власти. Причем эти разделы не обособлены, а имеют тенденцию к пересечению. Например, костюм запечатлен не только в специальных работах, но и на рисунках, отражающих обряды, обычаи, мероприятия и пр.

Опираясь на уже известные рисунки, можно сделать некоторые выводы о типологических особенностях жизни горцев Северо-Западного Кавказа в представлениях художников, главным образом, западноевропейских. Милитаризация быта, обусловленная основными занятиями значительной части мужского населения (охота, набеги, охрана территории) отражена во внешнем облике горцев и элементах интерьера. Оружие является непременным атрибутом изображенных черкесов, их одежда выглядит максимально приспособленной к походной жизни. Нередко только развешанное по стенам оружие служит единственным украшением дома или кунацкой. В историческом прошлом и настоящем главное место занимают бесстрашные герои-воины, защитники свободы и независимости, такие, как Шеретлуко-Казбич, чей портрет украсил дневник Д. Белла. Авторы заметок неоднократно, в том числе изобразительными средствами, подчеркивают повседневный характер войны черкесов с Россией, восхищаются военной доблестью, удалью, ловкостью горцев. Значительное

---

⁵⁵⁹ Щербина Ф. А. Указ. соч. Т. 2. С. 593. Впрочем, не следует забывать заключение В.В. Дегоева: «Зачастую упрямое нежелание горцев отказаться от своих традиций не оставляло русским властям в этом регионе иного выбора кроме как приспособливаться. Так, в Черкесии в конце концов пришлось негласно снять запрет на работоторговлю, справиться с которой так и не удалось (Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е изд., расш. и доп. М., 2003. С. 72).

⁵⁶⁰ Гранкин Ю. Ю. Указ. соч. С. 176-177.

место в изобразительном творчестве занимают события из общественно-политической жизни черкесов, отдельные аспекты духовной и материальной культуры.

Нами собрана лишь некоторая часть обширного пласта изображений казаков в живописи и графике. Казачья тема наиболее полно воплотилась в таких видах изобразительного искусства, как рисунок, литография, несколько меньше в живописи. Уже на начальном этапе исследования можно разбить собранные произведения на три условные группы: официальные изображения, сделанные для печатных изданий; работы лубочного типа, предназначенные для массового распространения, литографии для печати; авторские работы, сделанные с натуры. Специфика казачества как особого служилого населения выражается в некоторой ограниченности сюжетно-образных характеристик работ. Объектом изображения служили, как правило, мужчины-воины, эпизоды военных будней, значительно реже – бытовые сцены. Характерными чертами, которые придавались образу казака, были вольнолюбие, храбрость, ловкость, патриотизм. Материал первых двух групп позволяет проследить эволюцию формы и вооружения кубанского казачества тесно связанную с изменением его роли в государстве как особой социальной группы, становление его как субэтнуса с характерными культурно-бытовыми особенностями. Выполненные в реалистичной манере работы третьей группы, среди авторов которых признанные мастера живописи, отражают разные аспекты боевой биографии казачества в России и за рубежом, специфику службы на кордонных линиях, характер военных столкновений с горцами и другого рода контактов с ними.

Анализ изобразительных произведений на тему торговых связей северокавказских народов позволяет сделать следующие выводы. Основными торговыми партнерами закубанских горцев в первой половине XIX в. являлись Россия и Турция. Причем после 1829 г. происходит усиление и активизация российско-горской торговли в рамках меновых дворов, базаров и ярмарок. Российская сторона удовлетворяла основные потребности местных племен в соли, тканях, бытовой утвари, галантереи, изделиях из металла. Черкесы продавали продукцию земледелия, животноводства, местных промыслов, лес и т. д. Торговля подвергалась жесткой регламентации со стороны российских властей и служила способом политического давления на горцев, что отнюдь не способствовало ее развитию и снижало потенциальные возможности благотворного влияния на взаимоотношения между народами.

Важнейшей статьей экспорта и доходов горских феодалов была работоторговля, имеющая на Северо-Западном Кавказе глубокие исторические корни. Разнообразные изобразительные сюжеты на эту тему

свидетельствуют, что основной статьёй экспорта в страны Востока были кавказские девушки, чья красота признавалась практически всеми путешественниками и исследователями Кавказа. С началом активных военных действий на Кавказе увеличиваются поставки в регион оружия и боеприпасов из Европы, главным образом, Великобритании. После 1829-х гг. торговля горцев с Турцией и Англией приобретает контрабандный характер, что также нашло отражение в творчестве И.К. Айвазовского, о чем сказано в соответствующей главе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время существует тенденция к расширенному и углубленному изучению Кубанского региона, в котором соседствовали оригинальные горская и казачья культурно-исторические общности, посредством обращения к изобразительному искусству как особой форме отражения действительности. Практика привлечения произведений изобразительного искусства к воссозданию картин прошлого не нова, и использовалась как в отношении отдельных регионов (например, Чечено-Ингушетия), так и в рамках различных исторических дисциплин (оружиеведение, униформология), этнографии и т. д.

Сравнительно малочисленные изобразительные материалы (XV – первая половина XVIII вв.) свидетельствуют об относительном ослаблении российско-прикубанских связей в этот период, усилении борьбы за влияние в регионе между Османской империей, крымскими татарами и местными племенами. Северный Кавказ вызывает интерес в торгово-экономическом и политическом плане у европейских держав, представители которых нередко сопровождают свои путевые заметки, дневники иллюстрациями в историко-этнографическом жанре. В них нашел отражение внешний облик представителей населения Прикубанья (черкесов, ногайцев, гарнизона турецких крепостей), в том числе одежда, вооружение, отражающие имущественную и социальную дифференциацию, уровень развития производства. Например, хорошо известный исследователям рисунок Ж.Б. Тавернье позволяет судить о планировке поселений и жилищ, образе жизни и занятиях горцев, сути и форме религиозных верований.

Сделанные в ходе анализа художественных произведений выводы соответствуют фактам, изложенным в научно-исторической литературе. Представления европейских художников об объектах изображения, нередко носившие поверхностный и противоречивый характер, уровень развития культуры указанного периода сказались на достоверности многих изображений. Более точно отражают реальность рисунки отечественных «видописцев», участников этнографических экспедиций конца XVIII – начала XIX вв.

Ранняя история кубанского казачества нашла отражение в изображении запорожцев и казаков из разных регионов России. Они свидетельствуют о том, что переход казаков на Кубань, новые условия военно-охранной службы, контакты с горской культурой привели к изменению образа жизни и, как следствие, переменам в одежде, вооружении, военной организации и т. д.

Нашли отражение в живописи и графике XV – конца XVIII вв. отдельные эпизоды процесса вхождения региона в состав Российской

империи, свидетельствующие о разнохарактерных связях его населения с соседними народами и государствами. Миниатюры Радзивилловской летописи позволяют судить об организации военного дела в Тмутаракани, внешнеполитической деятельности тмутараканских князей и оценке ее современниками и потомками. В классической русской живописи начала XIX в. поединки Мстислава и Редеди приобретает новое смысловое наполнение. В духе господствующего художественного направления, этот сюжет из ранней истории государства был призван возбуждать в согражданах патриотические чувства и веру в победу над наполеоновской армией.

Вторая половина XVIII в. характеризуется обострением политического соперничества в регионе между Россией и Турцией, в котором первостепенное значение приобретает крымский вопрос и, как составная его часть, ногайская проблема. Известные нам на эту тему батальные сюжеты связаны с военной и дипломатической деятельностью А.В. Суворова на Кубани и отражают неоднозначную роль великого полководца в судьбе кубанских ногайцев. Важным этапом на пути освоения Россией южных рубежей была османо-российская война 1787-1791 гг., и батальная картина на тему взятия Анапы прославляет силу русского оружия на Кубани. Батальные сюжеты конца XVIII в. подчеркивают значимость для исторической судьбы народов региона процессов сближения России и Северо-Западного Кавказа, их глубокие исторические корни.

Военно-политическая активизация России на Северном Кавказе в первой половине XIX в. отмечена на страницах соответствующей литературы, в том числе, и большим количеством репродукций портретов российских военачальников: А.П. Ермолова, Н.Н. Раевского, А.А. Вельяминова, Г.Х. Засса и других, чья деятельность на Северо-Западном Кавказе нуждается в объективном рассмотрении и оценках. Портреты военно-политических, общественных и культурных деятелей, а также рядовых казаков, солдат, горцев могут быть использованы в научно-исследовательской работе при установлении их национальности, социального положения и рода занятий. Их изучение необходимо для воссоздания общественно-культурных связей, созданных усилиями лучших представителей российской интеллигенции и местного населения.

В произведениях живописи и графики конца XVIII – середины XIX вв. отражены такие аспекты освоения Северо-Западного Кавказа, как российско-османское соперничество, строительство российских укреплений на побережье и их оборона, борьба с контрабандной торговлей, массовое переселение закубанцев в Турцию. Высадки морских десантов на побережье, которые запечатлел И. Айвазовский, нередко встречали ожесточенное сопротивление горцев. Символом героизма

российских солдат стал подвиг Архипа Осипова при обороне укрепления Михайловского, хотя подлинные обстоятельства его поступка до конца не выяснены, что показал анализ соответствующего живописного полотна. Батальные работы позволяют судить о характере и некоторых деталях военных столкновений на Линиях: нападениях горцев на российские станицы и укрепления и ответных операциях российских войск. Изобразительные сюжеты на эту тему сообщают о взятии пленных, разорениях и поджогах, захвате добычи как со стороны горцев, так и с российской стороны. Военные экспедиции в Закубанье часто осуществлялись объединенными силами казаков и регулярных войск, что отразили в своих работах многие авторы.

В произведениях И. Айвазовского, Г. Гагарина, Т. Горшельта, П. Грузинского, Н. Поливанова мы видим подтверждение стремления передовой части российского общества трезво взглянуть на суть происходящего сложного процесса освоения новых территорий, объективно и по достоинству оценить в нем роль простых людей, лучше изучить культуру местных народов. Массовая печатная продукция формировала героический образ российского воина, казака и выражала официальную позицию российских властей в отношении запечатленных событий.

Новейшие исследования российской политики на Северном Кавказе, в т. ч. и событий т. н. «Кавказской войны» позволяют склониться к выводу, что на этой территории столкновения русских и горцев приобрели характер регулярных военных действий не ранее 1823-24 гг. и не позднее 1829-30 гг. Это подтверждается характером наиболее популярных в первые два десятилетия сюжетов: этнографические портреты казаков, горцев, в том числе сделанные иностранцами и отечественными художниками, например, для альбомов «Народы России» (1812-1813), «Собрание костюмов» (1808-1809). Они издавались большим тиражом и знакомили россиян и европейцев с населением юга России. Большую историческую ценность представляют собой работы художников, сопровождавших в начале XIX в. экспедиции по изучению российских окраин, от трудов которых ожидалось «верное изображение всех заслуживающих любопытства предметов».

Собранный историко-этнографический иллюстративный материал можно разделить на 5 групп, отражающих: 1) антропологические типы и национальный костюм; 2) поселения и жилище; 3) обряды и обычаи; 4) пейзажи и архитектурные памятники; 5) общественно-политические мероприятия и органы управления. Причем эти разделы не обособлены, а имеют тенденцию к пересечению. Малоизученными остаются произведения, отражающие хозяйственные занятия населения, многие аспекты бытовой и духовной культуры казачества.

Большой популяризации и изучения заслуживают, на наш взгляд, произведения, опубликованные в изданиях дневников английских эмиссаров Д. Белла, Д. Лонгворта, Э. Спенсера. Они позволяют сделать выводы о типологических особенностях жизни горцев, милитаризации быта, обусловленной основными занятиями большей части мужского населения. Подчеркивают большую роль, которую играли в историческом прошлом и настоящем национальные герои – защитники свободы и независимости. Специфика взаимоотношений горцев с окружающим миром, другими народами, отраженная силами изобразительного искусства, заключалась в сочетании традиций гостеприимства, куначества, торговых и политических контактов с набеговой системой, непримиримостью и жестокостью к врагам, пленопродавством.

Комментарий к изобразительным сюжетам на тему бытовой культуры абазинского народа сочетает анализ произведения с использованием сведений из соответствующей историко-этнографической литературы, и позволяет судить о конструкции и планировке абазинского дома, символическом смысле и практических функциях деталей интерьера, получить наглядное представление о внешнем облике абазинцев, элементах свадебного обряда. Изобразительные материалы дают возможность провести параллели и указать на специфику материальной и духовной культуры абазин в сравнении с другими северокавказскими народами.

Официальные изображения представителей линейного и черноморского казачества, предназначенные для массового распространения работы лубочного типа позволяют проследить изменение формы и вооружения кубанского казачества, образа жизни, тесно связанную с изменением его роли в государстве, обусловленную взаимопроникновением казачьей и горской культур. Выполненные в реалистичной манере работы неизвестных авторов, именитых мастеров и просто одаренных любителей отражают такие аспекты боевой биографии казачества в России и за рубежом, как участие в османо-российских войнах; пограничная служба на кордонных линиях и совместные с регулярными войсками военные операции против горцев; заграничный поход русской армии в 1813 г. и подавление революционных выступлений в Польше в 1830-х гг.

Изобразительные материалы по истории и культуре казачества служат основанием для выводов о том, что взаимоотношения с северокавказскими народами повлияли на изменение характера и организации военно-охранной службы, внешнего облика, образа жизни, приоритетов и ценностей кубанского казачества. Они также освещают отдельные эпизоды его истории конца XVIII – 60-х гг. XIX вв., связанные с несением службы в пределах Российского государства и за рубежом.

Изобразительные сюжеты на тему торговли северокавказских народов свидетельствуют об изменении приоритетных направлений в этой сфере жизнеобеспечения горцев, связанных с включением Северо-Западного Кавказа в орбиту влияния Российского государства.

Опыт настоящей работы, а также выводы ряда авторов других исследований по данной теме доказывают необходимость и актуальность возможно более полного выявления художественных материалов, и анализа отраженных в них различных аспектов истории и культуры края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мемуары, воспоминания, путевые заметки и прочие опубликованные источники

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974.
2. Белл, Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. В 2 т. / Дж. Белл. – Нальчик : Эль-Фа, 2007.
3. Бларамберг, И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа [Электронный ресурс] / И. Бларамберг ; пер. с фр., предисл. и коммент. И. М. Назаровой. URL: http://az.lib.ru/b/blaramberg_i_f/text_1833_opisanie_kavkaza.shtml (дата обращения: 20.05.2017).
4. Воронов, Н. И. Вести с Кубани (Письма в редакцию) / Н. И. Воронов // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. – Т. 2
5. Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. – М., 1984. – Т. 2.
6. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. – М., 1991.
7. Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 512 с.
8. Лонгворт, Д. А. Год среди черкесов / Д. А. Лонгворт. – Нальчик, 2001.
9. Мирославский, И. Взрыв Михайловского укрепления в 1840 г. / И. Мирославский // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. – Т. IV. – С. 5-9.
10. Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / сост. Я. Гордин. – СПб., 2000.
11. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. М.Ф. Федорова // Кавказский сборник. – Тифлис, 1879. – Т. III. – С. 32-189.
12. Пушкин, А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / А. С. Пушкин // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология : в 3 т. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2010. – Т. 1. – С. 404-421.
13. Спенсер, Э. Путешествия в Черкесию / Э. Спенсер. – Майкоп, 1994.
14. Толстой, В. Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать / В. Толстой // Родина. – 2000. – № 1-2. – С. 72-74.
15. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания о Кавказе и Грузии / Ф. Ф. Торнау // Русский вестник. – 1869. – Т. 79. – № 3.

16. Филипсон, Г. И. Воспоминания / Г. И. Филипсон. – М., 1885. – 358 с.
17. Фонвиль, А. Последний год войны Черкесии за независимость. Из записок участника-иностранца / А. Фонвиль. – Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990.

Литература

1. Абзины (историко-этнографический очерк). – Черкесск, 1989.
2. Абрамов, Я. Кавказские горцы / Я. Абрамов. – Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990.
3. Агапова, Т. И. Декабристы на Кубани / Т. И. Агапова, М. И. Серова. – Краснодар, 1975.
4. Айвазовский известный и неизвестный. – Самара, 2000. – С. 39-50.
5. Алексеева, Е. П. Вопросы взаимодействия народов Северного Кавказа с русскими в X-XV вв. / Е. П. Алексеева. – Черкесск, 1992.
6. Алексеева, Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века / Е. П. Алексеева // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980.
7. Анисимова, В. Н. Становление профессионального изобразительного искусства на Кубани (кон. XVIII в. – нач. XX в.) / В. Н. Анисимова // Коваленковские чтения – 99. Художественный музей в контексте культуры. Научно-практическая конференция. Сообщения. – Краснодар, 1999. – Вып. 6. – С. 41-48.
8. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М., 1944. – С. 22-24.
9. Ашхамова, Л. М. Адыгские головные уборы XIX – начала XX веков / Л. М. Ашхамова // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – М., 1975. – С. 85-92.
10. Аствацатурян, Э. Г. Оружие народов Кавказа / Э. Г. Аствацатурян. – Москва; Нальчик, 1995.
11. Бардадым, В. П. Ратная доблесть кубанцев / В. П. Бардадым. – Краснодар, 1993.
12. Бардадым, В. П. Этюды о Екатеринодаре / В. П. Бардадым. – Краснодар, 1992.
13. Баранкевич, И. А. Изобразительные материалы как источник для изучения традиционного женского костюма казачеств России и Украины / И. А. Баранкевич // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. – Майкоп, 2000.
14. Басханов, А. К. Линейцы. Очерки истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области / А. К. Басханов, М. К. Басханов, Н. Д. Егоров. – Никосия, 1996.

15. Батирай, Е. Черкесы (адыги) в рисунках европейских художников XVII-XIX вв. / Е. Батирай. – Майкоп : Адыг. респ. кн. изд-во, 2009. – 144 с.
16. Берг, Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831-1862 гг. / Н. В. Берг. – М., 1873.
17. Берг, Н. В. Польское восстание в 1863-1864 гг. / Н. В. Берг // Русская старина. – 1879. – № 10.
18. Березин, С. Я. О табакокурении на Кубани (По материалам XVIII-XIX вв.) / С. Я. Березин, К. С. Иванченко // Археология, этнография и краеведение Кубани : Материалы 11-й Всероссийской межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Краснодар, 2003. – С. 21-22.
19. Берже, П. Выселение горцев с Кавказа / П. Берже // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. – Т. 1.
20. Бижев, А. Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса (в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в.) / А. Х. Бижев. – Майкоп, 1994.
21. Бижев, А. Х. Борьба России с иностранными пройсками на Северо-Западном Кавказе в начале 30-х годов XIX века / А. Х. Бижев // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. – Майкоп, 1987.
22. Бларамберг, И. Кавказская рукопись / И. Бларамберг. – Ставрополь, 1992.
23. Боплан, Г. Л. Описание Украины, нескольких провинций королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн / Г. Л. Боплан. – Киев, 1990.
24. Веселовский, Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы / Н. И. Веселовский. – Пг. (СПб.), 1914 (1995).
25. Великая, Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства / Н. Н. Великая // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 45 / Отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д., 2007. – С. 88-101.
26. Виноградов, А. В. Лермонтовский Казбич и Кизбеч Шеретлуко / А. В. Виноградов, Е. В. Утко // Археология и краеведение Кубани : Материалы Первой студенческой научной конференции. – Краснодар, 1993.
27. Виноградов, Б. В. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века / Б. В. Виноградов, В. Б. Виноградов, Ю. Ю. Клычников. – Славянск-на-Кубани, 2012. – 224 с.

28. Виноградов, Б. С. Пояснения к иллюстрациям / Б. С. Виноградов // Русские писатели в нашем крае : Сборник статей. – Грозный, 1958.
29. Виноградов, В. Б. Генерал Г.Х. Засс: «Отступления со мною нет и не будет» / В. Б. Виноградов. – Армавир, 2000.
30. Виноградов, В. Б. «Он усмирил Закубанье» / В. Б. Виноградов // Известия Русского исторического общества. – М., 2000.
31. Виноградов, В. Б. Черты портрета генерала фон-Засса / В. Б. Виноградов // Российский исторический журнал. – 1996. – № 1. – С. 15-22.
32. Виноградов, В. Б. Памяти вечная нить / В. Б. Виноградов. – Грозный, 1988. – С. 75-102.
33. Виноградов, В. Б. Поселения и жилища Чечено-Ингушетии в живописи XIX века (этнографический комментарий) / В. Б. Виноградов // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1984.
34. Виноградов, В. Б. Российскость как основа русско-кавказского сотрудничества (вводная к дискуссии) / В. Б. Виноградов // Российскость: понятие, содержание, историческая реальность. – Армавир, 1999. – С. 3.
35. Виноградов, В. Б. Россия и Северный Кавказ. Обзор литературы за 1976-85 гг.: итоги и перспективы изучения / В. Б. Виноградов // История СССР. – 1987. – № 3. – С. 98-99.
36. Виноградов, В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи / В. Б. Виноградов. – Армавир, 1995.
37. Виноградов, В. Б. Страницы истории Средней Кубани / В. Б. Виноградов. – Армавир, 1994.
38. Виноградов, В. Б. О времени пребывания Э. Спенсера на Кавказе и о проблеме «знамени независимости» / В. Б. Виноградов, Ю. Ю. Клычников // Вопросы Северокавказской истории : Сборник научных статей. – Вып. 5. – Армавир, 2000. – С. 70-72.
39. Виноградов, В. Б. Новое в изучении линейного казачества / В. Б. Виноградов, С. Н. Лукаш // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : 3-я Международная конференция. – Армавир, 2002.
40. Виноградов, В. Б. Живописное наследие как источник по истории кубанского казачества / В. Б. Виноградов, Л. Н. Чернова // Историко-культурное наследие и современность. Материалы республиканской конференции. – Краснодар, 1995.
41. Виноградов, В. Б. История Кубани в отечественном и зарубежном изобразительном искусстве (досоветский период) / В. Б. Виноградов, Л. Н. Чернова. – Армавир, 1995.
42. Виноградов, В. Б. История Кубани в изобразительном искусстве / В. Б. Виноградов, Л. Н. Чернова // Человек в мире искусства: информационные аспекты : Международная научная конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 1994. – Ч. 1.

43. Волкова, Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа в XIX-XX вв. / Н. Г. Волкова // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв. – М., 1971.
44. Волкова, Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Н. Г. Волкова. – М., 1974.
45. Волкова, Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа / Н. Г. Волкова. – М., 1973.
46. Выродов, Б. Л. Декабристы и Средняя Кубань (краеведческие очерки) / Б. Л. Выродов. – Армавир, 1994.
47. Габоева, Л. Р. К вопросу о политическом развитии Северного Кавказа накануне и в период русско-иранской и русско-турецкой войн начала XIX века / Л. Р. Габоева // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе : Сборник научных трудов. – Орджоникидзе, 1985.
48. Гадло, А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. / А. В. Гадло // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. – Л., 1981.
49. Гадло, А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия / А. В. Гадло // Проблемы археологии и этнографии Кавказа. – Краснодар, 1988.
50. Галушко, Т. Г. «Раевские мои...» / Т. Г. Галушко. – Л., 1991.
51. Гарданов, В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века) / В. К. Гарданов. – М., 1967. – С. 117-118.
52. Гюльденштедт, И. А. Путешествие по России и Кавказским горам / И. А. Гюльденштедт // Европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. – Вып. III. – Нальчик, 2010. – С. 228-246.
53. Гнеденко, А. М. За други своя или все о казачестве / А. М. Гнеденко, В. М. Гнеденко. – М., 1993.
54. Гололобов, И. В. К изучению традиционной одежды черноморского казачества. Первый этап. Формирование одежды запорожских казаков / И. В. Гололобов // Археология и краеведение Кубани : Материалы первой студенческой научно-практической конференции. – Краснодар, 1993.
55. Гончарова, Н. Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала XIX века / Н. Н. Гончарова. – М., 1987.
56. Гордин, Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века / Я. Гордин. – СПб., 2000.
57. Гордин, Я. Ермолов / Я. Гордин. – М., 2012.
58. Горлова, И. Культура кубанских станиц. 1794-1917 / И. Горлова, А. Манаенков, В. Лях. – Краснодар, 1993. – С. 41-50.

59. Гранкин, Ю. Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Ю. Ю. Гранкин. – Пятигорск : ПГЛУ, 2002. – С. 54-177.

60. Данилова, Е. Н. Абазины (историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации XIX в.) / Е. Н. Данилова. – М., 1984.

61. Декабристы. Биографический справочник. – М., 1988.

62. Дзамихов, К. Ф. Ранние летописные сюжеты о касогах и фольклор / К. Ф. Дзамихов // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Вып. XIII. – Майкоп, 1991.

63. Дегоев, В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В. В. Дегоев. – 2-е изд., расш. и доп. – М., 2003.

64. Дегоев, В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год) / В. В. Дегоев. – М. : Навона, 2009.

65. Дегоев, В. В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия / В. В. Дегоев. – М. : Рубежи XXI, 2009.

66. Джимов, Б. М. Роль Екатеринодара в социально-экономическом развитии адыгов (конец XVIII – XIX в.) / Б. М. Джимов // Тезисы краевой научно-практической конференции «Краснодару – 200 лет». – Краснодар, 1993.

67. Дмитриев, В. А. Эволюция традиции формирования пространства жилища у западных адыгов (черноморских шапсугов) источники по ее изучению / В. А. Дмитриев // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках : Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. – СПб., 2010. – С. 211-233.

68. Доде, З. В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в costume народов Северного Кавказа / З. В. Доде // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 4. – С. 129-154

69. Дубровин, Н. Черкесы / Н. Дубровин // Военный сборник. – 1870. – № 4.

70. Дубровин, Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кавказ / Н. Дубровин. – СПб., 1871. – Т. 1. – Кн. 1.

71. Дударев, С. Л. К вопросу об особенностях менталитета и обычаев казачества в свете отношений с горцами / С. Л. Дударев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Седьмой международной Кубано-Терской научно-практической конференции. – Армавир, 2010. – С. 170-172.

72. Дударев, С. Л. К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и большой России в XVIII – начале XXI века / С. Л. Дударев ; под ред. Н. Н. Гаруновой. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2013. – 56 с.

73. Дударев, С. Л. Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова / С. Л. Дударев. – Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013.

74. Дударев, С. Л. О судьбах горских «панцирников» в первой половине – середине XIX века (по следам одной статьи В.Б. Виноградова) / С. Л. Дударев // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). – Армавир : Дизайн-студия Б, 2015. – С. 124-129.

75. Дударев, С. Л. К вопросу о терминах «мухаджирьы» и «мухаджирство» / С. Л. Дударев // Былые годы. – 2017. – Т. 44. – Вып. 2. – С. 525-532.

76. Дударев, Д. С. Ф.Ф. Торнау и хаджи Джансеид / Д. С. Дударев // Виноградовские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПА, 11 апреля 2015 г.). – Армавир : Дизайн-студия Б, 2015. – С. 130-133.

77. Дударев, Д. С. Жизнь северокавказских горцев в мемуарах декабристов / Д. С. Дударев, С. Л. Дударев // Вопросы истории. – 2015. – № 1. – С. 79-89.

78. Дударев, Д. С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века / Д. С. Дударев, С. Л. Дударев. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2017.

79. Дударев, С. Л. Дискуссионные вопросы функционирования некоторых форм личной зависимости у горцев Северного Кавказа в первой половине XIX в. / Д. С. Дударев, С. Л. Дударев // Slavery: theory and practice. – 2017. – No. 2(1). Pp.18-30.

80. Думанов, Х. М. Вдали от Родины / Х. М. Думанов. – Нальчик, 1994.

79. Доногоно-Коркмас, М. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. / М. Доногоно-Коркмас // Всесоюзная научная конференция 20-22 июня 1989 г. : Тезисы докладов и сообщений. – Махачкала, 1989.

81. Доногоно-Коркмас, М. Кавказский художник князь Г.Г. Гагарин / М. Доногоно-Коркмас. – Махачкала, 1993.

82. Епифанцев, А. А. Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? / А. А. Епифанцев. – М., 2010.

83. Ермаков, В. П. Северный Кавказ с древних времен до конца XX столетия. Историко-этнографические очерки / В. П. Ермаков, Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск, 2010. – 318 с.

84. Жилаев, Д. В. Эмиграция горцев Северного Кавказа (1858-1866) в современной отечественной историографии / Д. В. Жилаев // Миграционные процессы в истории России XVIII–XX вв.: политика, экономика, культура. – Армавир, 2003.

85. Захаров, В. А. Дом-музей М.Ю. Лермонтова в Тамани / В. А. Захаров, М. И. Лют, Б. Г. Малахов. – Темрюк, 1979.

86. Захаров, В. А. Кого нарисовал М.Ю. Лермонтов в школе юнкеров: к истории русско-турецких отношений 30-х годов XIX века / В. А. Захаров. – М. : Русская панорама, 2016.

87. Захаров, В. А. О портрете М.Ю. Лермонтова, приписываемом Ф.О. Будкину / В. А. Захаров. – М.; Армавир : Русская панорама, 2017.

88. Земля Адыгов / А. Х. Шеуджен [и др.]. – Майкоп, 1996. – С. 201-205.

89. Золотарев, В. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном средиземноморье / В. А. Золотарев, И. А. Козлов. – М., 1988.

90. Иван Айвазовский. – М., 2000.

91. Иванова, Л. М. Кавказский фронт в современной российской историографии / Л. М. Иванова // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 9 / науч. ред., сост. О. В. Матвеев. – Краснодар, 2016. – С. 49-55.

92. Ивахненко, А. С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в кавказской войне 1817-1864 гг. / А. С. Ивахненко // Информационно-аналитический вестник. – Вып. 4. – Майкоп, 2001. – С. 186-196.

93. Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991.

94. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. – Майкоп, 1993.

95. История Кубани в русской художественной литературе (досоветский период) : Хрестоматия. – Армавир, 1996. – Ч. 1.

96. История казачества России : учебное пособие. – Ростов н/Д., 2001.

97. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. : учебное пособие / под ред. А. И. Нарезного и Н. В. Самариной. – Ростов н/Д., 2001.

98. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.

99. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М., 1988.

100. Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова. 50 лет в пути : сборник научно-исследовательских очерков и библиографических материалов / под ред. С. Л. Дударева. – Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013. – 620 с.

101. Кавказский этнографический сборник. Т. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989.

102. Кавтарадзе, А. Г. Генерал Ермолов / А. Г. Кавтарадзе. – Тула, 1977.

103. Каганович, С. Л. Кавказские пленники в русской литературе / С. Л. Каганович. – М., 2009.
104. Кажаров, В. Х. Адыгская хаса / В. Х. Кажаров. – Нальчик, 1992.
105. Казаки в изображении иностранных художников // Казачий Круг. Спец. вып. Ч. 1. – М., 1991. – С. 66-73.
106. Казиев, Ш. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. / Ш. Казиев, И. Карпеев. – М., 2003.
107. Калмыков, И. Х. Ногайцы. Историко-этнографический очерк / И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, Л. И. Сикалиев. – Черкесск, 1988.
108. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М., 1987.
109. Керейтов, Р. Х. Новое о Казы-Гирее / Р. Х. Керейтов // Вопросы археологии и традиционной этнографии в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1988.
110. Керейтов, Р. Х. Из истории общественной мысли Северного Кавказа в XIX в. / Р. Х. Керейтов // Археология и краеведение – вузу и школе: Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции. – Грозный, 1985.
111. Керейтов, Р. Х. О пребывании ногайцев на Средней Кубани и некоторых аспектах изучения этого вопроса / Р. Х. Керейтов // Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности школы академика В.Б. Виноградова. – Армавир, 1994. – Ч. II.
112. Керейтов, Р. Х. Султан Казы-Гирей и его жизнь / Р. Х. Керейтов // Половецкая луна. – 1991. – № 1.
113. Кидирниязов, Д. С. Ногайцы в XV-XVIII вв. / Д. С. Кидирниязов. – Черкесск, 1999.
114. Киняпина, Н. С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.) / Н. С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – М., 1984.
115. Кипкеева, З. Б. Северный Кавказ в составе Российской империи: народ, миграции, территории / З. Б. Кипкеева. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2008.
116. Кипкеева, З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII-XIX вв. / З. Б. Кипкеева. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017.
117. Кирсанова, Р. «На нем чекмень, простой бешмет...» / Р. Кирсанова // Родина. – 2000. – № 1-2.
118. Кишмахов, М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов / М. Х.-Б. Кишмахов. – Сухум; Карачаевск, 2012.
119. Клычников, Ю. Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Ю. Ю. Клычников. – Ессентуки, 1999.

120. Клычников, Ю. Ю. Из истории формирования российского Северного Кавказа / Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск, 2008.

121. Клычников, Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.) / Ю. Ю. Клычников. – Пятигорск, 2002.

122. Клычников, Ю. Ю. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Ю. Ю. Клычников, А. А. Цыбулькина ; под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. – Пятигорск, 2011.

123. Клычников, Ю. Ю. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2012.

124. Клычников, Ю. Ю. О некоторых дискуссионных проблемах северокавказской истории глазами исследователей научно-педагогической Школы В.Б. Виноградова / Ю. Ю. Клычников // Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18-го семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013. – С. 5-9.

125. Клычников, Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении / Ю. Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова / под ред. С. Л. Дударева. – Вып. 1. – Пятигорск, 2016.

126. Клычников, Ю. Ю. Фактор работорговли в российской политике на Северном Кавказе / Ю. Ю. Клычников // Slavery: Theory and Practice. – 2017. – № 2(1). – Pp. 42-51 [Электронный ресурс]. URL: <http://ejournal43.com/en/archive.html?number=2017-06-01-14:29:05&journal=2> (дата обращения: 06.07.2017).

127. Кобычев, В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа XIX–XX вв. / В. П. Кобычев. – М., 1982.

128. Колосовская, Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII-XIX вв. / Т. А. Колосовская. – М., 2015.

129. Корнилова, А. В. Григорий Гагарин. Творческий путь / А. В. Корнилова. – М., 2001.

130. Короленко, П. П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896 : Исторический очерк / П. П. Короленко. – Екатеринодар (Минеральные воды), 1896 (1991).

131. Крупнов, Е. И. Древняя история Северного Кавказа / Е. И. Крупнов. – М., 1960.

132. Кругов, А. И. Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа 1829-1859 / А. И. Кругов, М. В. Нечитайлов. – М. : Русские витязи, 2016.

133. Ктиторова, О. В. История, быт и культура народов Северо-Западного Кавказа : хрестоматия. Учебно-методическое пособие / О. В. Ктиторова. – Армавир : АФ ГБОУ ККИДППО, 2012. – 128 с.

134. Ктиторова, О. В. Феномен северокавказского просветительства в преломлении судьбы и творчества Адиль-Гирея Кешева / О. В. Ктиторова. – Армавир, 2015.

135. Кузнецова, Э. В. Исторический и батальный жанр. Беседы о русской и советской живописи : Книга для учителя / Э. В. Кузнецова. – М., 1982.

136. Кушева, Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века) / Е. Н. Кушева. – М., 1963.

137. Лавров, Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа / Л. И. Лавров. – Л., 1976.

138. Лавров, Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.) / Л. И. Лавров. – Л., 1982.

139. Лапинский, Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Т. Лапинский. – Нальчик, 1995.

140. Лермонтов. Картины – акварели – рисунки. – М., 1960.

141. Лермонтовская энциклопедия. – М., 1981.

142. Лермонтов в Тамани. Путеводитель. – М. : Внешторгиздат, 1988.

143. Ляхов, В. А. Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828-29 гг. / В. А. Ляхов. – Ярославль, 1972.

144. Маргильер, О. Альбрехт Дюрер / О. Маргильер // Смена. – 1999. – № 3.

145. Маркелов, Н. В. Кавказские силуэты / Н. В. Маркелов. – Пятигорск, 2011.

146. Марковин, В. И. Дольмены Западного Кавказа / В. И. Марковин. – М., 1978.

147. Марковин, В. И. Испун. Дома карликов / В. И. Марковин. – Краснодар, 1985.

148. Матвеев, В. А. Концептуальные парадигмы в контексте историографического анализа проблемы геополитического единства России и Северного Кавказа / В. А. Матвеев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2003. – № 3.

149. Матвеев, О. В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе в творчестве русских художников баталистов XIX в. / О. В. Матвеев // Человек в мире искусства: информационные аспекты : Тезисы докладов конференции. – Краснодар, 1994. – Ч.1. – С. 117-119.

150. Матвеев, О. В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани / О. В. Матвеев. – Краснодар; Армавир, 1995.

151. Матвеев, О. В. Слово о кубанском казачестве / О. В. Матвеев // Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. – Краснодар, 1995.

152. Матвеев, О. В. Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII – 1917 г.) / О. В. Матвеев, Б. Е. Фролов. – Краснодар, 2000.

153. Матвеев, О. В. Военная организация Тмутараканского княжества в X-XII вв. / О. В. Матвеев, А. М. Урабов // Кубань в истории России. Археология и краеведение Кубани : Тезисы докладов V Краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Краснодар, 1997. – Ч. 1. – С. 43-45.

154. Матвеев, О. В. Военное дело Тмутараканской Руси по миниатюрам Радзивилловской летописи / О. В. Матвеев, А. Н. Урабов // Археология, этнография и краеведение Кубани : Материалы VII Краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир; Краснодар, 1999. – С. 21-22.

155. Матвеев, О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки / О. В. Матвеев. – Краснодар : Эдви, 2015.

156. Махлевич, Я. Л. «И Эльборус на юге...» / Я. Л. Махлевич. – М., 1991.

157. Мебде-и канун-и йенергери оджаги тарихи (История происхождения законов Янычарского корпуса) / Изд. текста, пер. с тур., введ., коммент. и указ. И. Е. Петросян. – М., 1987.

158. Меретуков, М. А. Поселения у адыгов / М. А. Меретуков // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – Майкоп, 1975.

159. Миллер, А. Ф. Краткая история Турции / А. Ф. Миллер. – М., 1948.

160. Мошкович, Г. Г. Атаман Г.А. Рашпиль и организация меновой торговли казаков и горцев в 40-50-е гг. XIX в. на Кубани / Г. Г. Мошкович // Проблемы историографии и истории Кубани. – Краснодар, 1994. – С. 116-130.

161. Мошкович, Г. Г. Кубанские ярмарки дореформенного периода (первая половина XIX в.) / Г. Г. Мошкович // Краснодару – 200 лет : Тезисы краевой научно-практической конференции. – Краснодар, 1993.

162. Мужской костюм и воинское снаряжение чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. (история, кавказская этническая культура и наименования) / Л. М. Гарсаев [и др.]. – Саратов : Наука, 2014.

163. Муфти, Х. Ш. Герои и императоры в черкесской истории / Х. Ш. Муфти. – Нальчик, 1994.

164. Народы Кавказа. – М., 1960. – Т. 1.

165. Нарожный, Е. И. Еще раз о времени пребывания Э. Спенсера на Северо-Западном Кавказе и дате окончания его книги / Е. И. Нарожный, С. А. Галаган // Археология, этнография и краеведение Кубани : Материалы IX Краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир; Краснодар, 2001.

166. Науменко, В. Е. Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион (1811-1861 гг.) / В. Е. Науменко, Б. Е. Фролов. – Краснодар, 2002.

167. Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства : Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. – Махачкала, 1990.

168. Недумов, С. И. Лермонтовский Пятигорск / С. И. Недумов. – Ставрополь, 1974.

169. Некрасов, А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV в. – первая половина XVI в.) / А. М. Некрасов. – М., 1990.

170. Нефляшева, Н. А. Запрет на изображения в исламе: интерпретация скрытого смысла (историографический аспект) / Н. А. Нефляшева // Вопросы теории и методологии истории : Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Майкоп, 2001. – С. 59-63.

171. Нечитайлов, М. В. Декабристы на Кавказе: униформологический аспект / М. В. Нечитайлов // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Вып. 7. – Пятигорск, 2007. – С. 39-49.

172. Ногмов, Ш. Б. История адыгейского народа / Ш. Б. Ногмов. – Нальчик, 1982.

173. Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1987.

174. Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь, 1967. – Т. 1.

175. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. – Краснодар, 1996.

176. Очерки истории Ставропольского края. С древнейших времен до 1917 г. – Ставрополь, 1986. – Т. 1.

177. Пафова, М. Ф. Изменение традиционной одежды черкесов как один из аспектов этнокультурных процессов (нач. XIX – XX вв.) / М. Ф. Пафова // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Сборник статей. – Черкесск, 1991. – С. 56-74.

178. Пейсонель, М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах. В изложении Е.Д. Фелицина / М. Пейсонель. – Перемышляны : М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990.

179. Перфильева, Л. А. «Загадка Тавернье» и нижний Архыз. Еще одна гипотеза к истолкованию памятника / Л. А. Перфильева // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа : Сборник тезисов докладов. – Кисловодск, 1994.

180. Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей / О. И. Подобедова. – М., 1965.

181. Покровский, М. В. Из истории адыгов в первой половине XIX века. Социально-экономические очерки / М. В. Покровский. – Краснодар, 1989.

182. Покровский, Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н. И. Покровский. – М., 2000. – С. 115.

183. Популярная художественная энциклопедия. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. – М., 1986.

184. По лермонтовским местам: Москва и Подмосковье. Пензенский край. Ленинград и его пригороды. Кавказ. – М., 1989.

185. По страницам истории Кубани (краеведческие очерки). – Краснодар, 1993.

186. Потто, В. А. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова / В. А. Потто. – Ставрополь, 1994. – Т. 4.

187. Приймак, Ю. В. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX в.) / Ю. В. Приймак. – Армавир, 1997.

188. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.) / Ю. В. Приймак. – Армавир, 2011. – 359 с.

189. Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. История. – Черкесск, 1985. – С. 66-68; 135-142.

190. Прозрителев, Г. Н. Кавказское оружие (оружие кавказских горцев) / Г. Н. Прозрителев // Сабли рая. Горское оружие в кавказской войне. – Грозный, 1992.

191. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. – Краснодар, 1994. – Ч. 1.

192. Равдоникас, Г. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа / Г. Д. Равдоникас. – Л., 1990.

193. Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. – СПб.; М., 1994.

194. Российский Северный Кавказ: проблемы социально-политического развития и исторического выбора. Материалы 18 семинара Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Армавир; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2013. – 80 с.

195. Рыбаков, Б. А. Из истории культуры Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1984. – С. 202-240.

196. Робакидзе, А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе / А. И. Робакидзе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С. 6-20.

197. Садовень, В. В. Русские художники-баталисты XVIII-XIX веков / В. В. Садовень. – М., 1955.
198. Сахаров, С. Гвардейский Прометей, или Кавказ А.А. Бестужева-Марлинского / С. Сахаров // Родина. – 1994. – № 3-4. – С. 104-106.
199. Сборник статей по этнографии Адыгеи. – Майкоп, 1975. – С. 169-175.
200. Скиба, К. В. Линейные казаки в российской батальной живописи / К. В. Скиба, Л. Н. Хлудова // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир, 2002.
201. Скиба, К. В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской линии / К. В. Скиба. – Армавир, 2005.
202. Скрицкий, Н. Штурм с моря / Н. Скрицкий // Родина. – 1994. – № 3-4. – С. 36-40.
203. Служивый. Очерки покорения Кавказа. С рисунками и картами. – СПб., 1901.
204. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : Соч. в 18 кн. / С. М. Соловьев. – М., 1988. – Кн. I. – Т. 1-2.
205. Соловьев, В. А. Суворов на Кубани. 1778-1793 / В. А. Соловьев. – Краснодар, 1992.
206. Соснина, Е. Л. Об остатках христианства в верованиях горцев Северного Кавказа в конце XVIII – начале XIX в. (по данным французских письменных источников) / Е. Л. Соснина // Проблемы всеобщей истории. – Вып. 8. – Армавир, 2003. – С.175-187.
207. Сталь, К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик, 2001. – Т. 1.
208. Студенецкая, Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX веков / Е. Н. Студенецкая. – М., 1989.
209. Телепень, С. В. Заметки о казаках-линейцах / С. В. Телепень, В. Б. Виноградов. – Армавир, 1994.
210. Телепень, С. В. Линейные казаки в польских событиях 1861-1863 гг. глазами художников-современников / С. В. Телепень, Л. Н. Чернова // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Второй международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. – Армавир, 2000.
211. Телепень, С. В. 1861-1865 гг. в Царстве Польском: манифестации, восстание и кубанские казаки / С. В. Телепень // Вопросы Северокавказской истории : Сборник научных статей аспирантов и соискателей. – Вып. 2. – Армавир, 1997. – С. 47-55.

212. Ткаченко, Д. С. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников) / Д. С. Ткаченко, Т. А. Колосовская. – Ставрополь, 2011.

213. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф. Ф. Торнау. – М., 2000.

214. Трудные годы. Декабристы на Кавказе. – Краснодар, 1985.

215. Урушадзе, А. Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации / А. Т. Урушадзе // Былые годы. – 2010. – № 4. – С. 10-12.

216. Федоров, Я. А. Топонимия Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории / Я. А. Федоров // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды. Серия историческая. Вып. 7. – Черкесск, 1974.

217. Фролов, Б. Е. Одежда черноморских казаков в конце XVIII – начале XIX в. / Б. Е. Фролов // Новые материалы по этнографии кубанских казаков. – Краснодар, 1993.

218. Фролов, Б. Е. Оружие и снаряжение черноморских пластунов / Б. Е. Фролов // Вопросы отечественной истории : Сборник научных трудов. – Краснодар, 1995.

219. Фролов, Б. Е. Труды И.Д. Попко как исторический источник по одежде и вооружению черноморских казаков / Б. Е. Фролов // Памяти Ивана Диомидовича Попко : Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня смерти историка. – Краснодар, 1994.

220. Фролов, Б. Е. Черноморские пластуны / Б. Е. Фролов // Проблемы историографии и истории Кубани : Сб. научных трудов. – Краснодар, 1994. – С. 95-110.

221. Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов. Галантный век / Э. Фукс. – М., 1994.

222. Хлудова, Л. Н. Изобразительные источники ранней истории линейцев (к постановке проблемы) / Л. Н. Хлудова // Из истории и культуры линейного казачества : Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской конференции. – Краснодар; Армавир, 2004. – С. 56-57.

223. Хлудова, Л. Н. Кубанское казачество и славянский мир в XIX в.: живописные сюжеты / Л. Н. Хлудова // Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию начала Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Ч. I. – Славянск-на-Кубани, 2012.

224. Хлудова, Л. Н. Культура и быт полиэтнического населения Прикубанья в работах российских и европейских художников (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.) / Л. Н. Хлудова // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир, 2012.

225. Хлудова, Л. Н. Облик женщины кавказского пограничья в графике и живописи XVIII-XIX вв. (к постановке проблемы) / Л. Н. Хлудова // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна. Материалы научно-практической конференции. – Армавир : РИЦ АГПУ, 2010. – С. 262-271.

226. Хлудова, Л. Н. (Чернова). Мир черкесов в изобразительном творчестве английских эмиссаров / Л. Н. Хлудова (Чернова) // Археология, этнография и краеведение Кубани : Материалы 12-й Всероссийской межвузовской конференции. – Краснодар, 2004. – С. 48-50.

227. Хлудова, Л. Н. Событий Кавказской войны в творчестве И.К. Айвазовского / Л. Н. Хлудова // Борьба народов Северо-Восточного Кавказа 20-50-х гг. XIX в.: спорные вопросы и новые дискуссии. Материалы научно-практической конференции. – Дербент, 2009.

228. Хлудова, Л. Н. Христианские памятники Северного Кавказа в графике и живописи конца XVIII-XIX вв. (к постановке проблемы) / Л. Н. Хлудова // Теодицея. – 2010. – № 1. – С. 59-63.

229. Чекменев, С. А. Из истории переселения горцев в Турцию / С. А. Чекменев // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Вып. 7. – Пятигорск, 2007. – С. 67-81.

230. Чернова, Л. Н. Аталык и его воспитанник (по творчеству художника Г.Г. Гагарина) / Л. Н. Чернова // Археология, этнография и краеведение Кубани : Материалы VII Краевой межвузовской аспирантско-студенческой конференции. – Армавир, 1999. – С. 33-34.

231. Чернова, Л. Н. Горцы на Черноморском побережье (этнографические портреты) / Л. Н. Чернова // Археология и краеведение Кубани : Материалы IV Межвузовской студенческо-аспирантской научной конференции. – Краснодар; Армавир, 1996. – С. 32-33.

232. Чернова, Л. Н. Два изобразительных сюжета на тему торговых связей (первой половины XIX века) / Л. Н. Чернова // Археология и краеведение Кубани : Материалы Второй межвузовской студенческой научной конференции. – Армавир, 1994. – С. 40-41.

233. Чернова, Л. Н. История Кубани в произведениях иностранных художников (к постановке проблемы) / Л. Н. Чернова // Археология и краеведение Кубани : Материалы Третьей межвузовской научной конференции. Аннотация докладов армавирской делегации. – Краснодар; Армавир, 1995.

234. Чернова, Л. Н. Живописное наследие как источник по истории кубанского казачества / Л. Н. Чернова // Историко-культурное наследие и современность : Материалы республиканской научно-практической конференции. – Краснодар, 1995. – С. 46-48.

235. Чернова, Л. Н. Живописные произведения как краеведческий источник (первые подходы) / Л. Н. Чернова // Археология и краеведение Кубани : Материалы Первой студенческой научной конференции. – Краснодар, 1993.

236. Чернова, Л. Н. Казачьи изобразительные сюжеты в книге «Линейцы» / Л. Н. Чернова // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : Материалы Первой региональной Кубанско-Терской просветительской конференции. – Армавир–Железноводск, 1998.

237. Чернова, Л. Н. Картина А.И. Иванова на тмутараканский сюжет / Л. Н. Чернова // К изучению историко-культурного прошлого населения Прикубанья : Материалы заседания студенческо-преподавательского семинара по итогам работ. – Армавир, 1992.

238. Чернова, Л. Н. Кубанские дольмены в рисунках первых европейских очевидцев / Л. Н. Чернова // Вторые чтения по археологии Средней Кубани. – Армавир, 1994. – С. 26-27.

239. Чернова, Л. Н. Линейное казачество в живописи и графике XIX в. / Л. Н. Чернова // Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска : Материалы научно-практической конференции. – Армавир, 1996. – С. 37-39.

240. Чернова, Л. Н. Ногайский просветитель Султан Казы-Гирей и прочный Окоп / Л. Н. Чернова // Прочноокопский историко-культурный многоугольник : Материалы конференции. – Армавир, 1994. – С. 16-17.

241. Чернова, Л. Н. Произведения живописи и графики досоветского периода как источник по истории Кубани / Л. Н. Чернова // Вопросы северокавказской истории. – Вып. III. – Армавир, 1998. – С. 74-79.

242. Чернова, Л. Н. Историко-этнографические комментарии к рисунку «Сакля Аслан бека Дударукова за Кубанью» / Л. Н. Чернова, О. В. Шаленая // Вопросы северокавказской истории : Сб. статей аспирантов и соискателей. – Вып. IV. – Армавир, 1999.

243. Черноус, В. В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50-х гг. XIX в.: наука в контексте политического процесса / В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 2003. – № 1. – С. 50-60.

244. Чекменев, С. А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. / С. А. Чекменев. – Пятигорск, 1967.

245. Чирг, А. Ю. Культура жизнеобеспечения адыгов / А. Ю. Чирг // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). – Вып. VIII. – Майкоп, 1991.

246. Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX в. Избранные произведения. – Краснодар, 1986.

247. Шаханов, Т. Б. Записки краеведа / Т. Б. Шаханов. – Нальчик, 2004.

248. Шеремет, В. И. Внешнеэкономические отношения и внешняя торговля Османской империи в конце XVIII – первой пол. XIX в. / В. И. Шеремет // Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII – начало XIX в.). – М., 1989.

249. Штутман, С. Зачислить навечно / С. Штутман // Родина. – 1994. – № 3-4. – С. 78-81.

250. Шу, Ш. С. Адыгские танцы / Ш. С. Шу // Сборник статей по этнографии Адыгеи. – М., 1975. – С. 273-302.

251. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар, 1910. (Репринт. изд. Краснодар, 1992.). – Т. 2.

252. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. – Краснодар, 1997.

253. Эсадзе, С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны / С. Эсадзе. – Майкоп, 1993.

254. Этноконфессиональная ситуация на Северном Кавказе в контексте интеграции региона в состав России (конец XVIII – начало XXI века) : монография / Н. Н. Великая [и др.]. – Армавир : Дизайн-студия Б, 2015.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абдулвахабова, Б.-Б. А. Одежда чеченцев и ингушей XVI – начала XIX в. (археолого-этнографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.-Б. А. Абдулвахабова. – М. : МГУ, 1992.

2. Брацун, Е. В. Горцы Северного Кавказа на воинской службе России (конец XVIII – XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Брацун. – Краснодар : КубГУ, 2014.

3. Дударев, Д. С. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. С. Дударев. – Армавир, 2016.

4. Зверева, Ю. И. Поселения абазин в XIX – начале XX в. (Историко-этнографическое исследование) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. И. Зверева. – М., 1985.

5. Ктиторова, О. В. Абазины Северо-Западного Кавказа в исторических событиях и процессах конца XVIII – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук / О. В. Ктиторова. – Армавир, 2003.

6. Матвеев, О. В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / О. В. Матвеев. – Ставрополь, 2009.

7. Нечитайлов, М. В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. В. Нечитайлов. – Ставрополь, 2005.

8. Приймак, Ю. В. Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи XVIII – первая треть XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / Ю. В. Приймак. – Армавир, 2000.

9. Приймак, Ю. В. Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ю. В. Приймак. – Армавир, 2013.

10. Смирнова, Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа во второй половине XIX – XX веке. Опыт этнорегионального исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Я. С. Смирнова. – М., 1983.

11. Телепень, С. В. Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши конца XVIII – начала XX в. : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Телепень. – Армавир, 1998.

12. Урушадзе, А. Т. Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Т. Урушадзе. – Ростов н/Д., 2011. – URL: <http://cheloveknauka.com/vzaimodeystvie-kultur-na-kavkaze-v-kontse-xviii-pervoy-polovine-xix-vv#ixzz4N1xxSGIo> (дата обращения: 14.08.16).

13. Чеучева, А. К. Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв. [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. К. Чеучева. – URL: <http://cat.convdocs.org/docs/index-45193.html> (дата обращения: 21.09.17).

14. Юрченко, И. Ю. Умиротворение Кавказа: место и роль казачества (этноисторический аспект) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Ю. Юрченко. URL: <http://cheloveknauka.com/umirotvorenie-kavkaza-mesto-i-rol-kazachestva> (дата обращения: 11.05.2017).

**Рис. 1. Черкешенка-княжна и знатный черкес.
Г.Х. Гейслер.Рисунок. XVIII в.**

**Рис. 2. Черкесский князь и черкесский воин.
Г.Х. Гейслер. Рисунок. XVIII в.**

**Рис. 3. Черкесский князь.
Е.А. Корнеев. Рисунок. XVIII в.**

**Рис. 4. Черкесы.
Автор неизвестен. Рисунок. XVIII — начало XIX вв.**

**Рис. 5. Казак Мамай на привале.
Автор не указан. Лубок. XVIII в.**

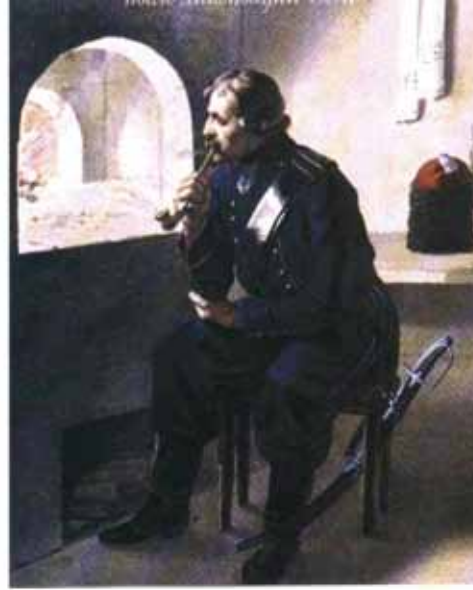
**Рис. 6. Черноморский казак.
Раскрашенная гравюра.
Автор неизвестен.
Конец XVIII – начало XIX в.**

**Рис. 7. Казак-грабитель.
Раскрашенная гравюра.
Автор неизвестен.
Конец XVIII – начало XIX в.**

Рис. 8.
Волгский казак 1774 г.
Автор не указан. Рисунок.

Рис. 9.
Екатеринославский казак.
1778-1789 гг. Автор не указан.
Рисунок.

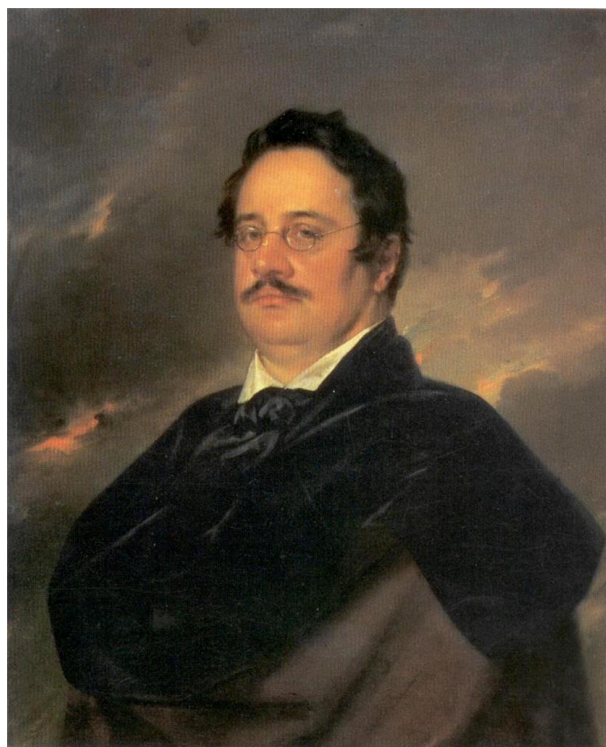
Рис. 10. А.П. Ермолов.
Д. Доу. Масло. 1825 г.

**Рис. 11. Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов.
И. Фридриц. Автолитография. Начало XIX в.**

**Рис. 12. Н.Н. Раевский-младший.
И.А. Долгорукий. Рисунок. 1817 г.**

*Рис. 13. Н.Н. Раевский-младший.
В.А. Тропинин. Масло. 1842 г.*

*Рис. 14. Барон Г.Х. Засс.
Литография. XIX в.*

***Рис. 15. Барон Г.Х. Засс.
Литография. 1836 г.***

***Рис. 16. Курган генерала Г.Х. Засса.
Автор не указан.***

**Рис. 17. Декабрист К.Г. Игельстром.
Неизвестный художник. Акварель. XIX в.**

**Рис. 18. Декабрист М.А. Назимов.
Неизвестный художник. Пастель. XIX в.**

**Рис. 19. Портрет Н.И. Лорера.
А. Шведе. Масло. 1841 г.**

**Рис. 20. Декабрист А.А. Бестужев-Марлинский.
Н.А. Бестужев. Пастель. 1839 г.**

**Рис. 21. Яков Барахович.
Г.Г. Гагарин. Рисунок. 1837 г.**

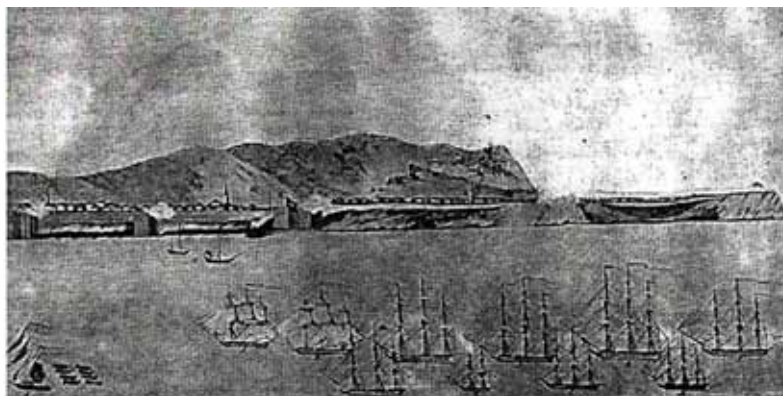
**Рис. 22. Султан Казы-Гирей.
Г.Г. Гагарин. Рисунок. 1840-е гг.**

**Рис. 23. Шеретлук Тугужоко Кизбеч.
Д.С. Белл. Акварель. 1837-39 гг.**

**Рис. 24. Единоборство Мстислава Удалого с Редедюю.
А.И. Иванов. Масло. 1812 г.**

Рис. 25. Атака крепости и города Анапа под командой контр-адмирала Пустошкина. Автор не указан. Акварель. Начало XIX в.

Рис. 26. Осада крепости Анапа под командой генерал-адъютанта С.А. Меншикова. Автор не указан. Гравюра. 1828 г.

**Рис. 27. Победа донского казака близ крепости Анапа.
Автор не указан. Лубок. 1829 г.**

**Рис. 28. Эскадра адмирала А.С. Грейга перед Анапой.
Автор не указан. Масло. XIX в.**

***Рис. 29. Взятие русскими
матросами турецкой лодки
и освобождение пленных кавказских женщин.
И.К. Айвазовский. 1880 г.***

***Рис. 30. Ночь. Контрабандисты.
И.К. Айвазовский. 1836 г.***

*Рис. 31. Десант Н.Н. Раевского у Субаши.
И.К. Айвазовский. Масло. 1839 г.*

*Рис. 32. Высадка десанта у р. Шахе 3 мая 1839 г.
И.К. Айвазовский. Масло. XIX в.*

*Рис. 33. Подвиг рядового Архипа Осипова.
А.А. Козлов. XIX в.*

*Рис. 34. Казак-пластун и калмык. Суджук-Кале. 8 июля 1836 г.
Н.И. Поливанов. Акварель.*

***Рис. 35. Набег на аул
под Николаевским. 1837 г.
Н.И. Поливанов. Рисунок.***

***Рис. 36. Перестрелка с горцами.
Н.И. Поливанов. Рисунок. 1836 г.***

**Рис. 37. Николаевский лагерь.
16 июня 1836 г.
Н.И. Поливанов. Рисунок**

**Рис. 38. Экспедиция
на Кавказе. 8 декабря 1837 г.
Н.И. Поливанов. Акварель.**

**Рис. 39. Привал на Кавказе.
Н.И. Поливанов. Акварель. 1837 г.**

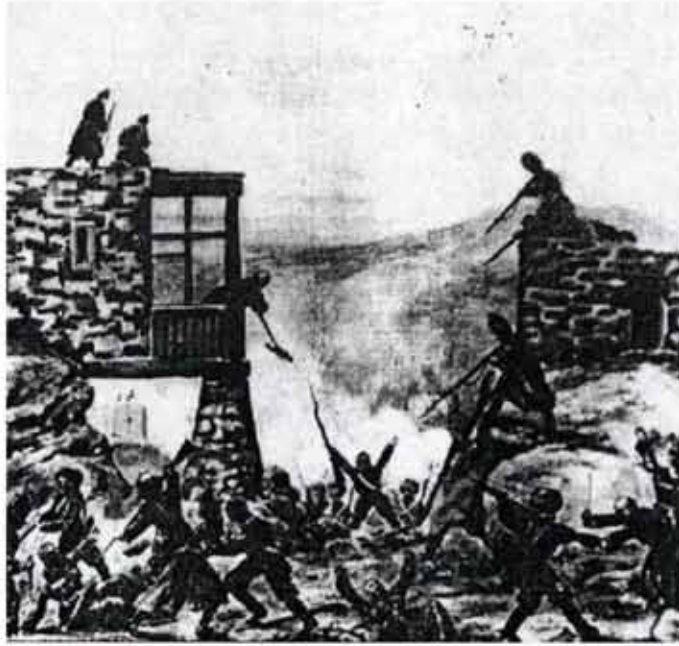
**Рис. 40. Лагерь.
И.Я. Мейер. Акварель. 40-е гг. XIX в.**

**Рис. 41. Сражение.
Фрагмент акварели.
И.Я. Мейер. 40-е гг. XIX в.**

**Рис. 42. Натухаец.
Г.Г. Гагарин. Акварель. XIX в.**

*Рис. 43. Разорение аула князя Дашукова.
Автор не указан. Литография. 1835 г.*

*Рис. 44. Адыги, спустившиеся с гор
для знакомства с новым предводителем.
Г.Г. Гагарин. XIX в.*

**Рис. 45. Молодой убыхский князь со своим аталыком.
Г.Г. Гагарин. XIX в.**

**Рис. 46. Собрание черкесских князей.
Г.Г. Гагарин. Рисунок. Сочи. 1839 г.**

*Рис. 47. Линейные казаки.
Т.Т. Горшельт. Рисунок. XIX в.*

*Рис. 48. Кавказский солдат в зимней походной одежде.
Т.Т. Горшельт. Рисунок. XIX в.*

**Рис. 49. Возвращение кубанских казаков с набега.
Т.Т. Горшельт. Рисунок. XIX в.**

**Рис. 50. Племя черкесов покидает свои горы, направляясь в Турцию
в результате захвата их страны русскими войсками.
Aurelji. XIX в.**

***Рис. 51. Оставление горцами аула
при приближении русских войск.
П.Н. Грузинский. Масло. 1872 г.***

***Рис. 52. Турецкие янычары, заселяющие адыгов
в дома изгоняемых болгар.
Ф. Канитц. Рисунок. 1875 г.***

Рис. 53. Милиционер-черкес из Анапы

***Рис. 54. Черкес-закубанец.
Е. Корнеев. Гравюра. 1808-1809 гг.***

Рис. 55. Черкесская девушка.
Э. Спенсер. Акварель. 1837-1850 гг.

Рис. 56. Черкешенки.
Д. Белл. Рисунок. 40-е гг. XIX в.

**Рис. 57. Молодой черкес с черкешенкой.
Фр. Боденштедт. Рисунок. 1848 г.**

**Рис. 58. Черкесские женщины из Геленджика.
Автор не указан. 40-е гг. XIX в.**

**Рис. 59. Черкешенки.
Е. Корнеев. Гравюра. 1808-1809 гг.**

**Рис. 60. Черкесы.
П.С. Руссель. Рисунок. 40-е гг. XIX в.**

**Рис. 61. Ногайские женщины.
Д. Шлаттер. Рисунок. XIX в.**

**Рис. 62. Ногайцы.
Д. Шлаттер. Рисунок. XIX в.**

**Рис. 63. Собрание князей конфедерации Черкесии
в районе реки Убин.
Э. Спенсер. Акварель. 1837-1850 гг.**

**Рис. 64. Законодательный съезд черкесов в местности Геч.
Д.С. Белл. Рисунок. 1837-39 гг.**

**Рис. 67. Княжеская гостиная.
Д. Лонгворт. 1838 г.**

**Рис. 68. Дольмен в Пшаде.
Д.С. Белл. Рисунок. 1840-е гг.**

Рис. 69. Каменный крест в Черкесии

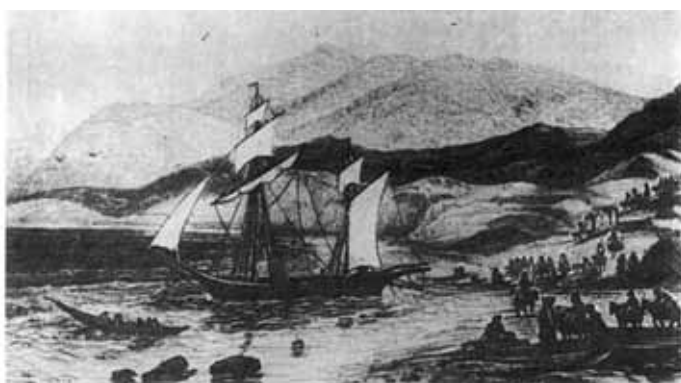
*Рис. 70. Черкесы совершают жертвоприношение в священном лесу перед крестом.
Т. де Мариньи. Рисунок. 1818 г.*

Рис 71. Большой праздник креста в священном лесу в присутствии многих черкесских князей 28 июля 1818 г. (по Тебу де Мариньи). Литография. Начало XIX в.

**Рис. 72. Черкесская пляска.
Е. Корнеев. Гравюра. 1808-1809 гг.**

**Рис. 73. Турецкая кочерма
на черкесском побережье Черного моря.
Д.С. Белл. Акварель. 1837-1840 гг.**

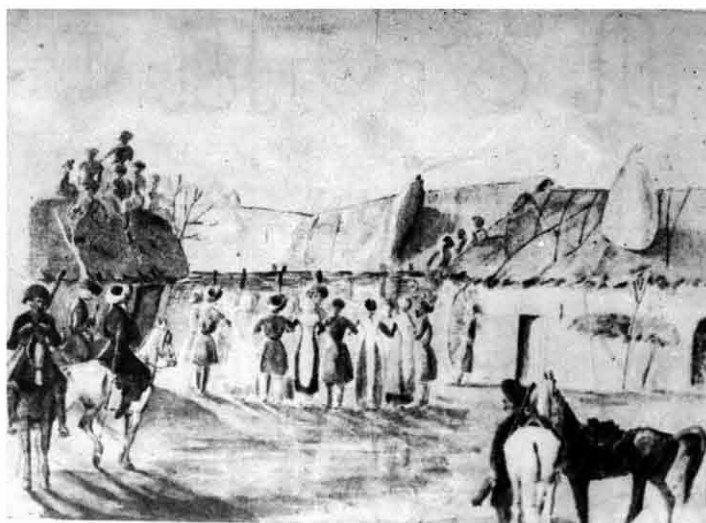
**Рис. 74. Переговоры
между русскими и черкесами.
Автор не указан. Гравюра. XIX в.**

**Рис. 75. Переговоры графа Воронцова с черкесским вождем.
Автор не указан. Гравюра. 1837 г.**

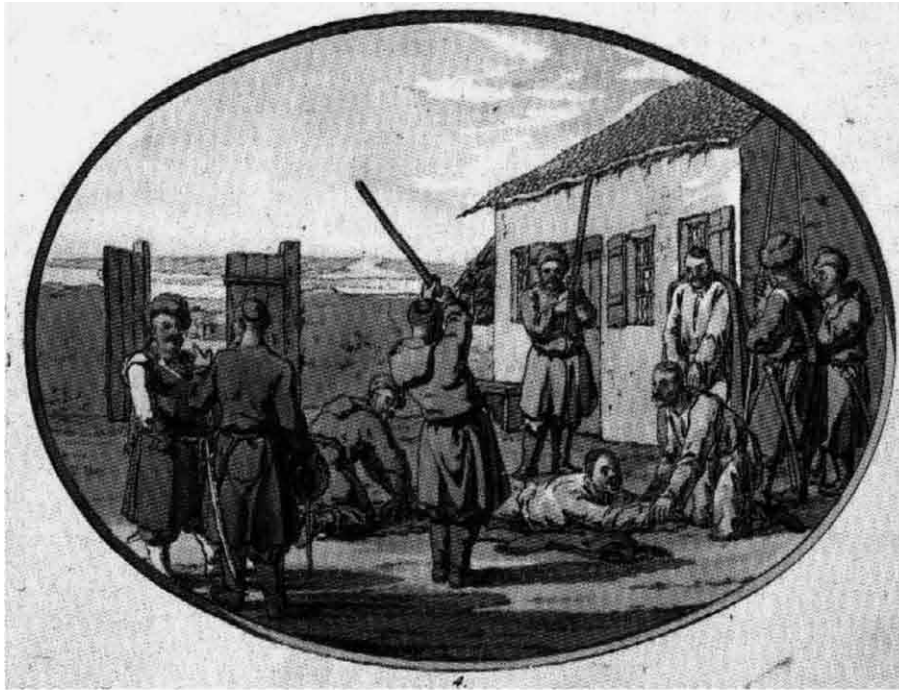
**Рис. 76. Черкесы на Черноморском побережье.
Автор не указан. 1856 г.**

**Рис. 77. Свадьба в Дударуковском ауле.
Автор не известен. Акварель. 40-е гг. XIX в.**

**Рис. 78. Черноморский казак.
Е. Корнеев. Гравюра. 1808-1809 гг.**

**Рис. 79. Наказание палками у черноморских казаков.
Х. Гейслер. Офорт с раскраской акварелью. 1801 г.**

**Рис. 80. Галантный казак.
Луи-Филибер Дебукюр. Акварель. Начало XIX в.**

***Рис. 81. Казаки в Германии – развлекаются с женщинами.
Г.Э. Опиц, 1813 г.***

***Рис. 82. Казаки-мародеры.
И.А. Клейн. Гравюра. Начало XIX в.***

**Рис. 83. Казаки в Германии
и торговка вином.
Г.Э. Опиц. Акварель. 1813 г.**

**Рис. 84. Казаки
на главной улице Берлина.
Унтер ден Линден. Рисунок.
Начало XIX в.**

**Рис. 85. Казак
Черноморского вой-
ска. Автор не указан.
1822-1825 гг.**

**Рис. 86. Линейный казак.
Рисунок. Автор
не указан. XIX в.**

**Рис. 87. Пластуны в засаде.
Т. Горшельт. Акварель. XIX в.**

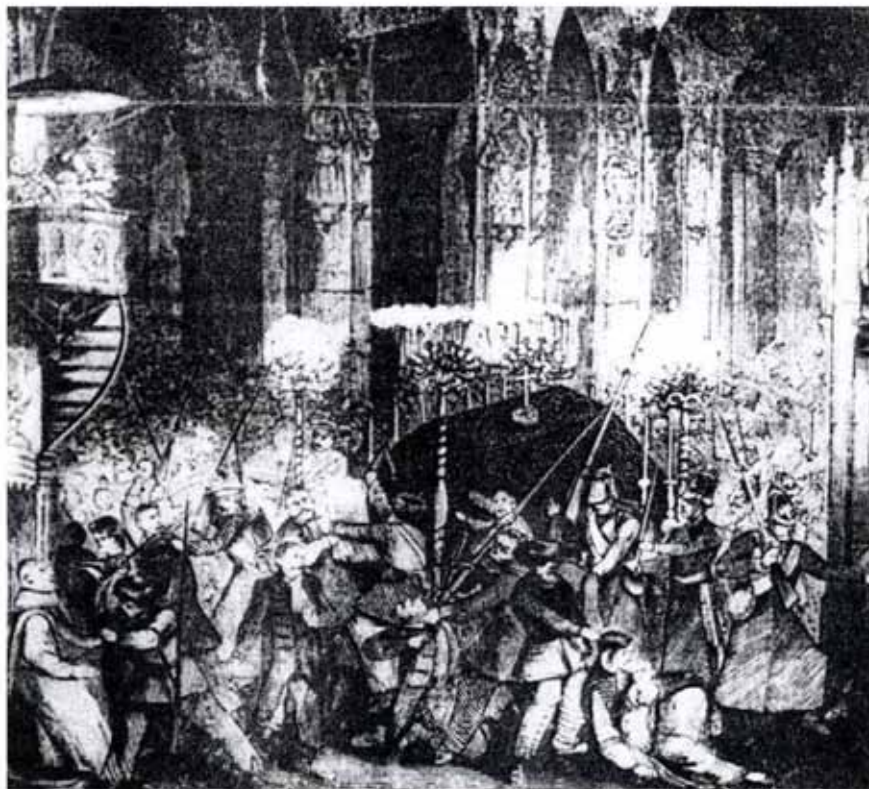
***Рис. 88. Пластуны.
Н. Брезе. Литография. XIX в.***

***Рис. 89. Казачий пикет.
Н. Брезе. Литография. XIX в.***

*Рис. 90. Казачий пост на Кавказской военной линии.
Автор не указан. Рисунок. Середина XIX в.*

*Рис. 91. Разгон молящихся в кафедральном варшавском соборе.
16.10.1861. Автор не указан. Рисунок. XIX в.*

**Рис. 92. Покушение на наместника Польши Берга.
Автор не указан. Рисунок. XIX в.**

**Рис. 93. Товарообмен между русскими и горцами.
Автор неизвестен. Акварель. 40-е гг. XIX в.**

***Рис. 94. Османский работорговец
покупает адыгейских девушек
с Северного Кавказа. Автор неизвестен.
Масло. XIX в.***

***Рис. 95. Невольники перед
отправлением в Турцию.
Автор не указан. Масло***

Научное издание

Людмила Николаевна Хлудова

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ:
НОВАЯ ОКРАИНА
ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ
(КОНЕЦ XVIII В. – 60-Е ГГ. XIX В.)**

МОНОГРАФИЯ

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.И. Грибкова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко
Подписано к печати 13.10.2017. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 9,42. Тираж 550 экз.
Заказ № 109/17.

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35

☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: www.agpu.net